

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I ЯЗЫК И ДИСКУРС: СИНТАКСИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Грыб Ж. У.

Фармальна-сэнсавая народна-этымалагічная матывацыя як
разнавіднасць актуалізацыі слоў (на прыкладзе лексікі народнага
календара)..... 5

Калугина Ю. В.

Механизмы образования когнитивной метафоры экономического
кризиса 2008–2012 гг. 11

Качур М. С.

Механизм преобразования когнитивной структуры денотативной
ситуации фразеологических единиц..... 17

Новикова О. Н.

Современные тенденции развития антропонимикона Британии..... 27

Плыткевич П. В.

Русские соответствия немецким композитам, имеющим
регулярные определяемые компоненты..... 31

Плыткевич П. В., Купрацевич Е. Б.

Виды эквивалентности немецких сложных существительных в
русском языке (по материалам электронного словаря) 38

Пузан Л. В., Зыблева Д. В.

Условия семантического тождества и расхождения между
абстрактным именем и однокорневым глаголом..... 43

Русецкая И. В., Титовец М. Н.

Лингвокультурологический анализ названий альбомов
английских и американских рок-групп 52

Скребова Е. Г.

Особенности организации предикативного аспекта немецких
сложноподчиненных предложений предшествования 57

Старовойт М. Г.

Особенности вхождения лексики со значением неопределенного
количества в логико-смысловую структуру высказывания в
русском, белорусском и английском языках..... 64

Федорова Н. Н.

Реализация аккумулятивной функции языка в пословицах 71

РАЗДЕЛ II ЯЗЫК И ДИСКУРС: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Архипова Е. В., Морозевич О. В.

Средства выражения согласия/несогласия на директивные речевые акты в эпизодах речевого общения 76

Баранова О. Н.

Психолингвистический анализ субъективного значения слова *свобода* в образе *мира* современных российских школьников..... 85

Беляева В. Е.

«Адская кухня» ресторанов яппи (на материале романа «Американский психопат» Брета Истона Эллиса) 93

Друцэ А. Ю.

Стратегии и тактики уклонения от ответа в современном дипломатическом дискурсе..... 100

Мацвеевка І. М.

Індивідуальна-аўтарскія эпітэты 105

Сардарова А. А.

Психолингвистические аспекты перевода как процесса создания вторичного текста..... 111

Сергей В. Н.

Коммуникативная установка обобщения и индивидуализации во французском поэтическом тексте..... 120

Талецкая Т. Н., Костюкевич М. А.

Функционирование галлицизмов в немецком языке 126

Шевченко А. М.

Трансформация метафор в художественных текстах как способ преодоления лакун (на примере оригинала повести «Дикая охота короля Стаха» В.Короткевича и перевода на английский язык) 132

РАЗДЕЛ III ЯЗЫК И ДИСКУРС: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Дуброва А. В.

Игровой метод как способ активизации иноязычной речевой деятельности студентов..... 135

Талецкая Т. Н., Айзатулина С. И.

Речевой образец как средство обучения говорению на изучаемом языке..... 139

Точило Н. Г. Методологические основы проблемы девиантного поведения школьников..... 146

Сведения об авторах..... 149

РАЗДЕЛ I

ЯЗЫКИ ДИСКУРС:

СИНТАКСИЧЕСКИЙ И СЕМАНТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Ж. У. Грыб (Мазыр, Беларусь)

ФАРМАЛЬНА-СЭНСАВАЯ НАРОДНА-ЭТЫМАЛАГІЧНАЯ МАТЫВАЦЫЯ ЯК РАЗНАВІДНАСЦЬ АКТУАЛІЗАЦЫІ СЛОЎ (на прыкладзе лексікі народнага календара)

Феномен народнай этымалогіі ўжо больш за стагоддзе прыцягвае да сябе ўвагу лінгвістаў. Спробы раскрыць народна-этымалагічнае значэнне лексем народнага календара мы можам прасачыць у працах У. Васілевіча, У. Коваля, А. Лозкі і іншых даследчыкаў. Але спробы носяць выпадковы, несістэмны характар. Гэта тлумачыцца тым, што іх даследаванні накіраваны ў другі бок, а народна-этымалагічныя тлумачэнні даюцца толькі дзе-нідзе. Аб'ектам нашага даследавання з'яўляецца лексіка народнага календара, якая адчула на сабе ўплыў народнай этымалогіі.

Сутнасць народнай этымалогіі заключаецца ў высвятленні ўнутранай формы сінхронна нематываванага слоў за кошт прыпадабнення да знаёмых (зразумелых) лексем. Падставай да такіх збліжэнняў служыць выпадковае (не абумоўленае агульнасцю паходжання) гукавое падабенства лексічных адзінак, якое выклікае ў моўнага суб'екта ўяўленне аб фармальнай і сэнсавай залежнасці гэтых слоў адзін ад аднаго. Як і навуковая этымалогія, народная этымалогія імкнецца матываваць назву, аднак робіць гэта па выпадковым гукавым падабенстве ці супадзенні.

За аснову ўсіх наяўных класіфікацый тыпаў народнай этымалогіі прымаюцца два крытэры:

- 1) фармальны (наяўнасць ці адсутнасць змен у знешнім выглядзе слова);
- 2) семантычны (наяўнасць ці адсутнасць змен у значэнні слова, якое адчула на сабе народна-этымалагічнае ўздзеянне).

Мэта нашага даследавання – вызначыць асаблівасці фармальна-сэнсавай народна-этымалагічнай матывацыі ў народным календары.

Як прыклад фармальнага падыходу да выдзялення тыпаў народнай этымалогіі можна прывесці класіфікацыю Ф. дэ Сасюра, які размяжоўваў выпадкі, калі “слово получает новое истолкование без изменения своей внешней формы”, і выпадкі, калі “слово искажают с целью приспособить

его к будто бы заключенным в нем элементом” [1, 50]. У рамках вылучэння двух названых тыпаў народнай этымалогіі найбольшую цікавасць ўяўляе класіфікацыя Бадуэна дэ Куртэнэ, якая будзеца з улікам семантычных стымуляў народна-этымалагічных збліжэнняў. Гаворачы пра гэтыя катэгорыі – знешнім пераўтварэнні слова і ўнутраным, якое складаецца ў іншым тлумачэнні таго ж слова без змены яго формы, Бадуэн вучоны асабліва падкрэсліваў той факт, што ў абодвух выпадках тлумачэнне можа ажыццяўляцца шляхам “приноровлення слова к корню, сходнаму по значению” ці шляхам прыпадабнення любому зразумеламу сугучнаму слову, каб як-небудзь асэнсаваць гэтае слова [2].

Фактар першапачатковай семантычнай сумяшчальнасці ці несумяшчальнасці слоў, якія збліжаюцца ў працэсе народнай этымалогіі, дае падставу для выдзялення двух асноўных тыпаў народна-этымалагічнай матывацыі: 1) *фармальнага* і 2) *фармальна-сэнсавага*. Сэнсавую структуру слова ў кантэксце народна-этымалагічных збліжэнняў мы і разгледзім на прыкладзе лексікі народнага календара.

“Выпадковасць” народна-этымалагічных збліжэнняў часцей за ўсё кампенсуецца ўсталяваннем сэнсавых адносін паміж сугучнымі лексічнымі адзінкамі, “высвятленне” ўнутранай формы наймення з’яўляецца спосабам інтэрпрэтацыі (актуалізацыі) яго значэння. Фармальна-сэнсавая народна-этымалагічная матывацыя выяўляе семантычныя кантакты паміж лексічнымі адзінкамі, абапіраючыся на значэнні абодвух слоў, тады як фармальная народна-этымалагічная матывацыя іх не ўлічвае.

Гэтая з’ява павінна разглядацца як разнавіднасць другаснай намінацыі. Сама тэхніка другаснай намінацыі складаецца ў выкарыстанні ўжо існуючых адзінак лексікі ў адносінах да новага наймення. У выніку другасных народна-этымалагічных збліжэнняў назіраецца поўнае ці частковае фармальнае прыпадабненне, а таксама захаванне ўнутранай формы слова ў суадносінах з новым матыватарам.

Інтэрпрэтацыя семантычнай структуры нематываванага слова, абапіраючыся на вядомыя моўным суб’ектам намінатыўныя мадэлі з улікам сістэмных характарыстык слова і асаблівасцей яго моўнай рэалізацыі, вызначае выбар сугучнага матыватара.

Такім чынам, пры фармальна-сэнсавай матывацыі маюць месца семантычныя кантакты паміж лексемамі, якія збліжаюцца, абапіраючыся на рэальнае значэнне слова, якое інтэрпрэтуецца, і сугучнага матыватара.

14/1.10. *Пакровы (Пакроў)*. Назва свята *Пакроў* звязваецца са словам *покрыва* – ‘кусок тканіны, які прызначаны для пакрыцця каго-, чаго-небудзь’. Гаворка ідзе пра *покрыва*, якое выкарыстоўваецца ў царкоўных абрадах. Народная этымалогія надае яму іншае значэнне ‘верхні пласт, які што-небудзь пакрывае’. Гэта знайшло адбітак у народным календары:

“Свята Пакрова, пакрый зямельку лісточкам, а галоўку вяночкам” [3, 189];

“Прышла Пакроўка – не дала малака кароўка, не пакрые зямлю лістом, а пакрые снегам” [3,190];

“Покрова всю землю пакрывае лісьям або снігом”;

“Покрова накрывае траву лісьям, землю снігом, воду льодом, а дівчат – шлюбным вінцем” [4, 131].

У рэальным і народна-этымалагічным значэнні існуе агульнае – 'пакрываць што-небудзь'.

27/14.09. *Уздзвіжанне*. Рускі варыянт назвы слова *Воздвижение* паходзіць ад слова *воздвигать* (рус.) ці *ўзводзіць* – 'паднімаць угару, дагары'. Народная этымалогія збліжае гэтае слова з *дзвігаць* – 'рухаць, прымушаць дзейнічаць'. У народным календары існуе таксама назва *здзвіжанне*, у якой можна прасачыць адпадзенне першага гука [у]. Тым самым дасягаецца большае падабенства са словам *дзвігаць* – 'перамяшчаць з аднаго месца на другое'. Лічылася, што сонца і прырода ў гэты дзень “грае, здзвігаецца”. “Усё ў хату ўздзвігаецца, каб мороз не пабіў” [3, 165–166]. У першым і ў другім выпадку прысутнічае сэнс 'перамяшчаць'.

Гэта дае магчымасць разглядаць фармальна-сэнсавую народна-этымалагічную матывацыю як разнавіднасць лексічнай актуалізацыі. Такая актуалізацыя адбываецца па законах другаснай намінацыі, пры якой ажыццяўляецца перайменаванне ўжо названага ці выкарыстанне слоў, якія існуюць у мове, у новай намінацыйнай функцыі. У выніку такіх збліжэнняў можна прасачыць частковае (гл. *Уздзвіжанне*) ці поўнае (гл. *Пакроў*) прыпадабненне слова-пратацыпа сугучнаму матыватару, а таксама захаванне знешняга выгляду слова пры суаднясенні яго з новым матыватарам.

У працэсе маўлення слова дзейнічае не як ізаляваная адзінка, а як элемент пэўнай мікрасістэмы, у якую ўваходзяць не толькі заканамерныя ўмовы яго ужывання, але і сітуацыйныя сувязі слоў па іх значэнні. Пры такім падыходзе да слова яго сэнсавая структура разглядаецца як працэс.

Такім чынам, могуць адзначыць тры асноўныя моманты інтэрпрэтацыі семантыкі слова ў працэсе народнай этымалогіі:

1) семантычная структура слова ўяўляе сабою не строга фіксаваны, а дынамічны набор кампанентаў, якія (кожны асобна ці ў сукупнасці з іншымі) можа вызначаць актуальны сэнс дадзенай лексічнай адзінкі ў вызначаных умовах маўлення;

2) унутраная форма слова з’яўляецца актуалізатарам дынамічных аспектаў яго семантыкі і адлюстроўвае выбіральнасць намінацыі;

3) пры даследаванні асаблівасцей рэалізацыі значэння той ці іншай лексічнай адзінкі ў мове неабходна ўлічваць магчымасць актуалізацыі канатацыйных кампанентаў, якія вызначаюць дынамічнасць успрымання значэнняў слоў.

Фанетычная адаптацыя можа выступаць як стымул фармальна-сэнсавых народна-этымалагічных збліжэнняў у народным календары.

З’ява народнай этымалогіі доўгі час разглядалася як анамальная рыса мовы. Скажэнне гучання слоў, а таксама іх памылковае тлумачэнне, заснаванае на народнай этымалогіі, парушэнне норм агульнапрынятага (літаратурнага і дыялектнага) ужывання лексічных адзінак негатыўна адбіваліся на адносінах лінгвістаў да гэтай з’явы.

Сутнасць народнай этымалогіі заключаецца ў высвятленні ўнутранай формы сінхронна нематываванага слоў за кошт прыпадабнення да знаёмых (зразумелых) лексем. Падставай да такіх збліжэнняў служыць выпадковае (не абумоўленае агульнасцю паходжання) гукавое падабенства лексічных адзінак, якое выклікае ў моўнага суб’екта ўяўленне аб фармальнай і сэнсавай залежнасці гэтых слоў адзін ад аднаго. Як і навуковая этымалогія, народная этымалогія імкнецца матываваць назву, аднак робіць гэта па выпадковым гукавым падабенстве ці супадзенні.

Працэсы заканамернай фанетычнай адаптацыі і народнай этымалогіі ў аснове сваёй – розныя з’явы. У выпадках народна-этымалагічных пераўтварэнняў заўсёды трэба шукаць рэшткі ўзаемадзеяння дадзенага слова з якой-небудзь сугучнай лексмай. Але ж перад тым, як сказаць, што нейкае змяненне адбылося з прычыны ўплыву на гэтае слова іншых слоў, трэба пільна разгледзець гэтае слова і ўпэўніцца, што змяненне, якое ў ім адбылося, не магло адбыцца з прычыны гукавага закона. Але менавіта заканамерныя фанетычныя пераўтварэнні, якія зацямяюць марфемны састаў слова, выклікаюць у многіх выпадках неабходнасць праяснення знешняй формы найменняў. Вызначэнне ўзаемадзеяння (перакрыжавання) працэсаў фанетычнай адаптацыі і народнай этымалогіі ўяўляецца неабходным як для ўдакладнення пытанняў аб стымулах народна-этымалагічных збліжэнняў, так і для найбольш поўнага апісання спецыфікі народна-этымалагічных прыпадабненняў.

Разгледзім некаторыя прыклады такога ўзаемадзеяння на матэрыяле народнага календара.

Засваенне фанемы <ф>, некалі далёкай для славянскіх моў, выражаецца ў замене іншымі зычнымі ці злучэннямі, звычайна [хв], [п], [п’], радзей [т].

15/2.03. [Хв’]ядот замест Фядот. Але абедзве формы існуюць паралельна. “На Хвядота занос – усё сена занясе”; “На Фядота занос – доўга прыпару не будзе” [3, 65].

21/8.06. Тодар, Хвёдар змест Фёдар. Фанема <ф> рэалізуецца ў гуках [т] і [хв’]. “На Тодара раса – канापель паласа”, “Навальніца на Хвёдара – падвядзе надвор’е ў час жніва” [3, 117]

4/21.10. **Францішак (Пранцішак)**. На гэтым прыкладзе мы можам назіраць чаргаванне гукаў [ф] і [п]. “На Пранцішка зярнят шукае ў полі мышка” [3, 169]

27/14. **Піліп (Піліпей, Піліпаўка)** замест запазычанага **Філіп**. “Піліп дзяцей адзявае” [3, 182]

Спрошчанне цяжжавымоўных груп зычных таксама можа прыводзіць да народна-этымалагічных збліжэнняў.

23/10.04. **Вербніца – Вербіца**. Група зычных **рбн** спрашчаецца да **рб**, тым самым набываецца большае падабенства са словам вярба. (**Вербіца – вярба**).

27/14.09. **Здзвіжанне – звіжанне**. Цяжжавымоўная група **здзв** замяняецца на **зв**.

Часта адзначаюцца ў народным календары словы з адпадзеннем пачатковых галосных.

6/24.02. **Аксіння – Ксеня**. а // ?

2/20.08. **Ілля – Ля**. і // ? **Ілля лье** воду. Гукавае афармленне ўласнага імя **Лл[ja]** падобнае на **ль[jэ]**. Гэта знайшло свой адбітак у наступных выразях “Ілля нарабіў гнілля”, “На Іллю да абеду лета, а пасля абеду восень” – гэта значыць, што лье дождж. Ілля – апякун земляробства і абаронца ад “нячыстай сілы”, які ўвабраў у сябе рысы язычніцкага бога Перуна. Такім чынам, дзень Іллі – свята дажджоў і навальніц; дзень, калі лье.

30/17.03. **Аляксей – Ляксея**. а // ?

Запазычаныя словы могуць перадавацца словамі з адрозненнем зычных па акустычнай характарыстыцы (глухасці-звонкасці) і па спосабу ўтварэння. Найбольш часта прычынай для народна-этымалагічных збліжэнняў становяцца фанетычныя змены на аснове асімілятыўна-дысімілятыўных працэсаў. Такія замены магчымыя як пры перадачы іншавымоўных слоў роднымі гукамі непасрэдна пры засваенні запазычаных слоў, так і ў працэсе далейшага функцыянавання апошніх у новым моўным асяроддзі.

13/31.01. **Куготы (гаготы)**. Глухі заднеязычны [к] пад уплывам наступнага заднеязычнага глухога [г] таксама пераўтвараецца ў [г]. Такое найменне паходзіць ад дзеяслова “гагатаць” (весьляцца, смяцца).

7/24.05. **Алісей, Аўсей**. Санорны мяккі [л'] замяняецца на санорны [ў]. Тым самым збліжаюцца словы **Аўсей** і **авёс (аўса)**. “Прышоў Алісей – аўса пасей”. [3, 99]

Разгледжаны матэрыял дазваляе зрабіць наступныя вывады:

1) Народна-этымалагічныя і фанетычныя змены не выключаюць адзін аднаго. Апошнія могуць выступаць як фармальны стымул народна-этымалагічных збліжэнняў. Пры гэтым фанетычная варыяцыя лексічных адзінак, якая пашырае мажлівасці пошуку знешніх (гукавых) аналогій гэтага слова з іншымі, спрыяе намінацыянаму варыяцыі на аснове народнай этымалогіі (утварэнню некалькіх намінацыянаму варыянтаў, якія

базіруюцца на адным слове-прататыпе). **Вераб'іная ноч – арабінавая, рабінавая.** Назвы *воробьиная ночь, горобина ніч* у асноўным сустракаюцца ў рускай і ўкраінскай мовах і іх гаворках; для беларускай мовы больш характэрная назва *рабінавая ноч*. Азначэнне вераб'іная суадносіцца з негатыўнымі ўяўленнямі аб сувязі *вераб'я* з нячыстай сілай. У выніку фанетычных працэсаў і народнай этымалогіі азначэнне *вераб'іная* збліжаецца са словам *рабіна*, адсюль і назва *арабінавая, рабінавая*.

2) Народная этымалогія выступае як фактар, які спрыяе лексікалізацыі фанетычных з'яў, ствараючы ўмовы для замацавання за словам дадзенага гукавога выгляду шляхам уключэння яго ў сістэму матывацыйных сувязяў.

15/2.03. Сраценне (Граміцы). У выніку фанетычных і народна-этымалагічных з'яў утвараюцца словы *Стрэчанне, Устрэчанне*. Такім чынам збліжаюцца словы *Сраценне* і *сустрэча*. Пры дапамозе пратэзы (прыстаўнога у) набываецца найбольшая сугучнасць са словам *сустрэча*. З гэтай прычыны царкоўнае свята Сраценне ў народным календары – дзень сустрэчы зімы з летам.

А ў нас сёння Стрэчанне, Стрэчанне,
Зіма з летам стрэлася, стрэлася,
І ножачку звіхнула, звіхнула.
Зіма пайшла плачучы, плачучы,
Лета пайшло скачучы, скачучы. [3, 49]

3) Спецыфіка ўздзеяння народна-этымалагічнай адаптацыі заключаецца ў яе комплексным характары: яна не абмяжоўваецца толькі фармальнымі (фанетычнымі збліжэннямі), а датычыцца ў большасці выпадкаў сэнсавага боку слова. З прычыны гэтага народная этымалогія актыўна выяўляе сябе як фактар, які завяршае адаптацыю.

У цэлым трэба адзначыць, што формальна-сэнсавая народна-этымалагічная матывацыя рэалізуе тыповыя тэндэнцыі мовы ў сферы другаснай намінацыі.

Народную этымалогію не трэба разглядаць як негатыў, гэта з'ява народнай культуры, шмат фактаў каторай мы можам сустрэць у народным календары.

Літаратура

1. Соссюр, Ф. Труды по языкознанию. Курс общей лингвистики / Ф. Соссюр. – М.: Прогресс, 1977. – 696 с.
2. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – М. Издательство АН СССР, 1963. – Т. 1. – 384 с.
3. Лозка, А.Ю. Беларускі народны каляндар / Аўт.-уклад. А.Ю. Лозка; Маст. А.І. Дашкевіч. – Мінск: Польша, 1992. – 205 с.
4. Скуратівський, В.Т. Місяцелік: Укр. нар. календар / В.Т. Скуратівський. – Киев: Мистецтво, 1993. – 207 с.

5. Гридина, Т.А. Проблемы изучения народной этимологии: пособие к спецкурсу / Свердлов. гос. пед. ин-т / Т.А. Гридина. – Свердловск: СГПИ, 1989. – 70 с.

6. Коваль, У.І. Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы: даведнік па ўсходнеславянскай міфалогіі / У.І. Коваль. – Гомель: Беларускае Агенцтва навукова-тэхнічнай і дзелавой інфармацыі, 1995. – 180 с.

Ю. В. Калугина (Уфа, РФ)

МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ МЕТАФОРЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА 2008–2012 гг.

Стилевая и жанровая особенность экономических медиа-текстов *online* формата кризисного периода 2008–2012 гг. достигается системообразующими факторами, к числу которых можно отнести следующие: языковые выражения опираются на ряд типовых когнитивных моделей, к числу которых можно отнести такие, как «больной человек» – 35%, «природные катаклизмы» – 6,6%, «дорога» – 4,9%, «война» – 4,7%, «ремонт дома» – 3,8%. Менее частотными являются такие когнитивные модели, как «антигерои», «машиностроение», «спорт», «развлечение» и т. д. Поскольку метафора влияет на процесс принятия решений в проблемных ситуациях, количество метафор возрастает в периоды общественно-политических и экономических кризисов и располагает весьма богатым концептуальным потенциалом. В процессе своего исследования мы пришли к выводу, что метафорические модели типа «экономический кризис – это...» представляют собой открытый список, который будет пополняться по мере создания новых экономических текстов.

Теоретические изыскания в области когнитивной метафоры на современном этапе связаны с определением механизма образования сферы-мишени через описание актантной рамки и сопоставления актантной рамки сферы-источника и актантной рамки сферы-мишени.

Представим механизм образования когнитивной метафоры путем сопоставления актантной рамки сферы-источника и сферы-мишени, предложенной А.-Ж. Греймасом на примере анализа метафоры *Life is a journey*, в которой сферой-источником является концепт “*Journey*”, а сферой-мишенью является “*Life*”. Рассмотрим когнитивную структуру метафорической модели «жизнь – это путешествие» посредством ряда соответствий между двумя концептуальными областями *Journey* и *Life* (рисунок 1):

- путешественник – человек, ведущий жизнь;
- пункты назначения – это цели в жизни;

- маршруты – это средства для достижения целей;
- препятствия на пути – трудности в жизни;
- пройденный путь – прогресс, достижения;
- перекрестки – выбор в жизни.

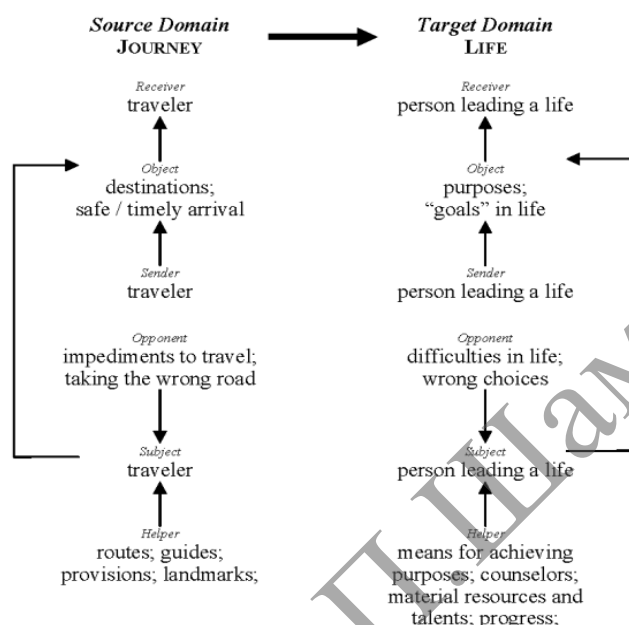

Рисунок 1 – *A Narrative Approach to Life is a Journey*

По А.-Ж. Греймасу, существует шесть актантных ролей, или функций, объединенных в три пары бинарных оппозиций: Субъект (*Subject*)/Объект (*Object*), Адресант (*Sender*)/Адресат (*Receiver*), Помощник (*Helper*)/Противник (*Opponent*) [1].

Понятийный аппарат, используемый А.-Ж. Греймасом для когнитивного толкования механизма перехода из сферы-источника в сферу-мишень, отличается от понятийного аппарата описания актантной рамки фреймов в различных исследованиях. Выделение семантических ролей проводится интуитивно, без должной интерпретации и без определения семантических признаков, входящих в состав каждой из них.

В предлагаемой статье дается семантическое и когнитивное толкование каждого участника актантной рамки, определяются общие и дифференциальные элементы значения, позволяющие раскрыть механизмы образования когнитивной метафоры экономического кризиса по регулярным, достаточно стандартным правилам. Семантические роли трактуются с помощью метаязыковых понятий, которые описывают структуру ролей. Метапонятия выявляются на основании наблюдения и анализа фактического материала.

Так как самой частотной метафорической моделью экономического дискурса кризисного периода является модель «экономический кризис – это больной человек», то видится актуальным более детальное рассмотрение механизмов образования когнитивной метафоры экономического кризиса в рамках данной модели.

Рассмотрим когнитивную структуру метафорической модели «экономический кризис – это больной человек» посредством ряда соответствий между двумя концептуальными областями *болезни* и *кризиса*:

- больной человек – это результат серьезных нарушений в физиологической системе, а экономический кризис – результат серьезных нарушений в экономической деятельности;
- причина болезни – это дисбаланс в физиологической системе; причина экономического кризиса – это дисбаланс в экономической системе;
- симптомы болезни – формы проявления кризиса;
- диагностика болезни – виды кризиса;
- лечение болезни – борьба с кризисом;
- состояние после болезни – следствие кризиса.

Представим механизм образования когнитивной метафоры путем сопоставления актантной рамки сферы-источника и сферы-мишени на примере анализа метафоры «экономический кризис – это больной человек», в которой сферой-источником является концепт «больной человек», а сферой-мишенью является «экономический кризис».

В рассматриваемой нами когнитивной структуре метафорической модели «экономический кризис – это больной человек» мы пользуемся такими понятиями именованной актантов, как Субъект, Объект, Инструмент, а также такими наименованиями сирконстантных компонентов, как отношение каузации, отношение обладания. Отношения между актантами трактуются как сложное взаимодействие участников ситуации, проявляющееся в приложении определенных сил проявления волеизъявления через контролируемость за приложением этих сил.

Опишем когнитивную структуру метафорической модели «экономический кризис – это больной человек» (рисунок 2).

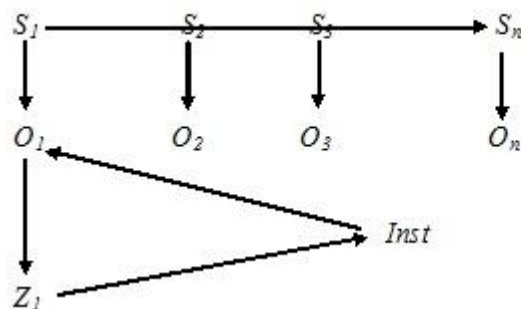

Рисунок 2 – Когнитивная структура метафорической модели «экономический кризис – это больной человек»

Структура сферы-источника представляет собой актантную рамку, в которой Субъект (S_I) выступает в роли больного человека, который обладает некой болезнью – Объект (O_I), вызванной дисбалансом в физиологической системе (S_I have O_I). Болезнь (O_I) обладает рядом симптомов (Z_I). Семантическая роль Инструмента ($Inst$) предполагает наличие врача в совокупности его действий по выявлению диагноза болезни и ее лечения, т.е. $Inst$ прилагает силу по воздействию на O_I . S_2 , S_3 и S_n – это различные этапы состояния человека во время болезни. S_n – это характеристика Субъекта (S_I) после болезни. On обозначает отсутствие болезни.

В актантной рамке сферы-мишени Субъект (S_I) выступает в роли экономики в состоянии экономического кризиса, который обладает неким дисбалансом в экономической системе (экономическим кризисом) – Объект (O_I). Дисбаланс представлен различными формами кризиса (Z_I) через отношения обладания (S_I have O_I). Меры борьбы с кризисом выступают в роли Инструмента ($Inst$), который прилагает силу по воздействию на O_I . S_2 , S_3 и S_n – это различные этапы состояния экономики во время кризиса. S_n – это характеристика Субъекта (S_I) после экономического кризиса. On обозначает отсутствие кризиса.

Рассмотрим следующие примеры, в которых наблюдается явление когнитивной метафоры «экономический кризис – это больной человек»: *Deeper cuts and fewer regulations on businesses are needed to bring the economy back to life, not tax hikes, a future representative of Terrebonne and Lafourche said on Tuesday*. В данном примере сферой-источником является больной человек, а сфера-мишень представлена кризисом в экономике посредством частного проявления – бизнеса. Фрейм «экономический кризис – это больной человек» актуализируется частично. Актантная рамка, описанная выше, представлена лишь на уровне этапа лечения. В актантной рамке сферы-источника Субъект (S_I) представлен больным человеком, а S_n выражает состояние Субъекта после лечения (*to bring...back to life*). Медикаментозное лечение (*deeper cuts*) выступает в роли Инструмента. В актантной рамке сферы-мишени Субъект (S_I) представлен кризисной экономикой, а S_n выражает состояние Субъекта после предпринятых мер борьбы с экономическим кризисом. Меры борьбы с кризисом (*fewer regulations on businesses*) выступают в роли Инструмента. Отношения между Инструментом и Субъектом можно охарактеризовать как контролируемое приложение силы со стороны Инструмента по отношению к Субъекту, что каузирует изменение качественного состояния Субъекта (S_I) в состояние S_n .

Анализ примера показывает адекватность структуры фрейма сферы-источника и сферы-мишени (рисунок 3).

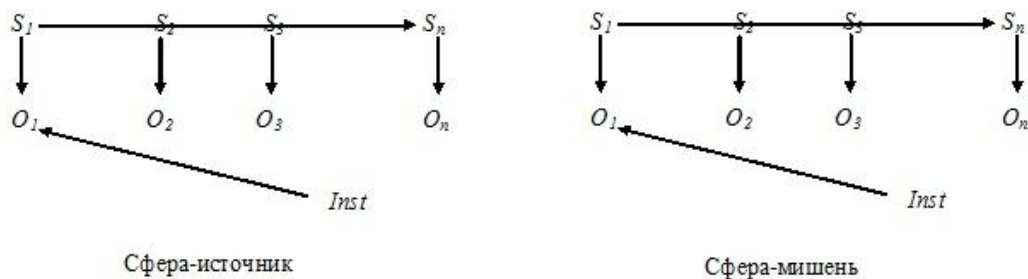

Рисунок 3 – Структура фрейма сферы-источника и сферы-мишени

Механизмом происхождения данной метафоры является различное соотношение с осью времени. В сфере-источнике, которая основывается на человеческом опыте, фрейм разворачивается на оси времени, денотат предиката представляет конкретное действие. В сфере-мишени происходит абстрагирование от оси времени. Слоты фрейма заполняются ролями, денотаты которых являются сложными и представляют собой класс гетерогенных действий. Изменение значения происходит за счет различия природы Субъекта и Инструмента в оппозиции конкретность: абстрактность. Антропоцентрическая модель болезни позволяет осмыслить процесс экономического кризиса в терминах более удобных для сознания.

В рамках когнитивной модели «экономический кризис – это больной человек» нами выделены следующие подтипы:

1. «Характер болезни». Характер болезни подразумевает её симптоматику. Например: *As markets **became** increasingly **nervous**, a string of aid packages were announced, none of which calmed investors.*

Данный пример основан на базовой когнитивной модели болезнь человека, где (*markets*) выступает в роли «больного человека», который имеет определенные симптомы болезни (*became...nervous*). В прототипическом значении глагол *become* передает состояние, так как он не обозначает никакого физического действия, а лишь передает эмоциональное состояние. При метафорическом употреблении значение глагола меняется за счет изменения семантического типа предиката: глагол *become* из состояния, для которого характерна семантика конкретности состояния, переходит в гетерогенный тип предиката как результат отвлечения от оси времени. В этом случае глагол *become* характеризуется обобщенным значением.

В этом предложении субъект (*markets*), который наделяется в данном примере семантической ролью Пациенса, представляет собой сложный денотат и относится к непредметной действительности. Следовательно, семантическая характеристика данного участника ситуации не может иметь предикат эмоционального состояния, характерный для глагола *become* в прототипическом значении. Таким образом, в метафорическом значении информация об эмоциональном состоянии исключается.

В рамках когнитивной модели «экономический кризис – это больной человек» подтип «характер болезни» является самым частотным и составляет 64% от всех проанализированных нами примеров.

2. «Способы лечения и исход болезни».

Входящие в данный фрейм актанты дают представление о способах лечения болезни, именуемой «экономический кризис», и её исход. Данный фрейм может проявить себя в нескольких сценариях. Рассмотрим их в порядке частотности употребления.

2.1. Больной человек → процесс лечения (20 %)

The policy is designed to revive the economy but the effect on investors, many of which are forced by regulations to hold government bonds, has been dubbed “financial repression”. Экстренные меры (*the policy is designed*) предпринимаются, чтобы помочь (*revive*) «больному человеку» (*economy*). В данном примере глагол *revive* выступает в качестве когнитивной метафоры на основании того, что в прототипическом значении глагол *revive* несет информацию об оживлении, реанимировании, восстановлении, а при метафорическом употреблении значение глагола меняется за счет изменения семантического типа предиката: из одноразового действия или процесса он становится классом действий, денотат которого не лежит на оси времени.

Прототипический фрейм включает следующее наполнение слотов: объект (больной человек) выступает в роли Пациенса и субъект (медикаменты) – в роли Инструмента. В метафорическом значении объект (*economy*) и субъект (*policy*) сохраняют свои семантические роли Пациенса и Инструмента, однако они представляют собой сложные, многоаспектные явления и относятся к непредметной действительности. Таким образом, их номинация не может опираться на предикаты с информацией об оживлении. Сужение денотативного значения происходит за счет того, что в метафорическом контекстуальном значении сохраняется лишь часть прототипического значения (восстановление, возрождение).

2.2. Доктор → больной человек → процесс лечения (19 %)

But at this particular moment, with the private sector so weakened by this recession, the federal government is the only entity left with the resources to jolt our economy back into life. В данном примере участник ситуации (*economy*) выступает в роли «больного человека». *The federal government* характеризуется ролью доктора, который может помочь (*to jolt our economy back into life*). Фраза *to jolt back into life* представляет собой когнитивную метафору. В прототипическом значении глагол *jolt* несет информацию о начальном проявлении чувств, толчке, тряске, а при метафорическом употреблении значение глагола меняется за счет изменения семантического типа предиката: глагол *jolt* в прототипическом значении, будучи предикатом одноразового действия или процесса, становится гетерогенным типом предиката в метафорическом значении, денотат которого не лежит на оси времени, а характеризуется обобщенным значением.

Прототипический фрейм включает следующее наполнение слотов: субъект (доктор) наделяется семантической ролью Деятеля, объект (больной человек) выступает в роли Пациенса, дополнение (медикаменты) – в роли Инструмента. В метафорическом значении субъект (*federal government*), объект (*economy*) и дополнение (*resources*) представлены сложными полиструктурными денотатами. Все участники ситуации относятся к непредметной действительности и, следовательно, их семантические характеристики не могут иметь предикаты физического состояния.

2.3. Больной человек → результаты лечения (13 %)

That's why a rosier outlook for America's economy does not necessarily mean a rosy future for all Americans. Объект (больной человек – *America's economy*) выступает в роли Пациенса, а субъект (результат лечения – *a rosier outlook*) – в роли Инструмента. Когнитивная метафора образуется за счет изменения компонентного состава слова *outlook*. В прототипическом значении *outlook* предполагает наличие таких компонентов как 1) внешний вид человека, 2) перспектива, 3) точка зрения, 4) наблюдение. Применив компонентный анализ, мы наблюдаем, что в метафорическом употреблении *outlook* становится более абстрактным понятием. Оно не несет идею внешности человека и наблюдения и также не может выражать мнение. В то время как компонент перспективы и облика некоего объекта непредметной действительности сохраняется.

Таким образом, в рассматриваемой нами когнитивной метафорической модели «экономический кризис – это больной человек» нами выделено два подтипа: «характер болезни» и «способы лечения и исход болезни». Данные фреймы проявляют себя в нескольких сценариях: Больной человек → процесс лечения; Доктор → больной человек → процесс лечения; Больной человек → результаты лечения.

Для рассмотрения механизма изменения значения лексики экономического кризиса был применен фреймовый и компонентный анализ. Выявлено, что изменение значения лексики экономического кризиса при метафорическом переносе происходит за счет: 1) изменения семантических типов предикатов на основе семантических ролей актантов; 2) изменения семантических типов предикатов на основе степени абстрагированности от оси времени; 3) изменения в компонентном составе слова.

Литература

1. Греймас, А.-Ж. Структурная семантика: поиск метода / А.-Ж. Греймас. – М.: Академический Проект, 2004. – 368 с.

МЕХАНИЗМ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ СТРУКТУРЫ ДЕНОТАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Когнитивная парадигма современного языкознания предоставляет возможность обсудить проблемы взаимодействия языка, мышления и действительности в процессах фразеологической номинации с точки зрения когнитивной сущности фразеологических единиц (ФЕ). Направление исследований фразеологических единиц в когнитивное русло позволяет анализировать процессы, которые осуществляются при их образовании, исследовать языковую технику с точки зрения способа концептуальной организации знаний об окружающем мире, обозначить особенности взаимодействия языковых и когнитивных структур в процессах фразеологизации, т. е. в процессах образования фразеологического значения.

При изучении процессов фразеологизации «когнитивный принцип состоит в соотнесении структуры значения фразеологической единицы с механизмами интеллектуальной деятельности человека и со структурированными элементами его языкового сознания» [1, 139]. Согласно этому фразеологическое значение рассматривается в соотнесённости и взаимодействии с процессами концептуализации, т. е. структура фразеологического значения соответствует концептуальной структуре, вызываемой в сознании языковыми формами. Такой подход даёт возможность выявить когнитивную сущность процессов номинации, фразеологической в частности, и проникнуть в процесс формирования языковых значений.

В данной работе выявление закономерностей фразеологической номинации основывается на рассмотрении когнитивных и лингвистических форм отражения действительности в их взаимодействии. Это взаимодействие «обнаруживает себя в знаковом отношении наименования, где соединяются смысл (понятийные формы мышления), имя (языковая форма) и действительность (обозначаемые внеязыковые объекты)» [2, 13]. При таком взаимодействии рассмотрению подлежат когнитивное содержание фразеологической единицы, семантический объём номинативных средств, используемых для передачи этого содержания, и номинируемая действительность.

Проникая посредством постижения языка в формы разных структур знания, исследователь получает возможность описать существующие между ними и языком зависимости с целью выявления соотношения и взаимодействия языковых единиц и лежащих в их основе структур знания, и на основе изучения языкового опыта смоделировать эти

структуры, их содержание и связи. Таким образом, целью данной работы является моделирование механизма преобразования когнитивной структуры денотативной ситуации ФЕ с компонентом цвета (ФЕКЦ) в английском, немецком, русском и белорусском языках.

Н. Ф. Алефиренко отмечает, что при преобразовании денотативной структуры (отражение предмета номинации в сознании) в семантическую структуру ФЕ происходит семиотическое преобразование предмета номинации [3, 74]. Семиотическое содержание этого процесса заключается в двойной референции фразеологического знака. Во-первых, он является репрезентатором определённой информации о том или ином фрагменте известной для данной этнокультуры денотативной ситуации. Во-вторых, смысловое содержание компонентного состава ФЕ определяет сферу действительности, элементы которой в свою очередь влияют на переосмысление значений слов в структуре фразеологического значения [4, 147; 5, 80]. Существенную роль в таком взаимодействии получает колористическое знание, заключённое в семантике цветоименований, которые выступают компонентами значения ФЕ, потому как проблема выбора из общей системы знаний той информации о сущностях окружающего мира, которая фиксируется в семантике ФЕ в качестве компонентов фразеологического значения, выступает ключевой проблемой теории номинации с целью познания принципов языкового обозначения фрагментов окружающего мира.

Так, мы полагаем, что на понятийном уровне отражения действительности программируется смысловое содержание ФЕ и осуществляется выбор их компонентного состава. Рассматривая в такой интерпретации проблему фразеологической номинации, мы исходим, таким образом, из того, что этот процесс обуславливает и выбор, и комбинацию слов, через посредство которых фразеологическое значение соотносится с номинируемым объектом [4]. В то же время компонентный состав ФЕ выступает в роли репрезентативной метки, знака, указывающего на обозначаемое данной меткой содержание [6].

Представим механизм формирования фразеологического значения при помощи моделирования процессов, лежащих в основе структурирования знаний об окружающей действительности в сознании человека на основе прототипной ситуации ФЕ.

Под прототипной ситуацией ФЕ понимается информация, соответствующая номинальному (буквальному) значению фразеологизма на поверхностном уровне, и фактическая информация глубинного уровня [1]. За информацией поверхностного уровня, например, следующих ФЕ: англ. *red ribbon* – ‘лента ордена Бани; орден Бани (британский рыцарский орден); знак отличия’; нем. *auf einen rotten Teppich treten* – ‘быть встреченным с почестями, получить власть’; рус. *красный угол* – ‘передний

угол в избе, где иконы и стол»; бел. *чырвоная дошка* – ‘доска с именами и фамилиями передовиков’ закреплено содержание «красная лента»; «ступить на красный ковёр»; «красный угол» и «красная доска» (английской, немецкой, русской и белорусской ФЕ соответственно), которое в результате переосмысления имеет новое представление предмета фразеологической номинации «почёт» для всех четырёх ФЕ. Фразеологическое значение основывается на образных представлениях «красной ленты»; «красного ковра»; «красного угла» и «красной доски» и информации глубинного уровня о данных объектах действительности, предметно-практической сфере их функционирования и национально-культурной значимости.

Образное воплощение значения предметов и понятий материального и духовного мира представляет собой интерпретацию одних сущностей в терминах других, не тождественных обозначаемому, на основе их реального или мнимого сходства посредством внутренней формы языковой единицы. При этом внутренняя форма понимается как признак, положенный в основу номинации, он устанавливается при наложении номинального значения на переосмысленное, и становится видно, какие участки их структур и каким способом совместились между собой. Например, внутренней формой цветоименования «красный» в структуре фразеологического значения, рассмотренных выше примеров, выступает признак «почёт», получаемый при помощи следующих интерпретационных схем: переосмысленные значения «лента ордена Бани; орден Бани», «быть встреченным с почестями, получить власть», «передний угол в избе, где иконы и стол» и «доска с именами и фамилиями передовиков» соотносятся с буквальными значениями данных ФЕ «красная лента»; «ступить на красный ковёр»; «красный угол» и «красная доска» в результате чего становится очевидным, что компонент ФЕ «красный» в структуре данных ФЕ имеет значение «почёт», а также что в значении данных ФЕ буквальное и переосмысленное значения совместились на участке именно компонента ФЕ «красный». Способ их совмещения устанавливается в ходе дальнейшей интерпретации.

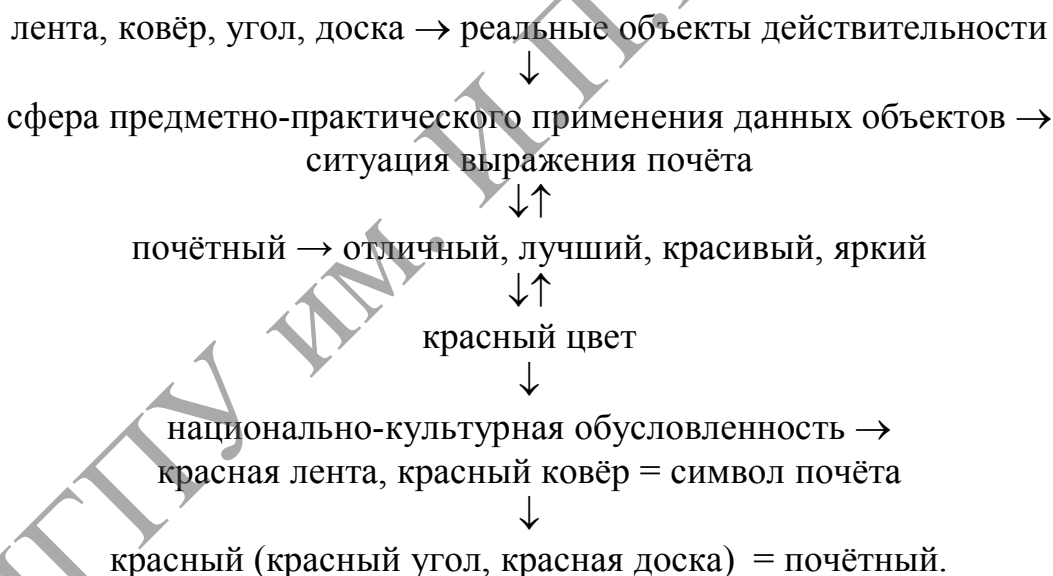
Признак, оказавшийся приоритетным в акте номинации, представляет собой типизированное представление об объекте номинации [1; 7], сложившееся в результате взаимодействия языкового коллектива с окружающей действительностью. Он может выступать в форме архетипических, прототипических, стереотипных, эталонных и символных структур, являющихся своего рода точкой отсчета в распознавании того или иного ощущения. Он предстаёт в виде вектора направленных ассоциаций [8, 243–250], что даёт основание выявлять факторы, предопределившие процесс вторичной номинации и объяснять причины выбора той или иной «упаковки» для номинируемого содержания [9]. Здесь имеет место

понятие апперцепции, предложенное А. А. Потебнёй, – обусловленность каждого конкретного восприятия предыдущим опытом человека [10].

Таким образом, внутренняя форма выступает опосредствующим звеном между значением фразеологической единицы и обозначаемой предметной ситуацией и, соответственно, структурирующим компонентом способа познания, который определяет его специфику. Именно внутренняя форма несёт в себе знание о типовых свойствах денотата, «квантах опыта» как оперативных единицах мышления [11].

Совокупность знаний о прототипной ситуации ФЕ, её когнитивные поверхностный и глубинный уровни значения и внутренняя форма рассмотренных нами выше ФЕ может быть представлена в виде фрейма разноуровневого содержания, разворачиваемого во времени и пространстве как последовательность отдельных эпизодов [1; 7; 9; 12].

Термин «фрейм» в данной работе используется как общий термин для обозначения различных типов когнитивных структур, лежащих в основе значения ФЕ. Это структурированная единица знания, в которой выделяются определённые компоненты и отношения между ними, это когнитивная модель, передающая знания об определённой ситуации [13]. Например, фрейм рассмотренных выше ФЕ состоит из следующих компонентов:

Итак, прототипной ситуацией данных ФЕ является цельное образное представление «красной ленты» и «красного ковра» и метафорическое представление «красного угла» и «красной доски». Такое содержание, как мы отмечали, представляет собой информацию поверхностного уровня. За этим представлением в результате переосмысления закрепляется содержание «знак отличия», «быть встреченным с почестями, получить власть», «передний угол в избе, где иконы и стол», «доска с именами и фамилиями передовиков», что образует фактическую информацию глубинного уровня. Признак «почёт» цветоименования «красный»,

явившийся внутренней формой данных единиц фразеологической номинации, возник в результате культурно-национальной обусловленности цветоименования «красный», что выступает в сознании в форме символа.

Как явствует из проанализированных выше примеров при семиотическом преобразовании денотативной структуры в семантическую структуру ФЕ, концептуальные связи между слотами определили выбор компонента «красный» для номинации признака «почёт», независимо от привлекаемого для этой цели образа («лента», «ковёр»; «угол» или «доска»).

Признак, который соответствует номинируемой действительности, обусловил выбор цветоименования в компонентный состав ФЕ. Таким образом, именно цветоименование детерминирует характер отображения действительности в значении ФЕ, задавая ракурс её рассмотрения.

Следовательно, рассмотренные выше примеры (а также другой экспериментальный материал, имеющийся в нашем распоряжении), позволяют утверждать, что процесс фразеологической номинации обуславливает и выбор, и комбинацию слов, через посредство которых вторичное значение соотносится с номинируемым объектом, а компонентный состав ФЕ выступает в роли репрезентативной метки, знака, указывающего на обозначаемое данной меткой содержание. Такое обобщение позволяет далее объяснять причины выбора конкретных наименований для передачи фразеологического значения и выявлять факторы, лежащие в основе вторичной номинации ФЕ.

Таким образом, многокомпонентное структурирование прототипной ситуации ФЕ, интерпретация признака, положенного в основу вторичной номинации, соотнесение данного признака с лежащей в его основе структурой знания, выявление принципов отражения человеческого опыта в значениях ФЕ представляет собой проводимое в данной работе **когнитивно-интерпретированное моделирование процессов фразеологической номинации**. Следует при этом напомнить, что под прототипной ситуацией ФЕ в работе понимается информация, соответствующая буквальному значению фразеологизма на поверхностном уровне, и номинируемая информация глубинного уровня. Внутренняя форма реализует типизированное представление об объекте номинации, она есть признак, положенный в основу фразеологической номинации. Фрейм структурирует совокупность знаний о прототипной ситуации ФЕ, её

когнитивные поверхностный и глубинный уровни значения и внутреннюю форму посредством когнитивных моделей.

Когнитивные модели обеспечивают свойство понятий переходить друг в друга, формироваться на основе прежде познанного и отображать многочисленные категориальные признаки осваиваемой человеком действительности, использовать человеческий опыт, особенности восприятия и воображения.

В исследовании процессов фразеологизации, осуществляемом в рамках данной работы, когнитивные модели строятся на основе моделей семантического переосмысления цветоименований в структуре фразеологического значения [14]. С этой целью были изучены типы семантического переосмысления цветоименований и виды их содержательных отношений [15; 16; 17]. Модели опосредствующих отношений между первичным и производным значениями цветоименований в структуре фразеологического значения, полученные в результате изучения типов семантического переосмысления цветоименований и видов их содержательных отношений на материале ФЕКЦ в английском, немецком, русском и белорусском языках, следующие: цвет референта → класс референтов; цвет референта → признак референта; цвет кожи человека → эмоциональное состояние; цвет + элемент одежды / предмет → род деятельности; цвет предмета / объекта → индикатор признака; цвет кожи человека → расовая принадлежность; цвет волос → возраст человека; цвет → класс референтов; цвет → оттенок кожи человека; цвет → оттенок волос человека; цвет → оттенок кожи человека → интенсификация признака; цвет референта → эталон; цвет → признак онтологической природы; цвет → синестезический признак; цвет → эмоция; цвет → оценка.

Предложенные модели выступают основой структурирования знаний цветовой реальности лингвокогнитивного пространства, где рождаются и функционируют ФЕ с компонентом цвета. Они обеспечивают свойство формировать фразеологическое значение на основе прежде познанного человеческого опыта, использовать особенности восприятия и воображения, и отображать многочисленные категориальные признаки колористической действительности.

Представим механизм опосредствующих отношений концептуализации цветовой реальности, явившийся основанием теоретического обобщения по выделенным проблемам данного исследования, в виде таблицы.

Таким образом, исследование, проведенное на материале ФЕ с компонентом цвета в английском, немецком, русском и белорусском языках, предлагает рассмотрение формирования фразеологического значения с позиций когнитивно-интерпретированного моделирования процессов фразеологической номинации.

В результате исследования установлено, что принципом обозначения фрагментов окружающего мира фразеологическими единицами с компонентом цвета является репрезентация определённой информации о том или ином фрагменте денотативной ситуации, смысловое содержание которой определено цветоименованием в структуре фразеологического значения.

МГТУ им. И.П.Шамякина

Таблица – Отношения концептуализации цветовой реальности

Тип семантического переосмысления	Тип когнитивной связи	Тип содержательных отношений	Модель отношений	Основание переосмысления	Форма репрезентации значения	
Импликационный	Импликация	Простая импликация	Цвет референта → класс референтов	Предметный опыт	Прототип-референт	
		Причинно-следственные отношения	Цвет референта → признак референта	Предметный опыт		
		Каузативные отношения	Цвет кожи человека → эмоциональное состояние	Сенсорный опыт	Стереотип	
		Индикативные отношения	Цвет + элемент одежды / предмет → род деятельности	Социальный опыт	Стереотип	
			Цвет предмета / объекта → индикатор признака			
			Цвет кожи человека → расовая принадлежность			
Контракционные отношения	Цвет → класс референтов	Предметный опыт	Архетип			
Гипонимический	Классификация	Родо-видовые отношения	Цвет → оттенок кожи человека	Ментальный опыт	Стереотип	
			Цвет → оттенок волос человека			
			Цвет → оттенок кожи человека → интенсификация признака			
Симилиативный		Симилиативные отношения	Сравнение	Цвет референта → эталон	Предметный социальный опыт	Эталон
			Метафора	Цвет → признак онтологической природы	Сенсорный предметный культурный лингво-социальный опыт	Архетип Стереотип Символ
		Цвет → синестезический признак				
		Цвет → эмоция				
		Цвет → оценка				

Процесс формирования фразеологического значения включает в себя многофакторное и взаимообусловленное взаимодействие языковых и когнитивных структур, другими словами лингвистических и экстралингвистических факторов фразеологической номинации.

Механизм процессов фразеологизации предстаёт в виде многокомпонентного структурирования прототипной ситуации ФЕ, интерпретации признака, положенного в основу вторичной номинации, соотнесении данного признака с лежащей в его основе структурой знания и выявлении принципов отображения человеческого опыта в значениях ФЕ. В результате чего становится возможным моделирование процессов фразеологической номинации.

Литература

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология в свете современных лингвистических парадигм / Н.Ф. Алефиренко. – М.: ООО Изд-во «Элпис», 2008. – 271 с.
2. Лингвистическая сущность и аспекты номинации / А.А. Уфимцева [и др.] // Языковая номинация (общие вопросы); отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М., 1977. – Гл. I. – С. 7–98.
3. Алефиренко, Н.Ф. Этноэдемический концепт и внутренняя форма языкового знака / Н.Ф. Алефиренко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1 (001). – С. 70–81.
4. Телия, В.Н. Вторичная номинация и её виды / В.Н. Телия // Языковая номинация (виды наименований) / А.А. Уфимцева [и др.]; отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М., 1977. – Гл. III. – С. 129–221.
5. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
6. Уфимцева, А.А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики / А.А. Уфимцева. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
7. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 287 с.
8. Красных, В.В. Анализ дискурса в свете концепции фрейм-структур сознания / В.В. Красных // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / отв. ред.: В.Н. Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 243–250.

9. Телия, В.Н. Глубинно-смысловые пласты культуры и ее символярий в архитектонике фразеологизмов-идиом / В.Н. Телия // Язык и действительность: сб. науч. трудов памяти В.Г. Гака / ЛЕНАНД; редкол.: С.Г. Тер-Минасова (председ.) [и др.]. – М., 2007. – С. 433–441.

10. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – М.: Лабиринт, 2007. – 265 с.

11. Краткий словарь когнитивных терминов (КСКТ) / Е.С. Кубрякова [и др.]; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.

12. Алефиренко, Н.Ф. Фразеологическое значение: природа, сущность, структура / Н.Ф. Алефиренко // Грани слова: сб. науч. ст. к 65-летию проф. В.М. Мокиенко; редкол.: М. Алексеенко (отв. ред.) [и др.]. – М.: ООО «Издательство ЭЛПИС», 2005. – С. 21–27.

13. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 18–36.

14. Качур, М.С. Когнитивные модели цветовой реальности / М.С. Качур // Текст. Язык. Человек: сборник научных трудов: в 2 ч. / Моз. гос. пед. ун-т им. И.П. Шамякина; редкол.: С.Б. Кураш (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2009. – Ч. 1. – С. 204–205.

15. Качур, М.С. Содержательные характеристики цвето-наименований в семантике фразеологических единиц (на материале английского и немецкого языков) / М.С. Качур // Межкультурная коммуникация: теория и практика: материалы Междунар. науч. конф., Минск, 18–19 октября 2007 г. / Минск.: гос. лингв. ун-т; редкол.: Е.Г. Задворная [и др.]. – Минск, 2007. – С. 68–70.

16. Качур, М.С. Основания вторичной цветономинации / М.С. Качур // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та імя І.П. Шамякіна. – 2008. – № 1 (18). – С. 73–77.

17. Качур, М.С. Семантические признаки цветоименований как основа вторичной номинации фразеологических единиц с компонентом цвета / М.С. Качур // Современные иностранные языки: проблемы функционирования и преподавания: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Мозырь, 7 окт. 2011 г. / УО МГПУ им. И.П. Шамякина; редкол.: В.Н. Сергей (отв. ред.) [и др.]. – Мозырь, 2011. – С. 81–84.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ АНТРОПОНИМИКОНА БРИТАНИИ

Наше исследование строится на следующих посылах: 1) в каждый момент своего существования антропонимикон представляет собой открытую систему знаков, связанных между собой и остальной лексикой сложными нелинейными отношениями, а также взаимодействующих с внеязыковой средой (А.В. Суперанская, В.И. Супрун, С.И. Гарагуля и др.); 2) под влиянием многочисленных языковых и внеязыковых факторов именование человека претерпевает различные изменения, приводящие, зачастую, к значительной или даже полной смене антропонимического материала, формирующего данную систему в данный период (Д.Я. Тарасов, А.Н. Антышев, В.В. Шур и др.); 3) принципиально невозможно предсказать будущее антропонимической системы, как и любой другой (И. Пригожин, Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов и др.); 4) понимая любое изменение, происходящее в языке, а также изменения, ведущие к совершенствованию выразительных способностей языка как образующие понятие «развитие языка» [1], считаем возможным проанализировать тенденции как направление развития антропонимикона сегодня.

В.Д. Бондалетов, давая характеристику состояния русского именника в советский период, выделяет в нем следующие особенности: полная дехристианизация именника как по его идеологическому звучанию, так и по конкретной практике наречения (по мотивам выбора имени), внесловный характер его реализации, уменьшение различий между именниками города и деревни, процессы ономастических преобразований (проявляющиеся в создании новых имен, в смелом их заимствовании, отказе от некоторых имен), активное взаимодействие антропонимий разных народов [2, 28–129]. Анализ В.Д. Бондалетова расширяет применительно к новейшей истории М.В. Голомидова, выявляя преобразования в практике наречения при изменении социокультурного фона [3, 13].

Для анализа процессов, происходящих сегодня в фонде личных имен (ЛИ) Германии, Ю. Герхардс использует следующие показатели: 1) секуляризация; показатель – доля церковных (связанных с Библией и религией в целом) имен; 2) роль семьи; показатель – количество детей, названных в честь родителей; 3) классовое деление; показатель – не/однородность имен в разных социальных группах; 4) процесс индивидуализации; показатель – гетерогенность имен; 5) процесс глобализации; показатель – доля инокультурных имен [4; 5]. Основа авторской позиции – постулат о том, что макрокультурные события отражаются в микро-феномене первого имени [5, 11]. Очевидно, выявленные процессы являются углублением ранее начавшихся изменений

и в разной степени затрагивают разные страны (см.: А.Ф. Азнабаева, А.Н. Антышев, Н.В. Бирилло, Э. Гидденс, Ю.А. Рылов, В.В. Шур, P. Bourdieu, S. Lieberon и др.). Продуктивность критериев Ю. Герхардса видится в их взаимосвязанности и взаимообусловленности.

Результатом действия вышеуказанных процессов является то, что именник современной Великобритании представляет собой совокупность качественно неоднородных онимов, пополняемую за счет структурных изменений существующих имен, антропонимизации, заимствований [6]. Лексикализации новых имен содействуют следующие факторы: накопление индивидуальной и групповой ассоциативной информации, вовлечение их в процессы фонетических и грамматических модификаций, привносящие новые социальные оценки. В системе ЛИ неологизмы «действуют сообща»: через затемненную внутреннюю форму ослабляют оппозицию «мужские» – «женские» имена, усиливают корпус полоиндифферентных и неэтимологизируемых имен, влияя на мотивы имянаречения. С количественной точки зрения вместе с ростом именника растет число уникальных для каждого года именовании, приводя к сокращению концентрации самых популярных имен. Так, если в 1900 г. пять самых популярных женских и мужских имен Англии и Уэльса охватывали 50% и 38%, соответственно, всех новорожденных, то в 2008 г. для наречения мальчиков было использовано 4 430 имен, а для называния девочек – 4 553 имени [7].

Сегодня наблюдается тенденция к активизации включения в именование новорожденного второго, или среднего имени. Анализ статистических данных показывает, что в Шотландии за период с 1975 по 2000 гг. 60–70% новорожденных получили по два ЛИ. За это время число мальчиков с одним ЛИ сократилось с 29% до 17%, а число получивших три или более имен возросло с 6% до 16%. Для девочек показатели, соответственно, составляют 36% и 24%, 3% и 12%. Увеличилось число девочек с двойным именем, пишущемся через дефис – примерно 1 на 80; у мальчиков – 1 на 500 человек [8].

Анализ процессов, происходящих в именнике современной Британии, показывает отсутствие жесткой детерминированности между выбором имени и такими параметрами личности номинатора, как этничность, религиозность, классовая принадлежность; биологический пол именуемого также не служит ограничителем выбора.

Расширение международных контактов, становление единого информационного пространства, рост миграции населения в период после Второй мировой войны приводит к тому, что личное имя становится агентом и результатом глобализационных процессов. Отличительная черта современного этапа развития антропонимикона Британии – переход к его полиэтничности: в активную часть именника попадают имена из новых источников, арабского, русского, индийского языков, языков стран Азии и Африки. Как следствие – даже самые популярные имена постепенно

понижаются в частотности; рейтинги популярности имен начинают меняться чаще и резче. Антропонимикон современной Британии представляет собой сосуществование на одной территории в один момент времени множества национальных антропонимиконов.

Что касается другого компонента современной антропонимической формулы, то статистические данные показывают некоторое сокращение относительной частотности самых распространенных фамилий с конца XX в., указывающее на расширение источников фамилий, связанное с иммиграцией и миграцией внутри Соединенного Королевства. Состав фамилий меняется, и процесс идет на периферии корпуса: отмирают единичные фамилии, создаются новые – двойные (дефисные) и комбинированные (путем сложения частей нескольких фамилий в одно слово). В целом, несмотря на высокую концентрацию некоторых фамилий в отдельных регионах, фамилия в Британии обладает более высокой различительной силой по сравнению с личными именами, поскольку большая часть фамилий являются единичными или обладают средней и низкой частотностью.

Рост единичных именовании отражает изменение отношения людей к именам: они все больше воспринимаются не как носители традиций, преемственности, связи с тем, что уже было, а как знаки уникальности, неповторимости. Отношение к новым именам в обществе неоднозначно, так же, как и к такому способу идентификации индивида для осуществления функций государства, как присвоение индивиду цифрового кода/кодов. Поддерживая юридическое понимание личности, Церковь (особенно православная) отмечает, что имя дается душе, а число присваивается телу. Имя собственное указывает на неповторимую личность, вот почему числовое имя в Апокалипсисе называют «числом зверя». Усматривая в присвоении человеку идентифицирующего номера (ИНН), номера страхового, пенсионного свидетельств и т. п. лишение имени, некоторые верующие отказываются от этих документов, хотя имя является не единственным способом идентификации человека в общении. Так, кто-то знает нас как «соседей по дому», для кого-то мы «коллеги», дети зовут нас «папами» или «мамами», в Интернет-коммуникации у нас другие имена и т. д.

В антиутопиях механизированный, бездуховный характер общества будущего подчеркивается отсутствием имен у людей. Сегодня же ситуация такова, что там, где возможна обезличенность, государство успешно использует числовые обозначения, однако, обращаясь к именованию гражданина при формировании своей политики. Поскольку из многих признаков этничности некоторые так или иначе проявляются в именовании гражданина, то сегодня в Соединенном Королевстве активно используется методика создания этнической классификации по источникам ЛИ и фамилий [9; 10]. На основе возможного их происхождения все население

страны разделено на 185 независимых групп – Cultural Ethnic and Linguistic Groups (CEL). Понятие CEL включает 4 измерения идентичности человека: религию, географическое происхождение, этническую основу, язык. Эти показатели выводятся из ЛИ и фамилии – их морфологии, этимологии, исторической и современной географической дистрибуции. В результате классификации получаются различные группы: от очень мелких – трансильванские румыны, до очень крупных – европейцы. Чисто ономастический критерий данной методики состоит в установлении групп антропонимов, объединенных частой встречаемостью у индивидов имен и фамилий. Языковой анализ включает: разделение основ имен и окончаний, ср.: *Abd* – преимущественно, часть арабских ЛИ, *-ова* – окончание русской/чешской фамилии в женском роде; учет последовательности букв, их наличие/отсутствие в языке, ср.: в испанских ЛИ не бывает букв *k, w*. Данная методика – отметим, что она является не единственной – вкуче с другими позволяет совершенствовать социо-демографическую политику страны, которая все больше превращается в полиэтничное мультикультурное государство, каждый гражданин которого должен обладать равными правами и не подвергаться дискриминации; так, многие исследования выполняются по заказу министерства здравоохранения.

Изучение официального именованя человека в определенной стране в определенное время ставит множество вопросов, каждый из которых может стать предметом отдельного плодотворного исследования и углубить понимание отношения «индивид – общество»: не нарушает ли существующая формула именованя каких-либо прав человека, какая система именованя с этой точки зрения является предпочтительной; каковы правовые аспекты сосуществования в одном государстве разных систем именованя гражданина; каково соотношение в фамиликоне страны фамилий исконного происхождения и иноязычных, какие социальные процессы стоят за этим; наблюдается ли сегодня социальная дифференциация фамилий; каковы социальные и языковые последствия взаимовлияния разных систем именованя в одном государстве?

Литература

1. www.sociolinguistics_dictionary.academic.ru/
2. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика [Текст] / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
3. Голомидова, М.В. Русская антропонимическая система на рубеже веков [Текст] / М.В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 12–22.
4. Gerhards, J. Trends and Causes of Cultural Modernization. An Empirical Study of First Names [Текст] / J. Gerhards, R. Hackenbroch // International Sociology. – 2000. – Vol. 15 (3). – P. 501–531.

5. Gerhards, J. The Name Game: Cultural Modernization and First Names [Текст] / J. Gerhards. – NY: Transaction Publishers, 2005. – 150 p.
6. Новикова, О.Н. Тенденции развития британского антропонимикона [Текст] / О.Н. Новикова. – Дис. ... д-ра филол. н. – Уфа, 2012 – 435 с.
7. www.gro.gov.uk
8. www.gro.uk.scotland
9. Cook, D. Uses of Surnames in Epidemiologic Research [Текст] / D. Cook // American Journal of Epidemiology. – 1972. – № 45. – P. 38–45.
10. Mateos, P.A Review of Name-Based Ethnicity Classification Methods and their Potential in Population Studies [Текст] / P. Mateos // Population Space and Place. – 2007 – № 13. – P. 145–152.

П. В. Плыткевич (Мозырь, Беларусь)

РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ НЕМЕЦКИМ КОМПОЗИТАМ, ИМЕЮЩИМ РЕГУЛЯРНЫЕ ОПРЕДЕЛЯЕМЫЕ КОМПОНЕНТЫ

Произведённый нами в данной статье анализ распространенных тематических групп детерминативных композитов, имеющих одни и те же определяемые компоненты, может служить иллюстрацией различий русского и немецкого языков с точки зрения их соответствия типологическим классификациям, а именно – большей близостью немецкого языка к корневому типу, а русского языка тенденцией к аналитизму. Так, методом сплошной выборки из электронного словаря Abbyu Lingvo 12 нами были отобраны двухкомпонентные детерминативные сложные существительные, имеющие одни и те же определяемые компоненты. Отобранные единицы были проанализированы согласно их переводу на русский язык. Наиболее распространенными тематическими группами таких детерминативных композитов являются:

- группа наименования лиц: -mann, -meister, -frau, -mädchen и др.;
- группа наименования жилища, помещений, места: -raum, -kammer, -stube и др.

1) Сфера наименования лиц:

К группе композитов с определяемым компонентом **-mann** относятся: *der Bürgersmann, der Bauersmann, der Kriegsmann, der Fuhrmann, der Geldmann, der Geschäftsmann, der Jägersmann, der Kaufmann, der Milchmann, der Schneemann, der Tormann, der Wachmann, der Zeitungsmann, der Seemann, der Leiermann, der Lumpenmann, der Dienstmann, der Marinemann, der Doofmann, der Judomann, der Eismann, der Ersatzmann, der Gemüseman, der Fährmann, der Panzermann, der Räuchermann, der Wassermann, der Knochenmann, der Klabautermann, der*

Hofmann, der Gefolgsmann, der Flügelmann, der Polizeimann, der Verbindungsmann. Большинство данных композитов построено по модели «существительное+существительное», три сложных существительных построены по модели «основа глагола + существительное» (*der Klabaftermann, der Kaufmann, der Fuhrmann*) и одно сложное слово по модели «прилагательное+существительное» (*der Doofmann*). Русские эквиваленты можно распределить по трем типам: 1) суффиксальные образования; 2) универбы; 3) корневые слова, не имеющие аффиксов. Среди суффиксальных образований наиболее продуктивными суффиксами являются следующие: -ец (*делец, купец, глупец*), -чик (*газетчик, перевозчик*), -щик (*шарманщик, мороженщик, зеленщик*), -ль- и -щик (*носильщик, курильщик*), -ист (*дзюдоист, танкист*). К прочим суффиксам относятся -ниц- (*возница*), -ач (*богач*), -ник (*охотник*), -ик- (*молочник*), -ов- и -ик- (*снеговик*), -арь (*вратарь*), -ер (*вахтер*), -як (*моряк*), -в- и -щик (*старьевщик*), -тель (*заместитель*). Многим немецким композитам этой группы соответствуют субстантивированные прилагательные, слова-универбы: *водяной, «костлявая», домовый, придворный, сопровождающий, фланговый, полицейский, связной*. Корневые слова составляют самую малочисленную группу среди русскоязычных соответствий: *гражданин, крестьянин, воин*.

В группу композитов с определяемым компонентом **-meister** входят следующие сложные существительные: *der Küfermeister, der Töpfermeister, der Bäckermeister, der Schlächtermeister, der Zahlmeister, der Kerkermeister, der Kuttermeister, der Klempnermeister, der Darrmeister, der Waagemeister, der Waffenmeister, der Wiegemeister, der Herdmeister*. Преобладающей моделью построения данных композитов является модель «существительное+существительное», но три слова образованы по модели «основа глагола+существительное» (*der Wiegemeister, der Darrmeister, der Zahlmeister*). Русскоязычные эквиваленты данных композитов можно распределить по трем типам: 1) суффиксальные образования; 2) корневые слова; 3) универбы. Самыми продуктивными суффиксами в суффиксальных образованиях этой группы являются следующие: -щик (*тюремщик, куттеровщик, жестянщик*), -ник (*булочник, мясник*). Среди прочих суффиксов: -ачей (*казначей*), -ль- и -щик (*сушильщик*), -ов- и -щик (*весовщик*), -ик (*оружейник*). Корневые слова (*бондарь, гончар*) и универбы (*горновой*) не отличаются многочисленностью. В группу композитов с определяемым компонентом **-mensch** входят: *der Christenmensch, der Amtsmensch, der Modemensch, der Formenmensch, der Kraftmensch*. Модель построения данных композитов – «существительное+существительное». Русскоязычные соответствия представлены: 1) производными словами, образованными при помощи суффиксов: -уш- (*чинуша*), -ник (*модник*), -ист (*формалист*), -ач (*силач*); 2) корневыми словами (*христианин*). В группе композитов с определяемым компонентом **-hans** – *Kleckerhans, Fabelhans,*

Faselhans, Prachthans, Quackelhans. Данные композиты имеют негативный оттенок. Они построены по модели «основа глагола+имя собственное». В русском языке данным композитам соответствуют производные слова, образованные при помощи суффикса -ун: *пачкун, лгун, болтун, хвастун, болтун*. В группе композитов с определяемым компонентом **-peter** – *Heulpeter, Lügenpeter*. Данные композиты имеют также негативное значение. Они построены по модели «основа глагола+имя собственное». В русском языке данным композитам соответствуют: 1) корневые слова (*рева*); 2) производные слова, образованные при помощи суффикса -ун: (*лгун*).

К группе композитов с определяемым компонентом **-frau** относятся: *die Botenfrau, die Bauersfrau, die Klosterfrau, die Küchenfrau, die Milchfrau, die Waschfrau, die Zimmerfrau, die Badefrau, die Edelfrau, die Negerfrau, die Zeitungsfrau*. Большинство данных композитов построено по модели «существительное+существительное», два сложных существительных – по модели «основа глагола + существительное» (*die Waschfrau, die Badefrau*) и одно сложное слово по модели «прилагательное+существительное» (*die Edelfrau*). Русские эквиваленты можно распределить по следующим типам: 1) суффиксальные образования; 2) универбы. Среди суффиксальных наиболее распространены образования с суффиксами: -к- (*крестьянка, прачка, дворянка*), -ш- (*курьерша*), -ин- (*монахиня*), -их- (*повариха*), -ниц- (*молочница*), -щиц- (*банищица*), -янк- (*негритьянка*), -чиц- (*газетчица*). В качестве производящих основ подобных существительных используются такие, которые омонимичны существительным мужского рода: *курьер-, повар-, монах-, газетчик-, баничик-, молочник-*. Среди отмеченных нами слов исключение составляет эквивалент немецкого «*Zimmerfrau*» слово «горничная», которое образовано путем универбации.

В группу композитов с определяемым компонентом **-mädchen/magd** входят следующие слова: *das Hirtenmädchen, die Viehmagd, die Kuhmagd, das Milchmädchen, das Hütermädchen, das Harfenmädchen, das Schulmädchen, das Kammermädchen, das Stubenmädchen, das Zimmermädchen*. Русские эквиваленты можно распределить по следующим типам: 1) суффиксальные образования; 2) универбы. Среди суффиксальных наиболее распространены образования с суффиксами: -к- (*пастушка, арфистка*), -ниц- (*скотница, коровница, молочница, школьница*). Среди отмеченных нами слов исключение составляет эквивалент немецких композитов «*Kammermädchen*» и «*Zimmermädchen*» слово «горничная», которое образовано путем универбации.

Теперь перейдём к анализу сферы наименования жилища, помещений, места. В группе композитов с определяемым компонентом **-kammer** можно привести следующие примеры: *die Mansardekkammer, die Schatzkammer, die Gefrierkammer, die Trockenkammer, die Wäschekammer, die Lampenkammer, die Totenkammer*. Одно слово построено по модели

«глагольная форма+существительное» (*die Gefrierkammer*), два композита – по модели «прилагательное+существительное» (*die Trockenkammer, die Totenkammer*), все остальные сложные существительные – по модели «существительное+существительное». Русские эквиваленты можно распределить по трем типам: 1) суффиксальные образования; 2) универбы; 3) корневые слова. Среди суффиксальных образований имеют место слова с суффиксами: -л- и -к- (*морозилка, сушилка*), -ниц- (*сокровищница*). Многим немецким композитам соответствуют слова, являющиеся результатом семантического стяжения и субстантивации (*бельевая, ламповая, мертвецкая*). Корневые слова малочисленны: *мансарда*.

В группу композитов с определяемым компонентом *-raum* входят следующие примеры: *der Auskleideraum, der Ankleideraum, der Dushraum, der Garderobenraum, der Erfrischungsraum, der Gefrierraum, der Hohlraum, der Imbißraum, der Packraum, der Verbrennungsraum, der Waschraum, der Baderaum, der Kofferraum, der Lampenraum, der Kesselraum, der Milchraum, der Ernüchterungsraum, der Gepäckraum, der Operationsraum, der Panierraum, der Sammelraum, der Trockenraum, der Wägeraum, der Wiegeraum*. Модели образования композитов: «основа глагола+ существительное» (*der Ankleideraum, der Auskleideraum, der Gefrierraum, der Packraum, der Waschraum, der Baderaum, der Panierraum, der Sammelraum, der Wägeraum, der Wiegeraum*), «прилагательное+существительное» (*der Trockenraum, der Hohlraum*), «существительное+существительное» (остальные 13 композитов). Русские эквиваленты можно распределить по трем типам: 1) универбы; 2) суффиксальные образования; 3) корневые слова. Чаще всего композитам с определяемым компонентом *-raum* соответствуют универбы (*душевая, закусовая, упаковочная, умывальная, ламповая, котельная, молочная, операционная, панировочная, весовая, развесочная*). Среди суффиксальных образований наиболее распространены слова с суффиксами: -л- и -к- (*раздевалка, морозилка, сушилка*), -ник (*багажник, сборник*). Имеются также слова с суффиксами: -от- (*пустота*), -к- (*топка*), -ль- и -н- (*купальня*), -тель (*вытрезвитель*). Корневые слова малочисленны (*гардероб*).

Группа композитов с определяемым компонентом **-haus** включает: *das Darrhaus, das Entenhaus, das Kaffeehaus, das Klubhaus, das Taubehaus, das Vogelhaus, das Warmhaus, das Affenhaus, das Backhaus, das Kesselhaus, das Badehaus, das Leichenhaus, das Dörrhaus, das Hühnerhaus, das Eishaus, das Glockenhaus, das Grufthaus, das Sonderhaus, das Teehaus*. Они образованы по следующим моделям: «основа глагола+существительное» (*das Darrhaus, das Backhaus, das Badehaus, das Dörrhaus, das Sonderhaus*), «прилагательное + существительное», (*das Warmhaus*), «существительное+существительное» (остальные 13 существительных). Русские эквиваленты можно распределить по трем типам: 1) суффиксальные образования; 2) корневые слова; 3) универбы. Среди суффиксальных образований наиболее

распространены слова с суффиксом –ник (*утятник, птичник, обезьянник, ледник*). Среди прочих суффиксов можно упомянуть следующие: -л- и -к- (*сушилка*), -й- и -н- (*кофейня*), -ятн- (*голубятня*), -иц- (*теплица*), -ар- и -н- (*пекарня*), ль- и -н- (*сушильня*), -ят- и -ник- (*курятник*), -н- (*колокольня*), -ятор (*изолятор*). Среди русскоязычных соответствий немецким композитам встречаются корневые слова (*клуб, баня, склеп*). Распространены также универбы (*котельная, мертвецкая, чайная*).

Группа композитов с определяемым компонентом **-zimmer** представлена следующими примерами: *das Auskleidezimmer, das Badezimmer, das Behandlungszimmer, das Billardzimmer, das Empfangszimmer, das Esszimmer, das Lehrerzimmer, das Lesezimmer, das Schlafzimmer, das Gastzimmer, das Operationszimmer, das Totenzimmer, das Verbandzimmer, das Wägebzimmer*. При образовании данных композитов были использованы следующие модели: «основа глагола+существительное» (*das Auskleidezimmer, das Badezimmer, das Esszimmer, das Lesezimmer, das Schlafzimmer, das Wägebzimmer*), «существительное+существительное» (*das Behandlungszimmer, das Billardzimmer, das Empfangszimmer, das Lehrerzimmer, das Gastzimmer, das Operationszimmer, das Verbandzimmer*), «прилагательное+существительное» (*das Totenzimmer*). Русские эквиваленты можно распределить по двум типам: 1) универбы; 2) суффиксальные образования. Среди русскоязычных эквивалентов немецким композитам наиболее многочисленны универбы (*ванная, процедурная, бильярдная, приемная, столовая, учительская, гостиная, операционная, мертвецкая, перевязочная, весовая*). Суффиксальные образования представлены словами со следующими суффиксами: -ль- и -н- (*читальня, спальня*), -л- и -к- (*раздевалка*).

Группа композитов с определяемым компонентом **-stube** включает: *die Backstube, die Bierstube, die Imbißstube, die Schlafstube, die Wachstube, die Kinderstube, die Barbierstube, die Lampenstube, die Gesindestube, die Gaststube, die Frisierstube, die Teestube*. Большая часть данных сложных существительных построена по модели «существительное+существительное», остальные слова образованы по модели «основа глагола+существительное» (*die Backstube, die Schlafstube, die Wachstube, die Frisierstube*). Русские эквиваленты можно распределить по двум типам: 1) универбы; 2) суффиксальные образования. Среди русскоязычных эквивалентов немецким композитам наиболее многочисленными являются универбы (*пивная, закусовая, детская, парикмахерская, ламповая, людская, гостиная, чайная*). Некоторым композитам соответствуют производные слова, образованные при помощи суффиксов: -ар- и -н- (*пекарня*), -ль- и -н- (*спальня*), -к- (*караулка*). В группу композитов с определяемым компонентом **-stall** входят сложные существительные *der Entenstall* и *der Ziegenstall*, образованные по модели «существительное+существительное» и имеющие русскоязычными соответствиями производные слова с суффиксом -ник (*утятник, козлятник*).

Группа композитов с определяемым компонентом **-platz** содержит: *der Abladeplatz, der Schießplatz, der Campingplatz, der Rasenplatz, der Trockenplatz*. Первые два слова образованы по модели «основа глагола+существительное», третье и четвертое слова – по модели «существительное + существительное», последнее слово – по модели «прилагательное + существительное». Русские эквиваленты можно распределить по двум типам: 1) суффиксальные образования; 2) корневые слова. Среди суффиксальных образований можно назвать слова со следующими суффиксами: -к- (*свалка*), -ище (*стрельбище*), -ль- и -н- (*сушильня*). Некоторым немецким композитам соответствуют в русском языке корневые слова (*кемпинг, газон*). В группу композитов с определяемым компонентом **-stelle** входят слова «*die Bettstelle*» и «*die Haltestelle*». Первое слово образовано по модели «существительное+существительное» и в русском языке ему соответствует корневое слово «*кровать*». Второй композит образован при соединении основы глагола и существительного, и его эквивалентом в русском языке является производное слово, образованное при помощи суффикса -к- (*остановка*).

В группу композитов с определяемым компонентом **-land** входят слова: *das Wiesenland, das Ackerland, das Flachland, das Heimatland, das Vaterland, das Kesselland*. Все композиты, кроме «*das Flachland*», образованы по модели «существительное+существительное». Сложное существительное «*das Flachland*» образовано соединением прилагательного и существительного. Русские эквиваленты можно распределить по двум типам: 1) суффиксальные образования; 2) корневые слова. Среди суффиксальных образований можно назвать слова со следующими суффиксами: -ин- (*равнина, родина, котловина*), -н- (*пашня*), -еств- (*отечество*). Композиту «*das Wiesenland*» соответствует в русском языке корневое слово «*дуг*». В группу композитов с определяемым компонентом **-feld** входят слова: *das Ackerfeld, das Hopfenfeld, das Hanffeld*. Модель образования композитов: «существительное+существительное». В русском языке им соответствуют производные слова, образованные при помощи различных суффиксов: -н- (*пашня*), -я- и -ник (*конопляник*), -ник (*хмельник*).

Проанализировав тематические группы немецких композитов и их русскоязычные эквиваленты, мы пришли к выводу, что словосложение играет важную роль в словообразовании немецкого языка, и самыми распространенными моделями словосложения являются существительное+ существительное», «основа глагола + существительное», прилагательное + существительное». В русском языке данным композитам соответствуют 1) корневые слова; 2) производные слова; 3) слова-универбы, т. е. слова, являющиеся результатом семантического стяжения и субстантивации. Производные слова иллюстрируют собой большое

разнообразии суффиксов, которые широко используются в русском языке: 1) наименования лиц женского рода: суффиксы -ш-, -к-, -ин-, -их-, -ниц-, -щиц-, -янк-, -чиц-; 2) наименования лиц мужского рода: суффиксы -ниц-, -ач-, -ец-, -ник-, -ик-, -ов-, -ик-, -арь-, -ер-, -чик-, -як-, -щик-, -ист-, -тель-, -уш-, -ун-. 3) наименования помещений, места: суффиксы -ниц-, -к-, -л- и -к-, -от-, -ль- и -н-, -ник-, -тель-, -ятн-, -иц-, -ар- и -н-, -ль- и -н-, -ят- и -ник-, -ятор-, -ище-, -ин-, -еств-, -я- и -ник. Весьма продуктивным является суффикс -к- (а): *морозилка, сушилка, раздевалка, свалка* и др. Данные примеры иллюстрируют собой такое явление, как свертывание наименований – результат активного сегодня семантико-синтаксического способа словообразования. Такие наименования появляются на базе словосочетаний прилагательного и существительного и являются яркой иллюстрацией процесса компрессии: на месте двухсловного сочетания образуется одно слово с тем же значением. Эта тенденция поддерживается действием закона речевой экономии. Модель словосочетания «прилагательное + существительное» претерпевает при этом существенные изменения, прежде чем стать кратким наименованием – именем существительным. Общим объединяющим компонентом нового наименования оказывается суффикс -к-а, а значение образованного слова ориентируется на первую часть словообразующего словосочетания – на основу прилагательного, хотя это новое слово несет в себе в скрытой форме сумму значений сочетающихся слов (например, *раздевалка* – *der Ankleideraum*).

Особую группу русских соответствий представляют собой слова, образованные путем субстантивации прилагательного с общим для всей группы значением. Это слова типа «закусочная», «столовая» и другие, обозначающие обычно названия помещений с определенным целевым назначением. Стяжение способом аффиксальной деривации осуществляется в случаях замены атрибутивного словосочетания существительным, непосредственно образованным от основы мотивирующего прилагательного посредством суффикса. При этом исчезает родовое существительное, а спецификатор наименования сохраняется. Большое количество слов такого типа свидетельствует об активности данного процесса в современном русском языке.

Литература

1. Электронный словарь АБВУ Lingvo 12 Википедия // Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvodics.com/dics/view/German>. Дата доступа: 28.01.2014.

П. В. Плыткевич, Е. Б. Купрацевич (Мозырь, Беларусь)

ВИДЫ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ НЕМЕЦКИХ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ (по материалам электронного словаря)

Для выявления русских эквивалентов немецким атрибутивным композитам нами были проанализированы 1725 двухкомпонентных детерминативных сложных существительных, начинающихся на букву «А», которые были отобраны методом сплошной выборки из электронного словаря *Abbyu Lingvo 12*. Отобранные единицы были проанализированы согласно их переводу на русский язык. Немецкие существительные в зависимости от типа семантических отношений между компонентами словосочетания разделены нами на 7 групп.

Первая группа – композиты, переводимые посредством существительных с прилагательным. Данную группу составляют 918 двухлексемных существительных с атрибутивно-относительной функцией первого компонента. Внутренняя форма сложного слова – это лексико-семантическое содержание атрибутивного словосочетания. 95 из них имеет основу прилагательного в качестве первого компонента: *Absolutdruck* – абсолютное давление, *Adaptivregelung* – адаптивное регулирование, *Adoptivtochter* – приёмная дочь, *Agrarland* – аграрная страна, *Aktivkonto* – активный счет, *Akutphase* – острая фаза, *Albernbaum* – тополь белый, тополь серебристый, *Altbrot* – чёрствый хлеб, *Alternativvorschlag* – альтернативный умысел, *Analoggröße* – аналоговая величина; 2 – союз в качестве первого компонента: *Abersaat* – повторный сев, *Aberschach* – двойной шах; остальные – основу глагола и чаще всего основу существительного: *Abendanzug* – вечерний костюм, *Abfalleimer* – мусорное ведро, *Ackererde* – пахотная земля, *Adlernase* – орлиный нос, *Alltagssorgen* – повседневные [будничные] заботы, *Amtsverbrechen* – должностное преступление, *Amtswohnung* – служебная [казённая] квартира, *Amtszulage* – должностная надбавка, *Analogausgang* – аналоговый выход, *Angriffspolitik* – агрессивная политика, *Ankergeschirr* – якорное устройство, *Anklageschritt* – обвинительное заключение, *Ankündigungsbefehl* – предварительная команда, *Anrufnummer* – телефонный номер, *Ansichtstafel* – наглядная таблица, *Anstaltskapital* – уставный капитал, *Antennenkopf* – антенная головка, *Antwortsignal* – ответный сигнал, *Anwaltspraxis* – адвокатская практика, *Anzeigengeschäft* – рекламная фирма, *Apfelkost* – яблочная диета, *Autobrille* – автомобильные очки и др.

Вторая группа – композиты, переводимые посредством существительных с существительным в косвенном падеже (чаще всего в родительном падеже). Эту группу образуют 484 номинативных сложных существительных, характеризующихся определительно-подчинительными

связями между первой и второй лексемами: *Aalhaut* – кожа угря, *Abendkarte* – меню ужина, *Abenteuerlust* – жажда приключений, *Abgeordnetenhaus* – палата депутатов, *Abhängigkeitsgefühl* – чувство зависимости, *Abkürzungstabelle* – таблица сокращений, *Abreisetag* – день отъезда, *Absatzbeschränkung* – ограничение сбыта, *Ahnenkult* – культ предков, *Alkoholgeruch* – запах спиртного, *Altersweisheit* – мудрость старости и др. Вторая лексема характеризует первую, уточняя ее значение указанием тех или иных параметров.

Третья группа – композиты, переводимые посредством существительных с предлогом (140 единиц): *Abfallerzeugnis* – изделие из отходов, *Abonnement(s)konzert* – концерт по абонементу, *Abschiedsgeschenk* – подарок на прощание, *Absichtserklärung* – заявление о намерении, *Adoptionsvertrag* – договор об усыновлении, *Aktienzeichnung* – подписка на акции, *Alarmstart* – взлёт по тревоге, *Anwaltsgesetz* – закон об адвокатуре.

Четвертая группа – однословные переводы (97): *Aaskrähe* – ворона, *Abendbrot* – ужин, *Abfallprodukte* – отходы, *Abtraggerät* – экскаватор, *Adlereul* – филин, *Aktenmensch* – бюрократ, *Altarlämpchen* – лампада, *Ampferkraut* – щавель, *Aschenbecher* – пепельница, *Augenwimper* – ресница.

Пятая группа – субстантивные сложные слова, переводимые по схеме: причастие + существительное (38 единиц): *Ablenkungstherapie* – отвлекающая терапия, *Abnahmeware* – компенсирующий товар, *Abrasionsgebiß* – стирающиеся зубы, *Ährenfeld* – колосющееся поле, *Anfeuchtungsmittel* – смачивающее вещество, *Anreizungsmittel* – возбуждающее средство, *Abgangszentrale* – вызывающая станция, *Abkühlungsgemisch* – охлаждающая смесь, *Ablösungsschuld* – погашенный долг, *Angriffskraft* – движущая сила.

Шестая группа – субстантивные сложные слова, переводимые по схеме: «существительное + причастный оборот» либо «существительное + придаточное определительное» (28 единиц): *Alterspfennig* – деньги, отложенные на старость, *Absonderungsmittel* – средство, вызывающее секрецию, *Alkoholriminalität* – преступность, связанная с алкоголизмом, *Alarmplatz* – позиция, занимаемая по тревоге, *Ahnenmerkmal* – признак, свойственный предкам, *Alkoholdelikte* – преступления, совершённые на почве пьянства.

Седьмая группа – композиты, переводимые посредством сложных существительных (20 единиц): *Abfuhrwagen* – мусоровоз, *Agrartechnik* – агротехника, *Altgummi* – утильрезина, *Ameisenbär* – муравьед, *Aschenbeton* – золобетон, *Aasanger* – скотомогильник, *Ablaufschleuse* – водоспуск, *Altgummi* – утильрезина, *Amateurfunk* – радиолобительство, *Arbeitsfähigkeit* – работоспособность, трудоспособность.

Следует отметить, что в лингвистике в отношении сложных слов существует два мнения. Композиты могут быть неидиоматическими, то есть такими, значения которых представляют простую сумму значений

составляющих их слов. Эти композиты называют эндоцентрическими. Композиты идиоматического вида, значение которых не выводимо из значений составляющих его слов, рассматриваются как экзоцентрические. Так, *Alpenwolf* не «альпийский волк», а красный волк; *Affenliebe* не обезьянья любовь, а безрассудная любовь и т. д.

Анализ материала показывает, что очень большое количество атрибутивных композитов построено по схеме «определяющее + определяемое» и реже «определяемое + определяющее» (*Aalgelee* – заливной угорь, *Altblei* – свинцовый лом, *Altkupfer* – медный лом). При этом значение композита выводится из семантики составляющих. Так, *Aalhaut* – это *Haut eines Aales*, *Abreisetag* – *Tag der Abreise* и т. п. Однако очень часто определяющий компонент не соотносится с синтаксическим предложным или падежным определением. Семантика совершенно не выводится из значений составляющих у таких композитов как *Askermännchen* (трясогузка белая), *Albernbäum* (тополь белый, тополь серебристый), *Aalbaum* (жимолость) и т. п.

Конструкция «прилагательное + существительное» является преобладающим способом перевода сложных существительных, потому что отличительной особенностью русского языка по сравнению с немецким является широкое развитие относительных прилагательных и выражение атрибутивных отношений с помощью сочетания прилагательного с существительным. Данный способ перевода встречается 918 раз.

Во всех случаях перевод осуществлен с помощью относительного прилагательного. Относительные имена прилагательные обозначают признак, который опосредованно выражает отношения к другим предметам, напр.: к лицу: *Arbeitsschicht* – рабочая смена, к действию, свойству, назначению: *Abrechnungspreis* – расчётная цена; к числу, единице измерения: *Absolutmaß* – абсолютный [номинальный] размер. Относительные прилагательные составляют основную и непрерывно пополняемую массу русских прилагательных. Причину преобладания в немецком языке сложных слов над словосочетаниями с прилагательными не следует искать в слабой развитости категории прилагательных. Данная часть речи представляет собой живую и продуктивную категорию. Кроме того, продуктивность словосложения в немецком языке нельзя объяснить бедностью языка относительными прилагательными. Итак, грамматической структуре «имя существительное + имя существительное», наиболее продуктивной в образовании немецких существительных в русском языке, как правило, соответствует конструкция «имя прилагательное + имя существительное». Конструкция с беспредложным косвенным падежом является также одним из основных способов перевода немецких сложных существительных. В рассматриваемом словаре данная конструкция присутствует в 484 случаях.

Таким образом, перевод определительных сложных существительных происходит с изменением падежной формы определяющего существительного (замена формы именительного падежа на форму родительного, дательного или творительного падежа), которое может одновременно происходить с изменением числа существительного. Однако все-таки доминирующей структурой при переводе является «имя существительное + имя существительное в родительном падеже». Предложные конструкции в русском языке выражают преимущественно обстоятельственно-определительные отношения разного рода: пространственные, временные, целевые и т. д. В связи с этим они являются наиболее распространенным средством перевода немецких сложных существительных, выражающих названные отношения, напр.: *Ablaufstellung* – положение при старте, *Abteilungsvisite* – обход в отделении, *Alpenreise* – путешествие в Альпы [по Альпам].

Сочетание родительного падежа с существительным в русском языке чаще всего соответствует тем сложным существительным немецкого языка, в которых слово-определяемое выражено отглагольным именем существительным, обозначающим процесс действия, тогда как слово-определитель выражает объект совершаемого действия: *Aalfang* – лов угрей, *Aalzucht* – разведение угрей, *Abortspülung* – промывка уборной, *Absatzforschung* – изучение спроса. Родительный падеж может являться средством конкретизации содержания определяемого существительного: *Abfragefrequenz* – частота опроса, *Abkühlungsgrad* – степень охлаждения. Следует указать на то, что в подобных сложных соединениях слово-определитель выражено отглагольным существительным (реже – просто существительным, обозначающим действие, например, *Arbeit* в сложном существительном *Arbeitsmotivation* – «мотивация труда»). Во многих случаях родительный падеж служит также для выражения принадлежности: *Ahnenkult* – культ предков, *Anwaltsgebühr* – гонорар адвоката, *Arbeitersohn* – сын рабочего, *Autobesitzer* – владелец автомобиля.

Случаи перевода немецких композитов корневыми и производными существительными составляют 97 единиц: *Abfallprodukte* – отходы, *Absatzeisen* – подковка, *Abteilungswand* – перегородка, *Altarlämpchen* – лампада. Это вполне закономерно, поскольку словообразовательная система имени существительного в русском языке располагает чрезвычайно обширным арсеналом дифференцированных по значению суффиксов. В большинстве случаев производные существительные применяются для указания лица, совершающего то или иное действие: *der Amtmann* – чиновник, *Amtsbote* – курьер. Кроме того, данные субстантивы могут обозначать процесс: *Adresstransformation* – переадресация; могут иметь предметное значение: *Arbeitsverdienst* – заработок; абстрактное значение: *Aberwitz* – безрассудство.

Определительные сложные существительные могут переводиться словосочетанием с причастием. Данная группа не является особо репрезентативной, всего 28 случаев. Примерами данной группы могут служить следующие композиты: *Aastier* – животное, питающееся падалью, *Abfallmarke* – образец, отклоняющийся от эталона, *Affektverbrechen* – преступление, совершённое в состоянии аффекта, *Akzeptrabatt* – скидка, предоставляемая должнику за акцент долга.

Значительно меньшая интенсивность словосложения в русском языке является причиной того, что лишь незначительной части немецких сложных существительных в русском языке соответствует также сложное существительное. Случаи перевода немецких сложных существительных на русский язык сложным существительным очень редки. Лишь в составе 20 субстантивов мы зарегистрировали перевод сложных терминов сложным существительным: *Ameisenbär* – муравьед, *Arbeitsfähigkeit* – работоспособность, *Aktenverwaltung* – делопроизводство. Наиболее распространённым способом перевода в данной группе является поэлементный или пословный перевод: *Aschenbeton* – золобетон. Особую группу составляют немецкие сложные существительные, вторым компонентом которых являются абстрактные существительные большей частью женского рода: *Arbeitsfähigkeit* – работоспособность. В русском языке соответствием является модель существительных женского рода на *-сть*, образующая существительные с отвлечённым значением, обозначающие состояние, качество, а также модель существительных среднего рода на *-ство* (*Aktenverwaltung* – делопроизводство, *Aberweisheit* – сумасбродство). Таким образом, случаи, когда немецкому сложному существительному в русском языке соответствует сложное существительное, малочисленны.

Основными словарными соответствиями сложным существительным с первым компонентом – основой прилагательного являются существительные с прилагательным, при незначительной доле сложных существительных: *Absolutdruck* – абсолютное давление, *Adaptivregelung* – адаптивное регулирование, *Adoptiveltern* – приёмные родители, *Agrarfrage* – аграрный вопрос, *Aktivmarkt* – активный рынок, *Akutphase* – острая фаза, *Altbrot* – чёрствый хлеб, *Analogtechnik* – аналоговая техника, *Agrartechnik* – агротехника, *Altgummi* – утильрезина.

Основным соответствием сложным существительным с первым компонентом – основой глагола являются корневые и производные слова: *Abtraggerät* – экскаватор. Среди способов перевода возможно свободное словосочетание «прилагательное + существительное»: *Abgabepreis* – отпускная [продажная] цена, *Abgabesilo* – раздаточный силос; словосочетания с причастием: *Ablaufkante* – сбегаящий край; конструкции с родительным падежом: *Anzeigemittel* – средство индикации; предложные конструкции: *Anzeigebild* – изображение на индикаторе.

Основным соответствием сложным существительным с первым компонентом – союзом являются существительные с прилагательным: *Abersaat – повторный сев, Aberschach – двойной шах.*

Данная классификация представляет собой попытку комплексного анализа словообразовательных особенностей и способов перевода немецких детерминативных сложных существительных на русский язык. Разумеется, проблема перевода сложных существительных нуждается в дальнейшей разработке.

Литература

1. Электронный словарь АБВУ Lingvo 12 Википедия // Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvodics.com/dics/view/German>. Дата доступа: 20.12.2013.

Л. В. Пузан, Д. В. Зыблева (Мозырь, Беларусь)

УСЛОВИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ТОЖДЕСТВА И РАСХОЖДЕНИЯ МЕЖДУ АБСТРАКТНЫМ ИМЕНЕМ И ОДНОКОРНЕВЫМ ГЛАГОЛОМ

Задачей данной статьи является описание условий, при которых абстрактные имена, словообразовательно связанные с глаголом, сохраняют с ним тесную семантическую связь либо утрачивают ее.

Объектом исследования послужили абстрактные существительные, коррелирующие с глаголами пропозиционального отношения. К ним относят глаголы говорения, сообщения, суждения, мышления, памяти, знания, глаголы логической семантики, глаголы эмоциональных переживаний, глаголы оценочного суждения, глаголы воздействия на волю, глаголы слухового и зрительного восприятия и др. [1, 128].

Типичной для глаголов и адverbативов, сохраняющих семантическую связь с глаголом, является сочетаемость с субъектом действия. Под субъектом в лингвистике понимают производителя действия или носителя состояния. В семантике этих имен присутствует залоговый компонент значения, а именно, семантическая переходность, непереходность и взаимность.

В зависимости от залоговой характеристики имени субъект может быть выражен по-разному: при именах, коррелирующих с непереходными глаголами, употребляется родительный субъектный падеж или его функциональный эквивалент – предлог *von*: *Er untersuchte Hannos spärliche Muskulatur, die Breite seiner Brust und die Funktion seines Herzens* [2, 607]; *Als auf Neihards Wink noch ein paar Schüsseln mit Salaten und Kompott herbeigeschafft wurden, rief Rankl überwältigt aus...* [3, 44]; *der Fall von Regentropfen* [4, 1201].

В определенных условиях контекста имя субъекта может быть заменено притяжательным местоимением: *Die Befriedigung, die Rankl verspürte, sobald bei seinem Erscheinen am Ende eines Schulkorridors das Getümmel starb, hatte in achtzehn Dienstjahren nichts von seiner ursprünglichen Frische verloren* [3, 36].

При существительных, соотносящихся с переходными глаголами, субъект выражен, как правило, именной группой с предлогом *durch*, *seitens*, *von* *seiten*: *Die Formulierung dieser Aufgabe durch Wilhelm von Humbold bezeichnet die Geburtsstunde der Sprachwissenschaft; Die Modalverben ...dienen zur Einschätzung des Inhalts einer syntaktischen Beziehung von seiten des Sprechenden* [5, 38]. При именах со значением речи, мысли, коррелирующих с переходными глаголами, вместо указанных предлогов возможны также родительный субъектный или притяжательное местоимение: „*Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft (название труда Ф. Энгельса); Ihre Schilderung von Claires Verwandlung ... aus einem spindeldürren Krispindel in eine vollbusige Dame ... entzückte ihn* [6, 192].

Имена со значением взаимного действия открывают при себе позицию для родительного субъектного имени во множественном числе или его функциональных эквивалентов – предлогов *zwischen*, *unter* + имя во множественном числе, например: *Das Gezank der Frauen stört ihn* [7, 50]; *Erforderlich sind auch Diskussionen unter den Ingenieuren* [8]; *Dies erklärte ein Sprecher des japanischen Außenministeriums zum Abschluss von Konsultationen zwischen Japan und den USA* [8].

Все приведенные в качестве примеров отглагольные имена содержат в своей семантической структуре сему процессуальности и на этом основании могут быть ревербализованы, например: *Das Gezank der Frauen = Die Frauen zanken sich; Die Formulierung dieser Aufgabe durch Wilhelm von Humbold = Wilhelm von Humbold formuliert die Aufgabe; Ihre Schilderung von Claires Verwandlung = Sie schildert Claires Verwandlung u. d. p.*

Семантические дериваты процессуальных имен, коррелирующих с глаголами речи, мысли, передачи информации (*Formulierung*, *Vorlesung* и др.), а также абстрактные существительные, коррелирующие с данными глаголами непосредственно (*Vortrag*, *Spruch*, *Aufsatz*), минуя стадию семантической деривации, открывают позицию для имени, имеющего значение автора в отличие от процессуальных имен и глаголов, открывающих позицию для имени субъекта.

В грамматиках немецкого языка значение автора рассматривается в связи со значением родительного приименного. Значение авторского родительного (*genitivus auctoris*), как пограничного падежа между родительным субъекта и родительным принадлежности, трактуется как отношение автора, создателя, например: *der Aufsatz eines Schriftstellers, der Vortrag des Redners, der Entwurf des Architekten* [9, 167].

В.Г. Адмони указывает также и на тот факт, что существительное, управляющее родительным падежом со значением автора, не может быть именем действия, а является обозначением результата какой-либо деятельности (прежде всего в области искусства) и приводит следующие примеры: *Goethes Gedichte*, *Schillers „Wallenstein“*, *Liebkechts Rede* [10, 116].

Отношение автора при имени появляется, как правило, на месте субъектного отношения при однокорневом глаголе. Носителем данного отношения может быть как имя собственное (в пре- или постпозиции): *Noch lehrreicher sind Erfahrungen, die in der dritten der vier Vorlesungen Christa Wolfs auftauchten* [8], так и нарицательное одушевленное с категориальным значением «человек» (преимущественно в постпозиции): *Ich kann die Rede des Lehrers nur dem Sinn nach wiedergeben* [3, 391].
Случаи употребления нарицательных одушевленных существительных в форме авторского родительного в препозиции наблюдаются реже: *Meiner Mutter Sprüche waren weit genug gefasst für des Lebens ganze Vielfalt* [11, 55].

Синонимичной по значению авторскому родительному является конструкция с предлогом *von*, например: *Aber nach diesem Gespräch las ich auch Aussprüche von Clara Zetkin* [7, 406], реже конструкция с предлогом *zwischen* при таких существительных как *Abkommen*, *Vertrag*, *Vereinbarung* и др., обозначающих официальные документы, являющиеся результатом соглашений, договоров и т.д., заключаемых между двумя или несколькими сторонами: *Die in Reykjavik intensiv diskutierten Projekte könnten Gegenstand einer Vereinbarung zwischen unserem Land und den USA werden* [8].

Имя автора может быть названо относительным прилагательным, образованным от собственного или нарицательного одушевленного имени: *Ach, diese endlosen Diskussionen über die Hegelsche Philosophie* [3, 63]; *Hulda gab zu bedenken, dass ihre Freundin nach ärztlicher Vorschrift rauchige Lokale meiden sollte* [6, 255], а также притяжательным местоимением: *Ich traf in Gelsenkirchen mit einem Pfarrer zusammen, der in seiner Predigt begründete, wie notwendig die Errichtung der „Mauer“ in Berlin war* [7, 538].

В редких случаях отношение автора возникает на месте объекта при однокорневом глаголе. Так, глагол *interviewen* открывает две позиции, а именно, для имени лица в значении субъекта и для имени лица в значении объекта. Существительное *Interview*, обозначающее речевое произведение, сочетается только с одним именем лица в родительном падеже со значением автора. Имя лица при этом является аналогом винительного падежа при однокорневом глаголе, то есть утрачивает объектное значение. *Ср. Jetzt werden gleich ein paar Herren von der Zeitung erscheinen und dich interviewen* [4, 1972] *u Dieses Buch beinhaltet ausgewählte Kernstücke von Reden, Erklärungen und Interviews Michail Gorbatschows in vollem Wortlauf* [8].

Сочетаемость с авторским родительным и его функциональными синонимами развивает ряд существительных, семантически близких

именам со значением результата речи, мысли, но не имеющих глагольных коррелятов. Например: *Josef Prokop, der bisher immer noch geschwankt hatte, ob er die Worte des Offiziers für Scherz oder Ernst nehmen musste, wurde blaß* [3, 157]; *Besonders gefühlvoll klangen in seiner Interpretation Chopins Balladen und Sonaten* [8].

При этих именах родительный падеж не может быть интерпретирован иначе, чем родительный автора. Следовательно, и при семантически близких существительных, имеющих глагольные корреляты, он также выражает значение автора.

Часть интересующих нас имен образует сочетания с адресатом, получателем информации. Данное отношение реализуется в нашем материале в группе информативных глаголов (*mitteilen, erzählen, melden, interessieren, orientieren, eröffnen, offenbaren, benachrichtigen* и др.) и выражается дательным и винительным падежами или предлогами, например: *Er hatte mich bereits über die näheren Umstände orientiert* [4, 2717]; *den Kindern ein Märchen, lustige Dinge, Witze, Schwänke, Anekdoten erzählen* [4, 1154]; *Man informierte ihn über die neue Lage* [4, 1952]; *vor Gericht, vor dem Richter aussagen; er hat vor einem größeren Zuhörerkreis geredet* [4, 2977–2978]; *Melden Sie sich beim Pförtner* [4, 4130].

Позиция адресата при именах, коррелирующих с информативными глаголами, в языке реализуется очень редко, кроме тех случаев, когда адресат при глаголе выражен винительным падежом. Винительный падеж трансформируется в именное сочетание с родительным падежом со значением адресата, например: *die Benachrichtigung der Eltern ist dringend erforderlich* [12, 349]; *die Information der Bevölkerung durch die Presse über das Gipfeltreffen* [5, 216]; *eine rechtzeitige Verständigung der Angehörigen durch Polizei* [4, 4220]; *eine einheitliche Orientierung aller betroffenen Stellen* [4, 2717].

Глагольные предложные сочетания соответствуют именным предложным сочетаниям, как правило, с тем же предлогом, например: *Meldung eines Wegganges bei der amtlichen Stelle* [4, 42].

Трансформация винительного приглагольного в родительный приименной является закономерной и не свидетельствует о семантическом разрыве имени и однокорневого глагола по семе процессуальности.

Глагольные сочетания с дательным падежом соответствуют предложным именным сочетаниям, например: *Die erste Vorlesung der Dramen vor eingeladenem Publikum durch den Verfasser...* [2, 423]. Но такие примеры единичны.

Ограниченные возможности реализации позиции адресата обусловлены, на наш взгляд, не факультативностью этой позиции, а тесной зависимостью от условий контекста. Зависимость именных сочетаний от контекста сильнее, чем глагольных. Мнение об обязательности этой позиции подтверждается и тем, что она потенциально возможна при немногих и довольно узких тематических группах слов.

Семантические дериваты процессуальных имен типа *Mitteilung*, *Information*, *Erklärung*, *Schreiben* и др. открывают позицию для имени со значением адресата, но утрачивают при этом позицию для имени с объектно-изъяснительным значением или значением объекта результата, характерную для процессуальных существительных, что свидетельствует о разрыве названных имен и их процессуальных коррелятов: *Weil es nämlich in der Mitteilung an das Stadtkomitee geheißen hat* [3, 331]; *In einer Information an die Mitglieder der großen lutherischen Kirchen in den USA ktitierte der Rat...* [8]; *In einer Erklärung vor dem „Abgeordnetenhaus“ hat Willy Brandt den Versuch unternommen...*[8]; *In einem Schreiben an die Washingtoner Administration bringen sie die Empörung der Einwohner...* [8].

Сочетаемость с адресатом развивает ряд семантически близких существительных, не имеющих глагольных коррелятов, например: *Ein Wort an unsere Leser* [8]; *Dann begab er sich ins Zimmer, um einen Brief an Franz Ferdinand zu schreiben: den Brief eines Soldaten an seinen ins Feld abgehenden Sohn* [3, 79]; *In Telegrammen an den UNO-Sicherheitsrat rief sie dazu auf...*[8]; *Das österreichische Ultimatum an Serbien...*[4, 3864].

Наличие позиции адресата при именах, не коррелирующих с глаголами, свидетельствует о том, что эта позиция не является сугубо приглагольной.

Позицию адресата открывают при себе и существительные, коррелирующие с каузативными глаголами речи, например: *In einem Aufruf an die Wissenschaftler der Welt sprechen sich die Teilnehmer für Beseitigung aller Kernwaffen aus* [8]; *Und er hatte seinen Notizen manche gute Ermahnung an seine Nachkommen hinzugefügt* [2, 52]; *Als die Brandtgruppe spüren musste, dass die Vorschläge der SED an den Landesparteitag über gemeinsame Aktionen bei zahlreichen Diskussionssprechern Anklang fanden, ...* [8].

Имя лица при названных выше существительных обозначает не объект каузирующего действия и субъект каузируемого, что имеет место в сочетаниях с однокорневыми глаголами, например: *Ich schlug ihm vor, gleich zu beginnen* [4, 4214]; *Ich muss sie energisch auffordern, Ihre ärztliche Pflicht zu tun* [4, 247]; *Sein Vorgesetzter hat mir geraten, sich zu qualifizieren* [12, 210]; *Der Vater verbot seinem Sohn auszugehen* [4, 4024], а адресат речи, аналогичный адресату при именах, соотносимых с информативными глаголами.

Неспособность имен, соотносимых с переходными глаголами, управлять родительным объектным, эквивалентом винительного падежа, свидетельствует об изменении именем своего категориального значения и об изменении значения сочетания. Можно считать, что эти имена называют продукт речи, мысли.

Некоторые существительные этой группы (*Verordnung*, *Einwilligung*, *Erlaubnis*, *Genehmigung* и др.), а также ряд существительных, коррелирующих с глаголами сообщения (*Erzählung*, *Eröffnung*, *Nachricht* и др), утрачивают позицию адресата.

Для глаголов пропозиционального отношения типична также сочетаемость с пропозитивными дополнениями (придаточными предложениями и их номинализациями). В работах по семантическому синтаксису дополнениям при глаголах пропозиционального отношения приписываются значения цели, причины и изъяснительное [13, 128]. Термин «изъяснительный» (делиберативный) имеет более длительную традицию употребления.

По мнению лингвистов, между предметным и пропозитивным дополнением существует глубокое различие. Если конкретное дополнение обозначает предмет, который испытывает некоторые изменения в результате осуществленного над ним действия, то пропозитивный объект эксплицирует содержание психического (эмоционального, интеллектуального, волевого) процесса, протекающего в субъекте [13, 128].

Глаголы пропозиционального отношения (*kennen*, *bekennen*, *erkennen*, *bedenken*, *analysieren*, *untersuchen*, *lösen*, *erklären*, *abhandeln*, *erörtern*, *begründen*, *erläutern*, *darlegen*, *darstellen*, *beschreiben*, *schildern*, *angeben*, *betrachten*, *beobachten* и др.) реализуют свое значение в изъяснительных конструкциях, эксплицирующих содержание психического процесса. Позиция делиберативного объекта замещается, как правило, обязательно. Значительная часть анализируемых глаголов обладает узкой семантической валентностью, а именно сочетается с абстрактными существительными, обозначающими результат речевой или умственной деятельности, а также какое-либо общественно значимое понятие, например: *die Welt, die inneren Zusammenhänge erkennen* [4, 1112]; *die wissenschaftlichen Verhältnisse jener Zeit, e. Frage, e. Thema wissenschaftlich untersuchen* [4, 3982]; *e. Thema, Gebiet, Kapitel, Frage, Fall abhandeln* [4, 28]; *Fragen, die letzten Zwischenfälle, ein Problem, die vorhandenen Möglichkeiten erörtern* [4, 1130].

Эти глаголы легко номинализируются, образуя сочетания с родительным падежом в значении объектно-изъяснительном, если принять термин Н.С. Верниковской. Субстантивные корреляты этой группы глаголов совпадают с ними по логико-семантической и семантической валентности данного тематического ряда: *Denn die bloße Beschreibung der sprachlichen Form, also die reine Analyse der Formelemente und die Untersuchung ihrer Verteilung in der Äußerung, gestaltet sich ...* [5, 14]; *Die Sachbedeutung ist aus einer großen Zahl von Beobachtungen der Wirklichkeit abstragiert* [5, 52]; *Die Auffassung der Sprachtypen als Stufenfolge einer allgemeinen Sprachentwicklung ...* [5, 90].

У семантических дериватов вышеперечисленных процессуальных имен вместо родительного падежа появляется предлог *über* либо его функциональные синонимы, типичные для делиберативного отношения. Изменение управления маркирует семантический разрыв между процессуальным именем и его семантическим дериватом. Например: *Als erste Berichte über Konzentrationslager publik wurden, suchten die Nazis die*

darin enthaltenen Schilderungen über die von ihnen geübten Grausamkeiten als Verleumdungen abzutun [7, 196]; Weiter gab es auf jenen ersten Tagebuchseiten ein lustiges Maturagedicht und eine Reihe wirrer Betrachtungen über Gott und die Welt und Lidka [6, 13]. Существительные *Schilderungen, Betrachtungen* обозначают не процесс, а результат речи, мысли.

Часть глаголов пропозитивной семантики (преимущественно глаголы речи, мысли) обладают способностью сочетаться с изъяснительным придаточным, приобретая при этом модальное значение [13, 44; 14, 60–61]. Например: *böswillige Zungen behaupten, er sei ein Verräter [4, 475]; Er meinte, man könne nicht so verfahren [12, 1768].*

Анализ языкового материала показал, что глаголы в модальном употреблении, как правило, не имеют именных коррелятов, сохраняющих с ними тесную семантическую связь.

Дублируя сочетаемость однокорневых глаголов с изъяснительным придаточным, восполняющим недостаточность сказуемого главного предложения, имена сохраняют их модальный компонент, например: *Damals hatte sie seine Erklärung, er lasse keinen Freund ungerufen, hinreißend originell gefunden [3, 6].* Однако существительное *Erklärung* расходится с однокорневым глаголом по семе процессуальности, поскольку в левой позиции имени вместо глагольного субъектного отношения появляется отношение автора, не свойственное процессуальным существительным.

Мысль, что при номинализации управляющего элемента зависимое от него предложение не превращается в определительное, а сохраняет статус изъяснительного типа (мнение, что; мысль, что) находим и у других исследователей, например, у Н.С. Верниковской [15, 56].

Модальный компонент утрачивается, если анализируемые существительные сочетаются с непропозитивным именем, чистой номинализацией, указывающей на тему сообщения: *die kurzen und doch so inhaltvollen Bemerkungen über die sozialistische Bewegung in Russland, über die Internationale, über die Weltlage [3, 226].* Утрата именем семы модальности ведет к изменению формы выражения делиберативного объекта.

Имена, соотносящиеся с глаголами предложного управления, сохраняют правую семантическую валентность и форму управления глагольного сочетания: *Der Gedanke an das Feuer ließ Adrienne frösteln [3, 353]; Und während er sich willig von Lissys Plänen in eine Zukunft tragen ließ, in der sein Traum von einem gewöhnlichen Leben Wirklichkeit war, streifte er... [3, 203].*

Сопоставительный анализ валентности глаголов пропозиционального отношения и абстрактных имен, связанных с ними словообразовательно, позволяет утверждать, что совпадение валентностных свойств глагола и имени (логико-семантической, семантической и синтаксической (количественной) валентности), иногда и формы их управления (речь идет о предложной форме

выражения делиберативного (изъяснительного) отношения) свидетельствует о тесной семантической связи между ними, что выражается в присутствии в смысловой структуре значения имени семы процессуальности – основной семы категориального значения глагола как части речи. Процессуальное имя и глагол совпадают и по лексическому значению. Сема процессуальности в семантической структуре процессуального имени подчиняется высшей категориальной семе предметности, характерной для существительных. Именно по этой причине абстрактные имена, сохраняющие тесную семантическую связь с глаголами, близки, но не идентичны им по своим синтаксическим свойствам. Различие иногда состоит в несовпадении количественной валентности имени и глагола, связанных словообразовательно. Так, существительные, коррелирующие с каузативными глаголами, нередко утрачивают позицию объекта воздействия; существительные, соотносящиеся с глаголами сообщения, лишь в редких случаях реализуют позицию адресата.

Не всегда совпадает и форма выражения одного и того же семантико-синтаксического отношения при имени и глаголе. Однако несовпадение глагольных и именных сочетаний по форме не свидетельствует об их семантическом расхождении. Их семантико-семантические отношения всегда совпадают, о чем свидетельствует возможность взаимной трансформации глагольных и именных сочетаний. Отношение субъекта, адресата, изъяснительное остаются таковыми и при однокорневом абстрактном имени.

Несовпадение синтаксических связей однокорневых имени и глагола есть следствие специфики значения этих имен, а именно отсутствия семы процессуальности и наличия семы предметности.

Утрата семы процессуальности семантическими дериватами процессуальных имен сопровождается иногда утратой и других категориальных сем (каузативности, изъяснительной модальности).

Делиберативное отношение и отношение адресата не являются специфически глагольными и возможны в именных сочетаниях. Однако это не свидетельствует о возможности ревербализации именных сочетаний, поскольку глаголы и имена не совпадают по одной из логико-семантических валентностей. Так, на месте субъектного глагольного отношения при непроцессуальных именах, коррелирующих с глаголами речи, мысли, сообщения появляется отношение автора.

Проведенное исследование имеет определенное значение для лексикографической практики, поскольку словари не всегда разграничивают процессуальное и непроцессуальное значения имен, а в связи с этим в них отсутствует сочетаемость, свойственная именам в данных значениях. В словарях иногда не осуществляется дифференциация

значений и внутри непроцессуальной лексики. Многозначность этих имен интерпретируется, главным образом, через синонимы, тогда как описание значений слова через сочетаемость в большей степени способствовало бы снятию многозначности.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
2. Mann, Th. Buddenbrooks / Th. Mann. – М.: Verlag für fremdsprachige Literatur, 1956. – 735 s.
3. Weißkopf, F.C.W. Inmitten des Stroms / F.C.W. Weißkopf. – Berlin: Dietz Verlag, 1960. – 464 s.
4. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache: Bd. 1–6 / Hrsg. von R. Klappenbach und W. Steinitz. – Berlin: Akademie-Verlag, 1970–1978. – 6 Bd.
5. Schmidt, W. Grundfragen der deutschen Grammatik / W. Schmidt. – Berlin: Volk und Wissen, 1967. – 323 s.
6. Weißkopf, F.C.W. Himmelfahrtskommando / F.C.W. Weißkopf. – Berlin: Dietz Verlag, 1960. – 394 s.
7. Seydewitz, R. Alle Menschen haben Träume / R. Seydewitz. – Berlin: Buchverlag Der Morgen, 1978. – 550 s.
8. Frankfurter Allgemeine. – 2010–2012.
9. Brinkmann, H. Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung / H. Brinkmann. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1971. – 239 s.
10. Admoni, W. Der deutsche Sprachbau / W. Admoni. – М.: Просвещение, 1972. – 312 с.
11. Kant, H. Der Aufenthalt / H. Kant. – Berlin: Rütten Loening, 1977. – 600 s.
12. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache: Bd. 1 – 6 / Hrsg. und bearb. von Wissenschaftl. Rat und d. Mitarb. d. Dudenred. unter Leitung von Günter Drosdowski. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 1977 – 1981. – 6 Bd.
13. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
14. Алисова, Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума / Т.Б. Алисова // Вопр. языкознания. – 1971. – № 1. – С. 40–46.
15. Верниковская Н.С. Изъяснительные конструкции и аспекты их изучения / Н.С. Верниковская // Вест. МГУ. – 1975. – № 5. – С. 55–63.
16. Weißkopf, F.C.W. Lissy / F.C.W. Weißkopf. – Berlin: Dietz Verlag, 1960. – 278 s.

И. В. Русецкая, М. Н. Титовец (Мозырь, Беларусь)

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАЗВАНИЙ АЛЬБОМОВ АНГЛИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ РОК-ГРУПП

Название альбома всегда привлекает слушателя не меньше, чем сама группа. Это первичная информация о произведении, которая должна заинтересовать или хотя бы дать представление о нем. Информация может быть лишь контурной, общей, и слушатель должен сам до конца понять и увидеть, что автор хотел сказать, называя свой альбом именно так. Но она может также дать как совершенно конкретное представление о его содержании, так и представление ложное, вводящее в заблуждение.

Для рассмотрения номинаций в рамках заглавий альбомов, а также проведения структурного и семантического анализа использовалась выборка названий альбомов, представленная в журнале "Rolling Stone" от 18 ноября 2003 года [1]. Общий объем выборки составил 500 единиц.

Названия альбомов английских и американских рок-групп очень разнообразны и в лингвистическом отношении, и по своей тематике. Встречаются названия традиционные (отдельные слова или словосочетания ("*Bad*", "*Ten*", "*Bookends*")), но нередки и названия новые, необычные (сюда относятся названия со сложной структурой, которые могут включать, например, предложения ("*It Takes a Nation of Millions to Hold Us Back*", "*I Never Loved a Man the Way I Love You*", "*Everybody Knows This Is Nowhere*")).

Слово является самым распространенным и, пожалуй, основным средством номинации в названиях альбомов. Однако отдельные слова из разных частей речи стоят на втором месте после словосочетаний по частоте употребления в названиях альбомов – 20,4% выборки. При использовании частей речи для названия альбомов наиболее употребительными являются существительные, представленные 84,3% из общего числа единиц выборки. С точки зрения морфологического анализа чаще употребляются нарицательные неодушевленные существительные ("*Revolver*", "*Thriller*", "*Rumours*", "*Tapestry*") и лишь некоторые названия представлены одушевленными ("*Horses*", "*The Stranger*", "*Volunteers*", "*Boy*", "*Dummy*", "*Destroyer*").

В названиях альбомов используются номинативные средства разной семантики. Достаточно традиционными и распространенными являются названия, содержащие имена собственные. Они составляют порядка 15% от общего количества примеров названий, выраженных существительными. Среди таких случаев встречаются как названия соответствующих рок-групп ("*The Beatles*", "*The Doors*", "*Ramones*", "*Eagles*", "*Metallica*"), так и географические названия ("*Berlin*", "*Los Angeles*", "*Nebraska*").

Очень немногочисленны названия альбомов с употреблением притяжательного падежа (*"This Year's Model"*, *"Paul's Boutique"*).

Вторыми по распространенности среди частей речи являются прилагательные (9,8% выборки). Морфологические категории в данном случае представлены как качественными (*"Alive!"*, *"Loveless"*, *"Superunknown"*, *"Illmatic"*), так и относительными прилагательными (*"Loaded"*, *"Fresh"*, *"Bad"*, *"Low"*).

Третью количественную группу составляют глаголы (2,9% выборки). Глаголы представлены невозвратными глаголами совершенного и несовершенного вида, употребляемыми в повелительном наклонении (*"Stand!"*, *"Help!"*, *"Play!"*). В некоторых случаях в названиях встречаются так называемые фразовые глаголы, употребляемые в зависимости от значения с определенным предлогом (*"Freak Out!"*, *"Sail Away"*, *"Shoot Out the Lights"*, *"Squeezing Out Sparks"*, *"Live Through This"*).

Очень разнообразны глаголы, употребляемые в названиях альбомов, по своей семантике. Встречаются глаголы физического действия (*"Stand!"*, *"Meet the Beatles!"*, *"Catch a Fire"*, *"Freak Out"*), чувств и восприятия (*"Imagine"*, *"I Never Loved a Man the Way I Love You"*, *"If You Can Believe Your Eyes and Ears"*), движения (*"Born to Run"*, *"The Harder They Come"*), изменения состояния (*"Let It Bleed"*).

Остальные части речи представлены единичными случаями. Частотность их употребления не превышает 3% от общего числа употребления слов в качестве названия альбома. Данная группа представлена наречиями (*"Closer"*), числительными (*"Ten"*, *"1999"*), частицами (*"So"*).

Количественные подсчеты показывают, что словосочетания являются самым частотным средством названия музыкальных альбомов и составляют 49,8% выборки (*"Pet Sounds"*, *"Born To Run"*, *"The Dark Side of the Moon"*, *"A Love Supreme"*, *"Green River"*, *"Parallel Lines"*, *"Master of Puppets"*).

В рамках структурного анализа названия альбомов представлены следующими типами словосочетаний: именные – 88,7% от общего числа встречаемых словосочетаний; глагольные – 6,8%; наречные – 4,5%.

Среди именных словосочетаний наиболее употребительными являются те, в которых в роли главного слова выступают существительные (*"King of Blue"*, *"Bridge Over Troubled River"*, *"Physical Graffiti"*, *"Red Headed Stranger"*) и прилагательные (*"Dusty in Memphis"*, *"Younger Than Yesterday"*, *"Ready to Die"*, *"Best of Little Walter"*).

Названия, содержащие номинативную группу, состоящую из однородных членов и сочинительного союза "and", составляют 2% выборки и чаще всего строятся по модели: «словосочетание + "and" + словосочетание» (*"The Rise and Fall of Ziggy Stardust and the Spiders from Mars"*, *"Captain Fantastic and the Brown Dirt Cowboy"*). Также

присутствуют конструкции типа «существительное + “and” + существительное» (“*Court and Spark*”, “*Beauty and the Beat*”). Среди существительных, используемых для образования конструкций такого типа, в названиях альбомов преобладают имена собственные (“*Odessey and Oracle*”, “*Layla and Other Songs*”, “*Parsley, Sage, Rosemary and Thyme*”, “*Crosby, Stills & Nash*”).

Номинативные конструкции с двоеточием составляют 1% всей выборки. Двоеточие в этих случаях выполняет функцию уточнения и пояснения, а также вводит новую, более точную, конкретную информацию (“*Otis Blue: Otis Redding Sings Soul*”, “*Axis: Bold as Love*”, “*Proud Mary: The Best of Ike & Tina Turner*”, “*All Killer, No Filler: The Anthology*”).

Глагольные словосочетания, главным словом в которых выступает глагол или его форма (причастие I и II или инфинитив), представляют небольшую группу и составляют 6,8% всех словосочетаний, представленных в выборке. Такие названия отражают завершенность действия (“*Born to Run*”, “*Paid in Full*”, “*Five Leaves Left*”, “*Rid of Me*”) либо процесс его протекания (“*Bringing It All back Home*”, “*Talking Book*”, “*Catch a Fire*”, “*Remain in Light*”, “*Moonin’ in the Moonlight*”).

Третьим структурным типом выступают наречные словосочетания. Для их образования чаще всего используются наречия и предлоги времени, места и направления (“*Forever Changes*”, “*After the Gold Rush*”, “*Back in Black*”, “*Out of the Heads*”).

Анализ выборки показал, что для названий альбомов рок-групп предложения используются достаточно редко, они составляют лишь 7,2% всех примеров. Среди группы альбомов, имеющих в качестве названия предложения, можно встретить все коммуникативные типы: повествовательные – 80,6% названий, представленных предложениями (“*It Takes a Nation of Millions to Hold Us Back*”, “*Here’s Little Richard*”, “*I Never Loved a Man the Way I Love You*”); повелительные и восклицательные – 8,3% (“*Let It Bleed*”, “*Stand!*”, “*Let’s Get It On*”) и вопросительные предложения – 11,1% (“*What’s Going On?*”, “*Are You Experienced*”, “*Who’s Next?*”).

По синтаксической структуре все предложения являются простыми. В некоторых случаях используются так называемые эллиптические предложения, характеризующееся неполнотой грамматической структуры или состава, вследствие того, что в нем отсутствует один или несколько членов, ясных из контекста или из ситуации (“*Wish You Were Here*”, “*Can’t Buy a Thrill*”). Очевидно, что в указанных примерах отсутствует подлежащее, при этом неважно, какой именно частью речи (существительным или местоимением) оно может быть выражено.

Следует отметить употребление иностранных слов или варваризмов, экспрессивно описывающие чужие реалии и обычаи. Такая лексика

употребляется по мере надобности для передачи так называемого местного колорита. Наиболее яркими примерами употребления иностранных слов и варваризмов в названиях альбомов являются следующие: заимствования из немецкого (*“Achtung, Baby”*), итальянского (*“Graffiti”*), испанского (*“Tres Hombres”*), французского (*“Déjà Vu”*) и латинского языков (*“In Utero”*).

Некоторые названия альбомов рок-групп вызывают особый интерес в культурологическом и социолингвистическом аспектах.

Примером названия альбома именем студии звукозаписи может служить пластинка английской группы *“The Beatles” “Abbey Road”*, записанная на одноименной звукозаписывающей студии в Лондоне, в районе Сент Джонс Вуд, созданной в ноябре 1931 года. В 1969 году на пешеходном переходе у студии была сделана одна из самых знаменитых фотографий *«The Beatles»*, ставшая обложкой их последнего записанного альбома [2].

Примером названия именем концертной площадки является альбом Джеймса Брауна *“Live at the Apollo”* – запись живого концерта в театре *«Аполло»*, сыгравшем значительную роль в развитии афроамериканской музыкальной культуры. Театр включен в Национальный регистр исторических мест. В разное время в *«Аполло»* выступали Элла Фитцджеральд, Билли Холидей, Дайана Росс, Jackson 5, Стиви Уандер. Одной из уникальных особенностей театра был *«палач»* – человек с метлой, который сметал исполнителей со сцены, если аудитория просила удалить их [3].

Примером использования топонимов может служить название альбома *“The Joshua Tree”* (*«Дерево Джошуа»*), выпущенного группой U2 в 1987 году. *«Дерево Джошуа»* – вид кактуса, растущего в пустынях Северной Калифорнии (Джошуа – вариант имени Иисуса Христа), по имени которого назван небольшой городок в Калифорнийской пустыне, где умер рокер 70-х годов Грэм Парсонс. Название городка – Джошуа-Три – вдохновило U2 назвать так альбом [4].

Американская группа *“Eagles”* в 1976 году выпустила всемирно известный альбом *“Hotel California”*, на обложке которого изображён Отель в Беверли-Хиллз, штат Калифорния, что является примером использования названия объекта хозяйствования в музыкальной индустрии. Альбом, как считают некоторые, описывает самоуничтожение музыки в Голливуде. Идея альбома – то, что Голливуд подобен роскошной гостинице, которая сначала приветствует, а потом заманивает в ловушку её жителей из-за их собственной самоубийственной хитрости. Но есть версии и более приземлённые: например, о том, что под *«отелем»* подразумевается тюрьма или психбольница [5].

Встречаются случаи мифологизации названий альбомов. Данное явление можно проиллюстрировать при помощи названия альбома

“*Odessey and Oracle*”, выпущенного в 1968 году группой “The Zombies”. Обложку альбома создал Терри Квирк, художник, друг и сосед Криса Уайта (вокалиста группы) по съёмной квартире. Он допустил опечатку в названии (“*Odessey*” вместо правильного “*Odyssey*”), которую музыканты сразу не заметили, а заметив, решили не исправлять.

Отвечая на вопрос, что такое «одессея» (*Odessey*) и кто такой «Оракул» (*Oracle*), Род Арджент (клавишник и композитор группы) сказал: «Это просто фраза, слетевшая с языка. Идея одиссеи заключается в путешествии и открытии, но я не вполне уверен, что же мы подразумевали под «оракулом» [6].

Среди представленных в выборке названий выявлен случай употребления названия кинематографической работы. Таким образом, название альбома “*A Night at the Opera*” рок-группы “Queen”, выпущенного 2 декабря 1975 года, взято из репертуара американских комиков 1930-х годов братьев Маркс, а именно из одноимённого фильма [7].

Некоторые зарубежные исполнители и группы пропагандировали при помощи своей музыки определенные идейные течения. Так, группа из Германии “Kraftwerk” выступала за распространение европеизма, за экономическое и политическое объединение стран Европы на основе общечеловеческих ценностей, исторической, социальной и духовной общности её народов. Альбом “*Trans-Europa Express*” имеет концептуальное основание. По этому поводу Ральф Хюттер (один из основателей группы) говорил: «Культура Центральной Европы была вырезана в 30-е гг, и многие из интеллектуалов уехали в США или Францию, либо были уничтожены. Мы начинаем там, где всё это было брошено, продолжая эту культуру 30-х гг., воссоздавая её духовно». Название альбома отсылает к сети скоростных поездов, обслуживавших западноевропейские линии в 1957–1991 гг. [8]

Концептуальность отличает также и название альбома “*Californication*” американской группы “Red Hot Chilli Peppers”, выпущенного в 1999 году. Основной тематикой альбома является темная сторона жизни в Калифорнии и в Голливуде в частности. Альбом открывает одноименная песня, начинающаяся со строчки «Экстрасенсорные шпионы из Китая пытаются украсть восторг вашего разума». Тексты песен альбома также содержат ссылки на такие темы, как порнография и пластическая хирургия, и даже некоторые ссылки на персон из поп-культуры, включая лидера группы Nirvana Курта Кобейна и рок-легенду Дэвида Боуи, фильмы “Star Wars” и “Star Trek” [9].

Проанализировав выборку из 500 названий альбомов, можно сделать вывод об актуальности рассматриваемой темы ввиду её непосредственной связи с проблемами номинации, которые позволяют проследить лингвистические особенности в текстах песен и в названиях альбомов рок-групп, а также передают дополнительную информацию о пристрастиях, интересах, проблемах, волнующих музыкантов.

Литература

1. 500 величайших альбомов всех времён по версии журнала Rolling Stone // Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/500_величайших_альбомов_всех_времён_по_версии_журнала_Rolling_Stone. – Дата доступа: 13.05.2011
2. Эбби Роуд // Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Эбби_Роуд. – Дата доступа: 13.05.2011.
3. Аполло // Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Аполло>. – Дата доступа: 13.05.2011.
4. Speaking In Tongues. Лавка Языков // Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vladivostok.com/speaking_in_tongues/u2_3.htm. Дата доступа: 13.05.2011.
5. Отель Калифорния // Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Отель_Калифорния_\(песня\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Отель_Калифорния_(песня)). Дата доступа: 13.05.2011.
6. Odessey and Oracle // Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Odessey_and_Oracle. Дата доступа: 13.05.2011.
7. A Night at the Opera (альбом Queen) // Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/A_Night_at_the_Opera_\(альбом_Queen\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/A_Night_at_the_Opera_(альбом_Queen)). Дата доступа: 13.05.2011.
8. Trans-Euroпа Express // Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Trans-Euroпа_Express. Дата доступа: 13.05.2011.
9. Californication (песня) // Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Californication_\(песня\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Californication_(песня)). Дата доступа: 13.05.2011.

Е. Г. Скребова (Воронеж, РФ)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДИКАТИВНОГО АСПЕКТА НЕМЕЦКИХ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПРЕДШЕСТВОВАНИЯ

С точки зрения особенностей семантико-структурного устройства сложноподчиненные предложения с временным соотношением компонентов представляют собой одну из разновидностей т. н. «сопряженных категориальных ситуаций» (термин А.В. Бондарко) [1] – таксисные ситуации, которые трактуются как категориальная характеристика синтаксических конструкций, обладающих известным содержательным потенциалом.

Временные сложноподчиненные предложения репрезентируют темпоральные отношения, складывающиеся между основной кодируемой ситуацией и сопутствующими ей другими ситуациями, в рамках единого временного плана. Таким образом, таксис со своей семантикой и системой отношений становится доминирующей категориальной характеристикой исследуемых подчинительных комплексов.

Таксис обнаруживает тесную связь с грамматическими категориями аспектуальности, темпоральности, объективной модальности.

Под **аспектуальностью** принято понимать систему взаимодействующих языковых средств (морфологических, словообразовательных, синтаксических, лексических), связанных с выражением характера протекания действия.

В немецком языке глагольные действия с точки зрения их протекания и распределения во времени характеризуются посредством аспектуальной категории способов глагольного действия (*der Aktionsarten*). Способы глагольного действия представляют собой «сводную» категорию, в пределах которой группируются все (независимо от особенностей внешнего обнаружения) акциональные значения, рассматриваемые как некая готовая данность, определенным образом воздействующая на функционирование грамматических форм времени (см. [2]; [3]; [4]; [5] и др.).

Темпоральность представляет собой систему противопоставленных друг другу рядов грамматических форм с дифференциальными признаками одновременности, предшествования и следования по отношению к моменту речи (абсолютное употребление времен) или иной исходной точке отсчета (относительное употребление времен).

Временная перспектива в названных вариантах темпоральности создается посредством трех форм времени, а именно: презенса, выражающего отнесенность действия к плану настоящего, к «современности» в широком смысле (*ich lese, sie schreibt*); претеритума, выражающего отнесенность действия к прошлому, т. е. к временному плану, предшествующему моменту речи (*ich las, sie schrieb*); футура I, выражающего отнесенность действия к будущему, т. е. к временному плану, последующему по отношению к моменту речи (*ich werde lesen, sie wird schreiben*). Эти же формы реализуются и в относительной системе отсчета, о чем свидетельствует употребление форм презенса в «историческом» значении (*historisches Präsens*), наиболее часто встречающееся в произведениях художественной литературы и публицистике: *Als 1422 Karl VI. stirbt, ist auch Isabeau für die Mächtigen des Landes nicht mehr von Interesse und sie verliert schnell ihren letzten Einfluß (Th. Stamm-Kuhlmann); «Aber mal davon ab! Bevor se ihn jeschnappt haben, 'n Tag zuvor, kommt doch mein Schorin an und erlaubt sich janz stikum den Kasten hier zu deponieren» (H. Scholz).*

Объективная модальность характеризует предикативный признак (и через него высказывание в целом) с точки зрения того, как лежащие в его основе факты соотносятся с реальной действительностью (они были, есть, или только предполагаются существующими). Этот вид модальности неразрывно связан с категорией темпоральности, причем следует различать время и наклонение как глагольные и синтаксические категории. В морфологических формах глагола значения времени, наклонения сконцентрированы и абстрагированы, что дает основание представлять их как значения собственно глагола и его парадигмы. Морфологические значения времени и наклонения глагола взаимодействуют с другими средствами выражения аналогичных синтаксических значений. В предложении глагол входит в более широкую систему средств формирования синтаксических времен, наклонений и вместе с этими синтаксическими средствами образует единую систему репрезентации синтаксических значений [6, 114].

При анализе особенностей организации предикативного аспекта одной из разновидностей временных сложноподчиненных предложений – сложноподчиненных предложений предшествования необходимо иметь в виду, что в этих синтаксических конструкциях совмещаются дейктический и таксисный способы ориентации. Первый манифестируется глагольными формами времени и выражает отношение действий, событий, состояний к факту сообщения, при втором способе на передний план выдвигается таксисная функция способов глагольного действия, т.е. их способность передавать известные типы хронологических отношений в бинарных синтаксических конструкциях. Например: *Heinz wollte nicht eher auf Urlaub fahren, bevor er nicht die beiden Kreuze besass* (B. Kellermann); *N.s Frau hatte sich, noch bevor der Krieg ausgebrochen war, von N. getrennt und einen anderen geheiratet* (E. Erb); *Kurz bevor ich Berlin verließ, traf ich in unserem Verlagshochhaus auch schon die ersten Wasserträgerinnen im Fahrstuhl* (A. Osang).

Кроме того, следует учитывать, что ведущая роль в выражении таксисных отношений предшествования принадлежит семантике союзов, вследствие чего способы глагольного действия оказываются релевантными при передаче однократности/многократности.

В **однократной** таксисной ситуации отношения предшествования в плане прошедшего времени абсолютной системы отсчета передаются, как правило, посредством комбинаций одинаковых временных форм глаголов в главной и придаточной частях: *Ich hörte, bevor ich auflegte, nur noch, dass sie irgend etwas von Prinzipien sagte* (H. Böll); *Ich war so eingeschüchtert von der Strenge der amerikanischen Stewardessen, dass ich mich gute fünf Minuten lang ausgiebig entschuldigte, bevor ich den freundlichen französischen Steward sagen hörte* (P. Gethers); *«Ich habe Fred gestern abend mit dem Geld erwischt. Er hat mir alles gesagt, bevor er weggegangen ist»* (J. Becker).

Как показывает собранный языковой материал, комбинация претеритум (гл. ч.) – претеритум (прид. ч.) является максимально частотной. Она употребляется в сложноподчиненных предложениях, в которых между соотносимыми ситуациями имеется известный временной промежуток. При этом в главной и придаточной частях используются глаголы, относящиеся к предельным способам действия.

Использование глаголов неопределенных способов действия в описываемых сложноподчиненных предложениях также не исключено. По наблюдениям У. Браунер, здесь существуют две возможности интерпретации глагольных действий. С одной стороны, действие главной части в целом может быть локализовано перед действием придаточной части, с другой стороны, оно может начаться раньше действия придаточной части и продолжаться после наступления или начала реализации действия придаточной части [7, 270–271]. Следует особо отметить, что глаголы неопределенных способов действия реализуются преимущественно в главной части. Ср.:

Ich zögerte lange, bevor ich auch Züpfners Telefonnummer heraussuchte und unter die Kolonne derjenigen schrieb, die ich nicht auspumpen gedachte (H. Böll);

(Es krachte zweimal, und Axels Kopf schlug getroffen zurück. Ein Brei aus Hirn und Haaren quoll hervor.) Er war tot, ehe die Schüsse zwischen den Regalen verhallten (J. Becker).

В этих и им подобных конструкциях отношения предшествования устанавливаются на уровне темпоральных обстоятельств, являющихся своего рода ограничительными факторами, с помощью которых осуществляется локализация ситуации главной части во времени.

Сложноподчиненные предложения с комбинацией перфект (гл. ч.) – перфект (прид. ч.) характерны для разговорной речи: *Bevor die Sozialdemokraten ihren Erfolg erreicht haben, haben sich Stimmen nach einem Ausnahmegesetz zur Bekämpfung der Sozialdemokraten erhoben (K.-F. Warner); Kurz bevor ich deine Mail erhalten habe, bin ich zur Post gegangen und ein kleines Päckchen an dich abgeschickt (Informant).*

В таких предложениях обычно используются глаголы, относящиеся к предельным способам действия.

Отношения предшествования в плане прошедшего времени абсолютной системы отсчета могут также передаваться сочетанием разных временных форм в главной и придаточной частях, а именно:

▪ перфект (гл. ч.) – претеритум (прид. ч.): *Er hat auch alles ordentlich zurechtgelegt, bevor er das Zeug schluckte (L. Feuchtwanger);*

▪ плюсквамперфект (гл. ч.) – претеритум (прид. ч.): *Und ehe Walter überhaupt begriff, was geschah, war sie in eine vorfahrene Strassenbahn gestiegen (W. Bredel).*

Комбинация перфект (гл. ч.) – претеритум (прид. ч.) употребляется преимущественно в сложноподчиненных предложениях, в которых между соотносимыми ситуациями имеется известный временной промежуток. Что касается комбинации плюсквамперфект (гл. ч.) – претеритум (прид. ч.), то она характерна для сложноподчиненных предложений, в которых ситуация главной части непосредственно предшествует ситуации придаточной части или реализуется так быстро, что предотвращает, аннулирует ситуацию придаточной части. О.Д. Борисова замечает: «Форма плюсквамперфекта, употребляемая в главном предложении, подчеркивает как законченность и быстроту совершения действия главного предложения, так и отношение предшествования» [8, 44].

В плане настоящего времени (однократная ситуация) отношения предшествования обычно передаются с помощью следующих комбинаций временных форм:

▪ презенс (гл. ч.) – перфект (прид. ч.): *(in einem Brief:) Jessika, mein Blümchen. Deine schönen Rosen (mit denen Jessika vor ihrer Abreise das Haus geschmückt hatte) sind nun welk, noch ehe die Freude des Alleinseins angefangen hat* (R. Huch);

▪ презенс (гл. ч.) – презенс (прид. ч.): *Herr Galilei, bevor wir Ihr berühmtes Rohr applizieren, möchten wir um das Vergnügen eines Disputis bitten* (B. Brecht).

Как правило, временные формы в сложноподчиненных предложениях с названными выше комбинациями употребляются в абсолютной системе отсчета. Однако случаи употребления временных форм в относительной системе отсчета (имеется в виду «настоящее историческое») также не исключены. Прежде всего это касается комбинации презенс (гл. ч.) – презенс (прид. ч.): *Bevor Chopin Wien den Rücken kehrt, bringt er eine eindrucksvolle Zahl von Kompositionen zu Papier: Mazurken, Walzer (darunter auch der «Grande valse brillante in Es-dur op. 18»), das «Scherzo in h-moll op. 20», und die «Grande polonaise in Es-dur op. 22», sein letztes Werk mit Orchester* (W. Schmidt).

Иногда в предложениях с комбинацией перфект (гл. ч.) – презенс (прид. ч.) глагольные действия оказываются нелокализованными во времени и относятся, таким образом, ко всем трем временным планам сразу: *Verstockt, erwidert Trojandt: Lieber Himmel, so ein Blatt ist vergessen, ehe es erscheint!* (W. Steinberg).

В этом случае мы имеем дело с т. н. «омнитемпоральным» презенсом.

Для выражения отношений предшествования в плане будущего времени в однократной ситуации используются следующие комбинации временных форм:

▪ презенс (гл. ч.) – презенс (прид. ч.): *(in einem Brief:) ...die Post hat bis 9 abends auf, so kriegst Du hoffentlich noch den Brief, ehe Ihr nach Hamburg reist* (R. Brinkmann);

▪ футур I (гл. ч.) – презенс (прид. ч.): *Jetzt gleich, noch bevor er ins Geschäft zurückgeht, wird er bei Meineke vorbeispringen und setzen* (L. Feuchtwanger).

Как показывает собранный нами языковой материал, из двух приведенных выше комбинаций временных форм наиболее употребительной и максимально частотной является комбинация презенс (гл. ч.) – презенс (прид. ч.). У. Браунер замечает по этому поводу: «Так как граммы презенса в локализованных во времени предложениях с союзом *bevor* всегда обозначают события, отнесенные в план будущего, то в этих и им подобных предложениях можно отказаться от употребления аналитических форм футура I» [7, 266].

В многократной ситуации отношения предшествования передаются, как правило, сочетанием идентичных временных форм в главной и придаточной частях, которые относятся в план прошедшего (реже – настоящего) времени абсолютной системы отсчета. *(Er fuhr nach Hause und packte den Koffer aus, obendrauf lag wie immer sein Expander.) Schweißtreibende und muskelstählende Übungen betrieb Oakins, ehe er sich unter die Brause stellte* (E. Loest); *(Da flog er durch die Tür und stürzte im Schlafzimmer zu Boden.) Noch bevor er wieder aufgestanden war, hatte Petrus abgeschlossen* (L. Frank); *Bevor er sie (die Tür) aufschließt, hat er wie jeden Tag seine kleine, grimmige Sensation* (L. Feuchtwanger).

При этом в рассматриваемых сложноподчиненных предложениях нередко употребляются дополнительные темпоральные квалификаторы, указывающие на регулярность реализации соотносимых ситуаций типа *jeden Morgen, einige Male, oft, wie jeden Tag, stets* и др.

В рамках объективной модальности основная масса сложноподчиненных предложений предшествования репрезентирует значение реальности, передаваемое глаголами изъявительного наклонения в плане прошедшего, настоящего и будущего времени абсолютной системы отсчета. Примеры см. выше.

Значение гипотетичности в описываемых сложноподчиненных предложениях выражается формами Конъюнктив'a II: *Die Vorstellung (...) war mir unerträglich, wie das Wort Flitterwochen und die Idee, ich könnte um Marie kämpfen. Kämpfen konnte doch nur körperlich gemeint sein. Selbst als schlecht trainierter Clown war ich sowohl Züpfner wie Sommerwild überlegen. Bevor sie sich auch nur in Positur gestellt hätten, hätte ich schon drei Purzelbäume geschlagen, mich von hinten an sie herangemacht, sie aufs Kreuz gelegt und in den Schwizkasten genommen* (H. Böll).

Необходимо обратить внимание на то, что значение гипотетичности здесь появляется только тогда, когда формы Konjunktiv'a II употребляются в обеих частях сложного целого.

Значения возможности и необходимости в сложноподчиненных предложениях предшествования выражаются с помощью модальных глаголов *sollen, müssen, dürfen, können, mögen* + *Infinitiv*, которые, по мнению Г. Хельбига, представляют размышления говорящего/пишущего об отношении между подлежащим и инфинитивом: «Только при поверхностном взгляде на вещи модальный глагол может считаться сказуемым. С логико-семантической точки зрения грамматическое подлежащее является подлежащим только для инфинитива (оба образуют потенциальную предикацию), «логическим подлежащим» для модального глагола оказывается сам говорящий» [9, 15–16].

Собранный нами фактический материал показывает, что модальные глаголы чаще всего употребляются в главной части сложноподчиненного предложения: *Bevor sie ihr Vorhaben ausführen konnten, sahen sie Soldaten kommen (W. Bredel); Johanna musste mit dem, den sie liebte, zuerst um die Welt gehen, Hand in Hand, bevor sie sich bereit fand zu der großen Intimität, die bei einem Mädchen ihrer Art in die Lebensgemeinschaft führt (L. Frank).*

Проведенное исследование показало, что анализ предикативного аспекта устройства сложноподчиненных предложений, основанный на представлении о категориальных ситуациях, позволяет расширить систему традиционных понятий, используемых в грамматических исследованиях. Прежде всего речь идет о таких понятиях, как семантика и функции грамматических форм и синтаксических конструкций. Значимость этих понятий не вызывает сомнений. В работах, ориентированных на изучение грамматических форм и категорий, от них не стоит отказываться. Вместе с тем обращение к категориальным ситуациям закономерно дополняет «формоцентрическую» ориентацию описания языкового материала семантическим описанием категориальных содержательных структур, которые выражаются в предложении различными средствами и взаимодействуют с другими его компонентами.

Было установлено, что возможность и целесообразность «категориально-ситуативного подхода» наиболее четко репрезентирована в сложноподчиненных предложениях с временным соотношением компонентов. Данные синтаксические комплексы выражают темпоральные отношения, складывающиеся между основной кодируемой ситуацией и сопутствующими ей другими ситуациями, в рамках единого временного плана. В них категориальные таксисные ситуации проявляют способность к дискретной выделяемости в составе предметной ситуации и к семантической актуализации.

Литература

1. Бондарко, А.В. Категоризация в системе грамматики / А.В.Бондарко. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 472 с.
2. Flämig, W. Zur Funktion des Verbs: Tempus und Temporalität – Modus und Modalität – Aktionsart und Aktionalität/ W.Flämig // Probleme der Sprachwissenschaft. Beiträge zur Linguistik. – The Hague, Paris, 1971. – S. 253–289.
3. Andersson, S.-G. Aktionalität im Deutschen. Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem I. (Die Kategorien Aspekt und Aktionsart im Russischen und im Deutschen) / S.-G.Andersson. – Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1972. – 272 s.
4. Nespital, H. Verbbedeutung und Aspekt aus sprachvergleichender Sicht/ H.Nespital // Sprachwissenschaft. – 1983. – № 8. – S. 351–384.
5. Helbig, G., Buscha, J. Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht / G.Helbig, J.Buscha. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1986.
6. Grammatik der deutschen Sprache. Sprachsystem und Sprachgebrauch. – München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1999. – 702 s.
7. Brauner, U. Temporale Satzgefüge mit einmaligem Zeitbezug im Deutschen und Italienischen / U.Brauner. – Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1997. – 358 s.
8. Борисова, О.Д. О значении и употреблении временных подчинительных союзов *ehe* и *bevor* в современном немецком литературном языке / О.Д.Борисова // Уч. Записки обл. пед. ин-та им. Н.К. Крупской. Труды кафедр иностранных языков. – М., 1958. – Т. LXIV. – Вып. 3. – С. 35–57.
9. Helbig, G. Studien zur deutschen Syntax: In 2 Bänden / G. Helbig. – Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1989. – Bd. 2.

М. Г. Старовойт (Мозырь, Беларусь)

ОСОБЕННОСТИ ВХОЖДЕНИЯ ЛЕКСИКИ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА В ЛОГИКО-СМЫСЛОВУЮ СТРУКТУРУ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РУССКОМ, БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье лексика со значением неопределенного количества рассматривается в логико-смысловом аспекте. Задача исследования заключается в том, чтобы установить основные семантико-синтаксические функции слов с семой «количество» в высказывании, определить специфику контекстного окружения слов данной семантики и специфику их вхождения в логико-смысловую структуру высказывания, а именно

распределение по таким логико-смысловым позициям, как субъект, объект, предикат и обстоятельство. В русском, белорусском и английском языках выделено шесть основных моделей предложений, отражающих ситуацию количественного восприятия. В качестве предикатов предложений с пропозицией количественного восприятия выступают глаголы восприятия количества, глаголы перцептивной семантики, глаголы проявления количества.

Основной функцией лексики любого типа восприятия (визуальной, слуховой, вкусовой, обонятельной, осязательной) является номинация перцептивной ситуации [1], [2, 3–23], а именно ситуации восприятия человеком при помощи органов чувств основных эмпирических свойств предметов и явлений внешнего мира.

Для определения типовых моделей предложений с лексикой, обозначающей неопределенно большое и малое количество, мы отобрали 900 текстов в русском, белорусском и английском языках с наиболее частотными лексемами, включая сему количества. Материал был извлечен преимущественно из текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка [3], в корпусе английского языка (CORPUS OF CONTEMPORARY AMERICAN ENGLISH) [4], в байнете (www.tut.by). Частотность языковых единиц со значением неопределенного количества определялась по степени их представленности в корпусах сопоставляемых языков. В классе образов неопределенно большого количества это лексемы русского языка *прилив, уйма, гора, череда, стадо*, лексемы белорусского языка *прыліў, безліч, гара, чарада, статак*, английские лексемы *flood, lots of, heaps of, chains of, flock of*. В классе образов неопределенно малое количество это языковые единицы русского языка *капелька, глоток, крупинка, лучик, осколок*, лексемы белорусского языка *кропля, глыток, жвірынка, праменьчык, аскенак*, английские лексемы *drop, gulp, grain, ray, splinter*. Достаточно частотными являются и другие лексемы со значением неопределенно большого и малого количества. Однако считаем, что такое количество отобранных языковых единиц является достаточным для проведения анализа.

Количество может восприниматься и создаваться (производиться) человеком. Количество является одним из неотъемлемых признаков реального мира. В русском, белорусском и английском языках мы выделили шесть основных моделей ситуаций количественного восприятия с точки зрения логической структуры предложения:

- Субъект (S) + предикат восприятия количества (P) + объект-квантификатор (O);
- Субъект-квантификатор (S) + предикат проявления количества (P) + объект (O);
- Субъект (S) + предикат проявления количества+квантификатор (P);

Субъект (S) + предикат проявления количества + объект (O) + обстоятельство-квантификатор;

– Предикат восприятия количества+квантификатор (P);

– Субъект-квантификатор.

Существуют различные классификации глаголов, например Н.Ю. Шведовой [5], А.И. Смирницкого. Первая семантическая классификация русских глаголов представлена в книге Кузнецовой [6], наследником которой является словарь Л.Г. Бабенко [7]. В своей работе за основу мы возьмем тематическую классификацию глаголов Е.В. Падучевой, которая предлагает «объединять слова в (лингвистически релевантные) тематические классы, а не разбивать слова на классы, как при обычных классификациях» [8].

Соотношение типов предложений в сопоставляемых языках в целом представим в виде диаграмм следующим образом (рисунок 1, рисунок 2, рисунок 3).

Рисунок 1

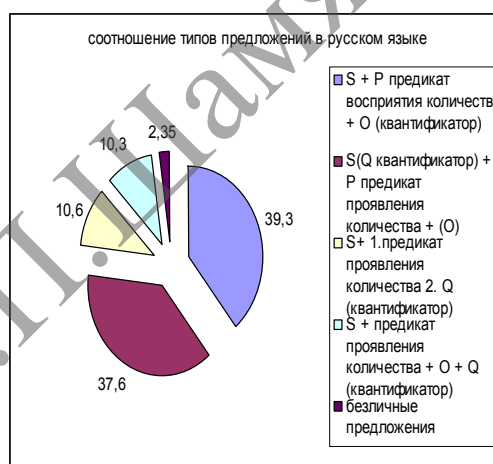

Рисунок 2

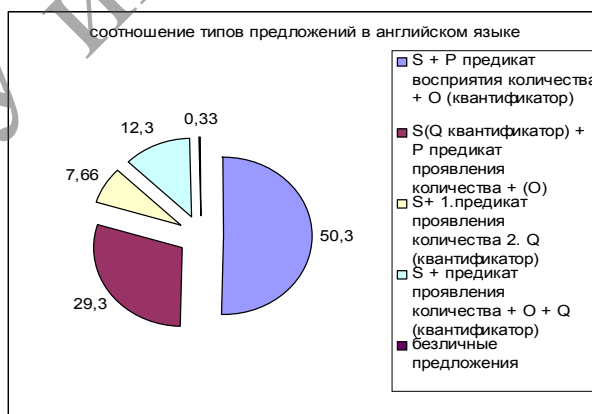

Рисунок 3

Первичной и наиболее частотной в русском языке и английском языках является модель, представляющая план восприятия неопределенно большого и малого количества, которая схематично может быть представлена следующим образом:

**Субъект (S) + предикат восприятия количества (P) +
объект-квантификатор (O)**

В английском языке данная модель предложения является самой продуктивной. 50,3% отобранных предложений имеют данную структуру предложений. Прежде всего, это связано с тем, что в английских предложениях всегда четкая, редко варьируемая структура предложения, включающая подлежащее и сказуемое. В белорусском языке данная модель, представляющая план восприятия неопределенно большого и малого количества, является второй по продуктивности. 31% выявленных примеров имеют такую модель предложения. Приведем примеры данной модели: рус. *Лев. Вы почувствуете прилив бодрости и сил. Единственное, что вас будет огорчать, так это невозможность быстро и без всяких усилий найти единственно верные решения, которые позволят вам примирить свои желания с реальными возможностями.* [Смотрите в будущее // Известия, 2007.12.24] [3]; бел. *Там крыху іншыя стасункі паміж людзьмі, напэўна такія, якія былі ў Беларусі ў стагодзьдзі 19-м. Людзі надзвычай радасныя, хоць і маюць безьліч праблем.* generation.by/news5487.html; англ. *As she passed the bed of her truck, she saw heaps of her clothes, shoes, purses, everything from her closet.* (Пройдя мимо прицепа грузовика, она увидела горы своей одежды, обуви, дамских сумочек, все из своего шкафа) [4].

Около 20% предложений в русском и белорусском языках, имеющих семантико-синтаксическую модель **Субъект (S) + предикат восприятия количества (P) + объект-квантификатор (O)** не имеют словесно обозначенного подлежащего. Подобные предложения мы относим к определенно-личным или эллиптическим. В английском языке можно выделить 5 типов эллиптических предложений: 1. предложения без словоформы в позиции подлежащего; 2. предложения без словоформ в позиции подлежащего и части сказуемого; 3. предложения без словоформы в части сказуемого (отсутствие вспомогательного глагола или глагола-связки); 4. предложения без словоформ в позиции подлежащего и сказуемого; 5. предложения без словоформы в позиции сказуемого (часто в ответах на вопросы). [9]. При отборе фактического материала в английском языке нами были выявлены единичные случаи эллиптических предложений с выражением количественных отношений. В русском и белорусском языках определенно-личные предложения легко преобразуются в двусоставные посредством введения личного местоимения, и наоборот – двусоставная конструкция перестраивается в односоставную при устранении местоимения. Приведем примеры подобных предложений в сопоставляемых языках: рус. *Стыдно и нетерпимо. Сейчас наблюдаем очередной прилив активности. Всерьез обсуждают возврат к госмонополии.* [Александр Лившиц. Спассти

патриота // Известия, 2006.11.22] [3]; бел. Сагрэла сонца ласкаю зямлю, I непагадзі – нібы не бывала, Праменьчык шчасця скураю лаўлю, Ё душы маркота доўгі час трывала. ab2tt.narod.ru/f32.htm; Хутчэй за ўсё прывязу з Бабра аскепак гербу. Гэта будзе сымбалізаваць захаваньне для будучых пакаленьняў энэргетыкі Старой Горадні. spring96.org/be/news/6954.

Наиболее продуктивной моделью в белорусском языке является **Субъект-квантификатор (S) + предикат проявления количества (P) + объект (O)**, частотность которой составляет 42,6%. В английском языке данная модель предложения часто представлена предложениями с формальным подлежащим **there**, например *There were heaps of snow, blizzards of snow, tidal waves of snow (Там были горы снега, снежные бури, периодические сильные снегопады); It gets a laugh. Is there any grain of truth to that? (Это вызывает смех. Есть ли капля правды в этом?)* [4]. Модель **S(Q квантификатор) + P предикат проявления количества + (O)** в английском языке является четвертой по продуктивности (7, 77%). Проиллюстрируем данное положение примерами в сопоставляемых языках: рус. *По стенкам каменного грота-мешка скачут лучики "лововых" фонарей.* [Хлыстун Виктор. ПЕНСИЮ В КАРАТАХ НЕ ИЗМЕРИШЬ // Труд-7, 2007.02.07]; *Может, скоро в суды пойдет уйма исков – на родных, учителей...* [Испанцам запретили пороть детей // Комсомольская правда, 2007.12.22]; [3] бел. *У мясцовых жыхароў аб камені існуе безліч паданняў.* 100.tut.by/area.php?id=31&folder=people; *Паабанал дарогі стаіць безліч машын — тут і фуры, і мікрааўтобусы, і легкавікі. Мясцовыя жыхары нясуць перакупшчыкам свой прыгожы тавар вёдрамі.* pinsk.tv/клубнічны-бонус-да-заробку; англ. *"She only has a short time left, Wade." The flood of tears flowed as he tried to comfort her. ("У нее мало времени, Вейд." Хлынул поток слез, когда он попытался ее успокоить.)* [4].

Достаточно частотной в русском, белорусском и английском языках является также модель, где выражение количества представляет собой именную часть сказуемого **Субъект (S)+ предикат проявления количества+квантификатор (P)**. Приведем примеры данных моделей: рус. *Причина – не стадо коров, не огнедышащий дракон и даже не демонстрация обманутых мужей.* [Павел САДКОВ. Московские бродилки: Пора обломать рога? // Комсомольская правда, 2007.11.06]; *Комета была всего лишь осколком сверхновой звезды, разорвавшейся 41 000 лет назад.* [Налбандян Лиана. МОНСТРЫ, КОТОРЫХ МЫ ПОТЕРЯЛИ // Труд-7, 2007.07.27] [3]; бел. *Мне здаецца, што гэта кропля новага жыцця, кропля надзея, і разам з тым кропля-усмешка, маленькая кропелька здзеквання.* forum.grodno.net/YaBB.pl?num=1176051907/1260; англ. *But there was no denying the fact that she had reveled in Austin Canfield's letters. They had been the one ray of light in those horrible months after Mama and Papa's deaths. (Нельзя отрицать тот факт, что она повеселела от писем Остина Кенфилда. Они были единственным лучиком света в те тяжелые месяцы после смерти мамы и папы.)* [4].

Четвертой по продуктивности является модель, где выражение количества имеет обстоятельственную семантику: **Субъект (S) + предикат проявления количества + объект (O) + обстоятельство-квантификатор** (в русском языке 10,3%, в белорусском языке 9%, в английском языке 12,3%). Это объясняется тем, что данная модель предложения является менее частотной и употребительной в речи носителей сопоставляемых языков. Приведем примеры: рус. *"Замороженные" с помощью сахара фрукты таинственно замерцают в лучиках свечей.* [Мадина Дарчиева. *Новогоднее застолье (1997) // «Здоровье», 1997.12.15*] [3]; бел. *На хвалі шырока тады абвешчанай "першай беларусізацыі" актыўна – прыліў за прылівам – ішлі ўсё новыя і новыя сілы ў літаратуру ва ўсходняй Беларусі.* slovo.ws/comp/bel/Others/12.html; англ. *I watched herdsmen move goats through reeking heaps of urban rubbish and recalled a dinner conversation from a few days earlier with one of Afghanistan's ministers...* (Я наблюдал за пастухами, которые перегоняли коз через зловонные горы городского мусора и вспомнил о разговоре с афганскими министрами за обедом несколькими днями ранее...) [4].

Достаточно часто выражение неопределенно большого или малого количества можно наблюдать в следующих моделях ситуаций количественного восприятия: **Предикат восприятия количества+квантификатор (P)** и **Субъект-квантификатор**. К безличным мы относим предложения, в которых выражается независимое действие безотносительно к деятелю и глагольные формы главного члена предложения на него не указывают. Тем не менее, в составе безличного предложения обычно есть члены, имеющие форму объекта, назначение которых заключается в том, чтобы указывать на то или иное лицо как фактического деятеля и часто имеют форму дательного падежа или другие падежные формы. Приведем примеры таких предложений: рус. *Это стоило мне уйму нервов. Нам, законодателям, надо больше уделять внимания тем, кто страдает от такого рода шарлатанства.* [Анна ДОБРЮХА. *Вернуть покупку будет просто! // Комсомольская правда, 2007.12.11*] [3]; бел. *У вас добры статак кароваў.* zapraudu.info/u-vas-yosc-dzve-karovy.

Таким образом, наиболее продуктивной моделью в русском и английском языках является **Субъект (S) + предикат восприятия количества (P) + объект-квантификатор (O)**, частотность в русском языке составляет 39,3%, в английском языке – 50,3%. Наиболее продуктивной моделью в белорусском языке является **Субъект-квантификатор (S) + предикат проявления количества (P) + объект (O)**, частотность которой составляет 42,6%. Менее реализованными моделями в трех сопоставляемых языках являются следующие: **Субъект (S)+ предикат проявления количества+квантификатор (P)** (в русском языке 10,6%, в белорусском языке 14,3%, в английском языке 7,66% от выявленных

текстов в каждом языке) и Субъект (S) + предикат проявления количества + объект (O) + обстоятельство-квантификатор (в русском языке 10,3%, в белорусском языке 9%, в английском языке 12,3%). Это объясняется тем, что данные модели предложений являются менее частотными и употребительными в речи носителей сопоставляемых языков.

Субъектом количественного восприятия в сопоставляемых языковых картинах мира может являться только живое существо. Даже в тех случаях, когда формально позиция субъекта не замещена, в высказывании представлены образы количества, сформировавшиеся в сознании воспринимающего. Непосредственным объектом количественного восприятия является неопределенно большое либо малое количество предметов внешнего мира. Позиция объекта в пропозиции восприятия количества представляет собой комплексное образование. Смысловую законченность предложениям с пропозицией такого типа восприятия придают квалификаторы квантификатора, представленные, в основном, конструкцией “неопределенное количество” чего-либо.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика: в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 1. – 472 с.
2. Падучева, Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 1998. – № 5. – С. 3–23.
3. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru>.
4. British National Corpus [Электронный ресурс]. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>.
5. Шведова, Н.Ю. Русский семантический словарь: в 2 т. / Н. Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2000. – Т. 2. – 674 с.
6. Кузнецова, Э. В. Лексико-семантические группы русских глаголов / Э. В. Кузнецова. – Свердловск: изд-во Урал. ун-та, 1988. – 151 с.
7. Бабенко, Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание: Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-Пресс, 1999. – 704 с.
8. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики. / Е. В. Падучева. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–50.
9. Кобрина, Н.А. Грамматика английского языка: морфология. Синтаксис: учебное пособие для студентов педагогических институтов и университетов / Н.А. Кобрина, Е.А. Корнеева, М.И. Оссовская, К.А. Гужеева. – СПб.: Лениздат; изд-во «Союз», 2001. – С. 298–299.

РЕАЛИЗАЦИЯ АККУМУЛЯТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА В ПОСЛОВИЦАХ

Общеизвестно, что наряду с основной, коммуникативной функцией, когда язык выступает в качестве средства общения, т. е. передачи информации и установления взаимодействия между людьми, он также выполняет целый ряд других функций, отражающих процессы познания окружающей действительности, обработки и хранения знаний о мире, выражения чувств, эмоций, отношения к элементам бытия.

Когнитивная функция, связанная с мышлением и вербализацией мысли, непосредственно соотносится с аккумуляцией, накоплением полученной информации. В этой функции язык является связующим звеном между поколениями, служит «хранилищем» и средством передачи внеязыкового коллективного опыта. Как известно, словарный состав языка выступает в качестве зеркала, в котором отражается историческое развитие общества во всем многообразии аспектов его существования. Это свойство языка способствует выявлению особенностей концептуализации мира данным языком.

Говоря о языковой картине мира, лингвисты предлагают различать две картины мира: научную и наивную. Научная картина отражает внешнюю деятельность в виде логизированного свода знаний, а наивная картина мира – в виде реальных представлений о мире и человеке.

Когнитивная деятельность членов языкового коллектива, их наивные представления о мире, мировоззренческие и поведенческие стереотипы отражаются в пословицах. Национальная специфика пословиц выражается в присущем каждому народу особом взгляде на действительность, в особом, исторически сложившемся восприятии мира, в характере социальных обобщений. В пословицах вычленяются и фиксируются те признаки обозначаемых ими фрагментов внеязыкового мира, которые представляются носителями данного языка наиболее характерными и значимыми. Поскольку любое общество строится на основе системы разнообразных межличностных отношений, то вполне естественно, что им уделяется значительное место во фразеологии любого языка. Важное место среди них занимают отношения внутри семьи, основанные на кровном родстве, и основа семьи – институт брака.

Являясь неотъемлемой частью культуры, одной из наиболее значимых ее ценностей, брак играет большую роль в жизни современного общества. Сущность брака противоречива, поскольку возможность обретения счастья в гармоничном союзе, с одной стороны, и трудность создания такого союза, с другой, является одной из тех тем, актуальность которых для общества сохраняется на протяжении многих веков. Союз

мужчины и женщины создается на основе различных принципов, однако цель обоих – обеспечить необходимые условия для рождения и развития будущих детей.

В пословицах брак характеризуется как феномен, в котором заложено противоречие. Этим обусловлено наличие пословиц, содержащих взаимоисключающие идеи: с одной стороны, брачный союз приносит счастье и благополучие, и является источником проблем, разочарования и страданий, с другой. Вместе с тем анализ пословиц, посвященных браку, позволяет выделить некоторую систему отношений, свойственную культурам, соотносимым с сопоставляемыми языками. В них находят отражение добрачные отношения, связанные с влюбленностью, отношения, складывающиеся в браке между мужем и женой, родителями и детьми. Целый ряд пословиц можно объединить в своеобразный кодекс удачного супружества, основанного на любви и взаимоуважении.

Любовь – неотъемлемое условие развития не только семьи, но и всего человечества. Многочисленные пословицы отражают роль и место чувства любви в жизни человека, поведение влюбленных.

It is love that makes the world go round – любовь движет миром: благодаря любви появляются дети и человеческий род не прекращает своего существования [4, 111].

All is fair in love and war – в любви, как на войне, все средства хороши [4, 22].

Где любовь – тут и бог. Нет ценности супротив любви. Ум истиною просветляется, сердце любовью согревается [2, 200].

Однако обретение счастья – нелегкий процесс, в ходе которого необходимо преодолевать различные препятствия.

The course of true love never did run smooth – счастье не ходит гладкой дорожкой [4, 44].

Счастье – не лошадь: не везет по прямой дорожке [1, 53].

He that would the daughter win, must with the mother first begin – Чтоб девицу покорить, нужно с матушкой дружить: добиться расположения матери своей возлюбленной – сделать значительный шаг на пути к женитьбе [4, 91].

Дочку сватать – за матушкой волочиться [2, 215].

До вступления в брак люди имеют о брачном союзе и о своем партнере иллюзорные представления.

Love is blind – Любовь слепа: влюбленные порой не замечают недостатков друг друга [4, 127].

Любовь ни зги не видит. В милом нет постылого, а в постылом нет милого [2, 200].

Beauty is in the eye of the beholder – красота в глазах смотрящего: красота не существует сама по себе, она живет с сознании наблюдателя [4, 29].

Любовь начинается с глаз. Глазами влюбляются. Полюбится сова лучше ясного сокола [2, 200].

Счастье в браке – случайное везение.

Marriage is a lottery – Женитьба – это лотерея. Поспешная женитьба ведет к разочарованию [4, 132].

Marry in haste, and repent at leisure – Быстрая женитьба – долгое раскаяние; будет много времени, чтобы пожалеть о сделанном второпях важном шаге [4, 132].

На резвом коне жениться не ездят [1, 282].

Женился на скорую руку да на долгую муку [1, 283].

Целый ряд пословиц демонстрирует отрицательное отношение мужчин к женитьбе, поскольку брак ограничивает их свободу.

Wedlock is a padlock – Супружество – это кандалы: попав в брачные узы, вы будто скованы кандалами, ваша свобода закрыта на замок [4, 194].

*First thrive, then wive – Сначала наживись (*thrive* – процветать, преуспевать), потом женись. Не женись, пока не соберешь достаточно средств [4, 74].*

Женитьба есть, а разженитьбы нет [2, 214].

Молодец женится, а во сне ему бредится: не платит бы попятного [2, 213].

Жениться – не лапоть надеть. Жена не лапоть: с ноги не сбросишь. Жена не гусли: поиграв, на стенку не повесишь [2, 213–214].

Муж – не башмак, с ноги не сбросишь [2, 216].

Отношения между супругами могут определяться целым рядом параметров. Одним из них выступает возрастной параметр. Разница в возрасте между мужем и женой может способствовать успешности брачных отношений.

Better be an old man's darling than a young man's slave. – Лучше быть милой у старого, чем рабой у молодого. Женщина, вышедшая замуж за старика, будет в лучшем положении, т.к. он будет баловать свою молодую жену, а молодой – требовать заботы и внимания к себе [4, 31]. Пословица отражает идею о том, что женщина является рабой молодого мужа.

За старым жить – только век должить; за малым жить – только маяться; за ровней жить – тешиться. За молодым жить весело, а за старым хорошо [2, 214].

Возрастной диссонанс может способствовать разрушению основ брачных уз.

Ненадолго старый женится. На старость жениться – не себе корысть. Видима беда, что у старого мужа жена молода [1, 283].

Пословицы отражают изменение чувств в партнерских отношениях, когда на смену сильной страсти может прийти более умеренное, но более стабильное чувство.

Love me little, love me long – Люби меня не сильно, но долго: пусть страсть не станет слишком сильной, т. к. она скоро “выгорит”, а умеренное чувство будет более долговечным [4, 127].

Любить хоть не люби, да почаще взглядывай (т. е. угождай, служи) [2, 203].

Отношения между супругами в значительной степени зависят от финансового положения семьи.

When the wolf comes at the door, love weeps out of the window – Когда волк стучится в дверь, любовь выпрыгивает в окно: «*wolf*» здесь означает бедность, если молодые женятся, не желая менять привычки, то любовь длится, пока есть деньги [4, 201].

С деньгами мил, без денег постыл [1, 54]. *Худо жить тому, у кого ничего нет в доме* [1, 63].

Естественно, что пословицы представляют роли женщины и мужчины в браке. Роль женщины часто ассоциируется с образом берегини семейного очага.

Men make houses, women make homes – мужчина строит дом, женщина его создает [4, 134].

Муж – голова, жена – душа [1, 291].

Без мужа голова не покрыта, без жены дом не крыт [1, 289].

Добрая жена дом сбережет, а плохая рукавом разнесет [1, 286].

Она заботится о супруге. *The way to a man's heart is through his stomach* – Путь к сердцу мужчины лежит через его желудок. Совет для жен: держите мужа сытым, и он всегда будет вас любить [4, 194].

Холостому помогай боже, а женатому хозяйка поможет [1, 282].

Однако не всегда мужчине отводится роль авторитетного главы семьи. *It is a sad house where the hen crows louder than the cock* – Жалок тот дом, в котором куры поют громче петуха; не может быть счастья в доме, где муж бесправен и его голос не слышен [4, 108].

Худо мужу тому, у которого жена большая в доме. Жена верховодит, так муж по соседям бродит [1, 292].

Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье [1, 286].

Тем не менее, большое количество пословиц, особенно русских, описывает незавидную судьбу замужней женщины, которая терпит унижения в семье, часто подвергается насилию.

Who is worse shod than the shoemaker's wife? – Кто хуже обут, чем жена сапожника? [4, 204].

Замуж идет – песни поет, а вышла – слезы льет [2, 216].

Не тужи, красавица, что за пьяницу попала (побьет, не воз навьет, а волюшка своя) [2, 215]. *Бей жену к обеду, а к ужину опять (без боя за стол не сядь)* [1, 291].

Как правило, семья создается для продолжения рода, а дети являются отражением своих родителей.

Жена, что лебедь-птица, вывела детей станицу [1, 289]. *Деток родить – не веток ломить* [1, 297].

The child is father of the man – Ребенок – это отец: изучая характер ребенка, можно сказать, каким отцом он станет [4, 41]

Like father, like son – Каков отец, таков и сын. Многие сыновья похожи на своих отцов не только внешне, но и по характеру, но наследуемые черты могут не всегда быть положительными [4, 122].

Валяй, дети: отец в ответе [1, 298]. *Не мы на детей походим, они на нас* [1, 299].

В семье дети должны воспитываться в строгости и подчиняться определенным правилам поведения.

Children must be heard, not seen – Дети должны быть на виду, а не на слуху. Дети должны соблюдать тишину в присутствии взрослых [4, 41].

When children stand still, they have done something ill – Если дети не шумят, значит, они напроказничали [4, 199].

Наказуй детей в юности, успокоят ты на старости [1, 298].

Детям не порча игрушка, а порча худая прислужка [1, 298].

Таким образом, наивная картина мира, созданная на протяжении веков в рамках различных культур, представляет схожую трактовку брака с его негативными и положительными аспектами:

Choose a wife on a Saturday rather than a Sunday. Женился раз, а плачешься век. Хоць кулаком б'е, але хлеб дае.

И в раю жить тошно одному. Семья воюет, а одинокий горюет. Холостой – простой, женат – богат.

Трэба дровы – будуйся, а трэба хлеб – жаніся. Хоць вох, да ўдвох. Без мужа жана ўсягда сірата.

Брак может быть счастливым при соблюдении определенных условий. Пословицы, в которых заключена эта идея, содержат специфический кодекс правил, регулирующих поведение супругов в успешном браке. К таким условиям относятся:

а) взаимная любовь участников союза: *In marriage when love is mutual, joy bubbles over onto all of life; when it is not, nothing is untouched by sadness*

Милее всего, кто любит кого. У милостивого мужа всегда жена досува.

Дзед ды баба адна рада. Удваіх добра і жабраваць пайсці;

б) снисходительное и терпимое отношение к недостаткам и ошибкам друг друга: *No one is perfect, forget each other's fault. Худ мой Устим, да лучше с ним. Худ мой мужилка, а завалюсь за него – не боюсь никого. Няхай сяк, няхай так, няхай будзе з грэчкі мак;*

в) разумное отношение к разногласиям, ссорам: *The greatest secret of successful marriage is to treat all disasters as incidents and none of the*

incidents as disasters. Оттого терплю, что больше всех люблю. Горе с тобою, беда без тебя. Разам цесна, а розна тошна.

е) взаимное уважение между супругами: *Neglect the whole world rather than each other. Доброю женою и муж честен. Жена честнее – мужу милее.*

ж) совместные усилия, направленные на достижение гармонии в браке:

It takes two to make a marriage a success and only one for failure. Семейный горшок всегда кипит. Хоць вох, да ўдвох. Што два, то не адзін.

Когнитивно-культурологический анализ пословиц, вербализующих определенный концепт, способствует исследованию особенностей менталитета языкового сообщества, позволяет выявить некоторую систему ценностей и норм в связи с определенной сферой внеязыковой действительности.

Литература

1. Даль, В.И. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х т. / В.И. Даль. – Т. 1. М.: Художественная литература, 1984. – 383 с.

2. Даль, В.И. Пословицы русского народа: сборник: в 2-х т. / В.И. Даль. Т. 2. – М.: Художественная литература, 1984. – 399 с.

3. Онлайн-словарь пословиц и поговорок [Электронный ресурс] / Пословицы и поговорки. – Режим доступа: <http://fictionbook.ru>. – Дата доступа: 14.05 2013.

4. Райдаут Р. Толковый словарь английских пословиц / Р. Райдаут, К. Уиттинг. – СПб.: Лань, 1997. – 256 с.

5. Фядосік, А.С. Прыказкі і прымаўкі / А.С. Фядосік. – Минск: Навука і тэхніка, 1976. – 287 с.

РАЗДЕЛ II

ЯЗЫК И ДИСКУРС: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. В. Архипова, В. О. Морозевич (Мозырь, Беларусь)

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СОГЛАСИЯ/НЕСОГЛАСИЯ НА ДИРЕКТИВНЫЕ РЕЧЕВЫЕ АКТЫ В ЭПИЗОДАХ РЕЧЕВОГО ОБЩЕНИЯ

В современной коммуникативной лингвистике активно обсуждаются вопросы, касающиеся функционального аспекта языковых средств. Помимо этого, особую важность приобрела проблема влияния

ситуативных факторов и социальных характеристик коммуникантов на выбор языковых средств, которые используются для достижения различных целей, возникающих в процессе коммуникации. Правильный выбор средств, соответствующий конкретному эпизоду общения, особенно важен в речевых актах согласия/несогласия, возникающих как реакция на директивные речевые акты.

Речевой акт (РА) согласия/несогласия является неотъемлемой составляющей практически любого диалогического дискурса. Возникновение согласия/несогласия обуславливается наличием инициального высказывания адресанта (A_1), который использует различные языковые средства с целью речевого воздействия на адресата (A_2). Коммуникативная цель последнего заключается в выражении положительного либо отрицательного отношения к предыдущему высказыванию.

В процессе коммуникации согласие/несогласие может быть инициировано директивными речевыми актами (ДРА), представляющими собой акты побуждения, осуществляя которые адресант пытается добиться совершения/не совершения адресатом некоторого действия. Внутри данного класса выделяются кооперативные (просьба, совет, предложение, приглашение) и некооперативные (приказ, команда, инструкция, распоряжение) акты [1, 72].

В ходе нашего исследования эпизоды общения (ЭО), содержащие реакцию согласия/несогласия на ДРА, группировались в зависимости от того, какой тип ДРА инициирует возникновение согласия/несогласия. Далее проводился анализ ЭО по следующему принципу: определялась принадлежность ЭО к одному из классов общения: закрытого ограниченного (неофициального) общения или открытого ограниченного (официального) общения при наличии двух участников. Далее, исходя из контекста, определялись цели коммуникантов, а также их социальные и психологические характеристики, влияющие на выбор тех или иных языковых средств. И, наконец, интерпретировались языковые средства выражения согласия/несогласия.

В данной работе релевантным оказывается выделение эксплицитных и имплицитных средств выражения согласия/несогласия. Под эксплицитными понимаются такие средства, в семантической структуре которых присутствует сема явного согласия/несогласия [2, 522]. Соответственно, к имплицитным средствам относятся средства невыраженного, подразумеваемого характера [2, 174]. В этом случае скрытый смысл выводится участниками общения из содержания высказывания, эпизода общения, а также общих фоновых знаний коммуникантов.

К языковым ресурсам реакции согласия/несогласия эксплицитного характера относятся лексические и синтаксические средства. Корпус лексических средств включает в себя лексемы *yes/no*, *okay*; наречия *sure*,

all right, certainly, of course, surely; прилагательные (*very*) *good, ideal, perfect, ridiculous*; ритуально-вежливые формулы *if/as you like/want/wish*.

Рассмотрим подробнее представленные способы выражения согласия/несогласия.

Лексемы *Yes/No*, как средства выражения согласия/несогласия на директивные речевые акты, могут употребляться как в качестве самостоятельных реплик, так и в сочетании с различными модификаторами. Лексема *Yes* в сингулярном употреблении наиболее частотна как реакция согласия на некооперативные речевые акты, т. е. на приказы, команды, распоряжения и т. д., поскольку в таких случаях подразумевается асимметричность социальных ролей A_1 и A_2 , где последний является исполнителем, и обсуждение требуемого действия не предполагается. Например: «*'...get the theatre ready for an emergency laporotomy.'* – *'Yes.'*» [3, 28].

Кроме того, исследование практического материала выявило многочисленные примеры употребления *Yes* в различных комбинациях, таких как, например, *Yes* + наречия *sure/all right/of course/sure*; *Yes* + анафорический повтор полнозначного глагола инициальной реплики; *Yes* + частичный повтор инициальной реплики; *Yes* + дополнительный, разъяснительный текст. Подобные конструкции характерны для эпизодов любого типа общения без ограничений, а их употребление связано со стремлением адресата выразить абсолютное согласие с оттенком заверения.

Использование двойного *Yes* свидетельствует о безусловной готовности адресата выполнить искомое действие: «*'Drive carefully,' she said to Patrick. 'I meant it. You have plenty of time.'* – *'Yes, yes,' he said*» [4, 62].

Okay также используется для выражения согласия A_2 осуществить какое-либо действие и может употребляться как самостоятельно, так и в комбинации с дополнительным текстом. Наиболее частотными являются случаи употребления *Okay* как реакцию на кооперативные ДРА, что, тем не менее, не исключает возможности употребления данного средства как реакцию на некооперативные ДРА: “*...so just go easy with Mrs Trapp, will you, even if you don't like her? ... So far she's been very good to me, and I want it to stay that way.*” – “*Okay.*” [5, 114.].

Выражением согласия может служить и лексема *No*, употребляемая в комбинации с различными усилительными и объяснительными модификаторами, в случаях, когда она следует в ответ на инициальные речевые акты с глаголом в отрицательной форме.

Лексема *No* употребляется в качестве реакции несогласия на такие речевые акты как просьба, предложение, призыв к совместному действию, совет, требование, т.е. на те речевые акты, которые не обязывают адресата к выполнению действия.

Примеры самостоятельного употребления лексемы *No* как реакции несогласия на ДРА весьма немногочисленны, поскольку отрицательный ответ, как правило, требует пояснения адресатом своей позиции. Этот факт, обуславливает функционирование данной лексемы в комбинации с различного рода модификаторами (например, формулами речевого этикета), а также пояснениями либо аргументами. Говоря о сфере употребления данной лексемы, можно отметить, что наиболее частотными являются случаи функционирования *No* в ЭО с кооперативными инициальными РА при любых значениях статусов коммуникантов. Например: “It isn’t ten yet,” said the Major. “Let’s have a drink.” – “No, thanks” [3, 196].

Употребление двойного *No* свидетельствует о категоричном несогласии адресата выполнить требуемое действие: “Well? Wouldn’t you want to know when it was all going to end for?” – “N-no. No!” [5, 31].

Частотность употребления лексем *Yes/No, Okay* составляет 16,5% от общего числа всех средств выражения согласия/несогласия на директивные речевые акты.

Наречия *sure, all right, certainly, of course, surely* выражают положительную реакцию адресата на побуждение к действию. Такие средства являются наиболее частотными в выражении согласия на ДРА. Данный факт обусловлен их стилистически нейтральным характером, что делает возможным употребление указанных языковых ресурсов практически в любом типе общения без ограничений. Типичным, согласно проанализированному материалу, является функционирование наречий *sure, all right, certainly, of course, surely* в качестве самостоятельных реплик, а также в комбинациях с различного рода модификаторами. Частотность их употребления высока, она составляет 21,8% от общего числа всех средств выражения согласия/несогласия на директивные речевые акты.

Прилагательные (*very*) *good, ideal, perfect, ridiculous* выступают, как правило, в качестве эмотивно-оценочных маркеров согласия/несогласия. В большинстве случаев данные прилагательные функционируют в качестве реакции согласия/несогласия на такие кооперативные речевые акты как предложение, приглашение, призыв к совместному действию. С их помощью адресатом выражается положительная или отрицательная оценка действия, предлагаемого адресатом. Например: “Let’s stay as long as we must at the party, then go off for a quiet dinner together.” – “Perfect. I love you” [6, 519].

Основной сферой функционирования таких эмотивно-оценочных средств являются равностатусные эпизоды неофициального типа общения. Частотность употребления прилагательных данной подгруппы в качестве реакции согласия/несогласия составляет 12,3 % от общего количества всех средств выражения согласия/несогласия на директивные речевые акты.

Такие ритуально-вежливые формулы как *If /as you like/want/wish* являются ослабленными формами выражения согласия. В эпизодах общения с помощью представленных средств A_2 акцентирует экспликацию воли A_1 , т. е. A_2 принимает любое предложение, просьбу и согласен их выполнить, если на это имеется санкция адресанта. Наиболее частотным является самостоятельное функционирование этих средств. Тем не менее, встречаются примеры употребления данных формул в сочетании с обращением, а также наречиями *of course, sure*. Например: *'Now let's have a cocktail, Doctor,' said the Colonel, rubbing his hands. He smiled at me. 'Or I'd better call you Richard, hadn't I?' – 'If you like, sir, of course'* [3, 157].

Особенностью таких формул является то, что с их помощью выражается формальное согласие, акцентируется внимание на волеизъявлении адресанта и подчеркивается, что формально адресату не важно, какое решение он примет, хотя на самом деле это не так. Функционирование таких формул характерно для ЭО, построенных по жесткой форме ритуальности и формализованной форме этикетности при любых значениях параметров статусности коммуникантов. Частотность употребления средств данной подгруппы составляет 6,3%.

В качестве общей особенности лексических средств выражения согласия/несогласия на директивные речевые акты можно отметить их неспособность называть будущее действие адресата или указывать на него.

Синтаксические средства выражения согласия/несогласия на директивные речевые акты можно разбить на несколько подгрупп. Первая подгруппа включает в себя реплики согласия/несогласия, эксплицирующие отношение адресата: *I agree – I disagree, I don't mind, I object (to it), I protest (against it)*. Например: *"That's enough," he says. – And then in a reasonable, almost pleasant voice my mother says, "I agree"* [7, 27].

Характерной особенностью реплик данной группы является обязательное наличие показателя иллокутивной силы, который может быть представлен перформативным глаголом (*agree, disagree, object, protest*), либо комбинацией с отрицанием (*I don't mind, I'm not against*). Помимо этого, реплики данной подгруппы обнаруживают свойства перформативности и строятся от лица конкретного говорящего. Еще одной характеристикой вышеупомянутых средств является возможность номинации действия. Действие может быть названо эксплицитно (*I agree to do it/ to go there*) либо имплицитно (*I disagree*).

Согласно результатам анализа практического материала средства данной подгруппы функционируют в качестве реакции согласия/несогласия на кооперативные директивные речевые акты. Частотность их употребления крайне мала – всего лишь 1,7% от общего корпуса средств выражения согласия/несогласия на ДРА. Эпизоды, в которых зафиксировано употребление реплик данной подгруппы

принадлежат, в основном, к официальному типу общения, при формализованной обстановке. Статусность коммуникантов может быть как равнозначной, так и асимметричной.

В следующую подгруппу входят реплики, основной характерной особенностью которых является отнесенность к плану будущего: *I will (do) (that) – I will not (do) (that), I'll try (to do that), I'll do my best*. Подобным высказываниям также свойственно эксплицитное указание на адресата, а также эксплицитное либо имплицитное указание на действие. Употребление реплик данной подгруппы свойственно в качестве положительной/отрицательной реакции в ответ на речевые акты просьбы, совета: *'You can write to me. You've got my address. And ring the shop if you want to leave a message.'* – *'I'll do that'* [8, 8].

Фактически вышеуказанные реплики эксплицируют обещание адресата выполнить либо не выполнять действие, требуемое адресантом. Различие наблюдается в оттенках значений, передаваемых данными выражениями. Если *I'll try (to do that)* выражает значение готовности выполнить просьбу, совет, приложить для этого некоторые усилия, то с помощью реплики *I'll do my best* адресатом выражается безусловная готовность выполнить искомое действие и приложить все возможные для этого усилия. Кроме того, возможно употребление таких реплик в комбинациях с лексемами *Yes/No*, с обращениями, а также различного рода ремарками адресата комментирующего характера: *"You'll look after Mr. Harper won't you, Tom?" – "Yes, Mrs. Philips," said Tom pleasantly? "I'll do my best"* [9, 17].

Следует отметить относительную частотность функционирования данных средств (6,3%). Сфера их употребления практически не ограничена, т. е. реплики данной подгруппы функционируют как в эпизодах официального, так и неофициального общения. Ограничения, в основном, накладываются на использования средств негативной реакции – асимметричность статусов участников общения ограничивает возможность их употребления адресатом.

Следующая подгруппа средств выражения согласия/несогласия на ДРА представлена ритуально вежливыми конструкциями *I'd like/love to – I wouldn't like to, I should like to, которые* употребляются в качестве реакции на кооперативные речевые акты.

Конструкции *I'd like/love to – I wouldn't like to* со значением согласия/несогласия употребляются в ЭО, когда адресант вносит предложение в форме вопроса адресату, при этом A_1 является доминирующим, поскольку он принимает на себя решение некоторой проблемы. В этом контексте A_2 прибегает к использованию конструкции *I'd like/love to*, во-первых, для того, чтобы выразить свое безусловное согласие, а во-вторых, для того, чтобы подчеркнуть приятный характер предложения и большое желание его осуществить. Соответственно, с помощью *I wouldn't like to* адресат выражает свое несогласие, выраженное в вежливой форме и сопровождающееся, как правило,

разъяснением: “*Why don't you come work for me? I'll pay you a fortune – you'd worth it.*” – “*I wouldn't like to ride on your back. I'll make it myself.*” [10, 9].

В эпизодах общения, содержащих в качестве реакции на ДРА конструкцию *I should like to*, инициальная реплика адресанта может представлять собой предложение, просьбу, совет, а в респонсивной реплике адресата – согласие либо несогласие принять содержание этих речевых актов в форме выражения альтернативного желания.

Согласно результатам исследования практического материала, ритуально-вежливые конструкции данной подгруппы в большинстве случаев функционируют в эпизодах официального типа общения, при любых значениях параметров статусности коммуникантов. Частотность их употребления составляет 6,1% от общего количества всех средств выражения согласия/несогласия на директивные речевые акты.

Еще одну подгруппу средств выражения согласия/несогласия на ДРА представляют реплики, выражающие согласие/несогласие через экспликацию оценки адресатом действия: *That will/would be nice/wonderful/great/ideal/terrible/awful; That's a good/not good/brilliant/bad idea*. Реплика данной подгруппы свойственно эксплицитное указание на действие (*That...*), они обладают эмотивно-оценочным характером. С помощью указанных выражений адресатом эксплицируется одобрение/неодобрение предполагаемого действия. Например: “*...you should just see the length of the clothes list! And the it's all got to be marked with nametapes. Just think of all that tedious stitching...*” – “*Why don't we use the sewing machine?*” – “*That's a brilliant idea! I never thought of that*” [8, 76].

Подобные реплики инициируются в основном речевыми актами предложения, приглашения, а также призыва к совместному действию: “*Let's go swimming!*” – “*That's a bad idea. It's too cold now...*” [5, 57].

В большинстве случаев средства данной подгруппы функционируют в эпизодах неофициального типа общения при любых значениях параметров статусности коммуникантов. Частотность их употребления составляет 6,6% от общего количества всех языковых ресурсов, используемых для выражения согласия/несогласия на директивные речевые акты.

К имплицитным средствам выражения согласия/несогласия на директивные речевые акты относятся свободно конструируемые высказывания, которые выражают согласие/несогласие ситуативно. К подобным высказываниям относятся реплики следующих типов.

1) *Реплики-оценки*, с помощью которых эксплицируется отношение адресата как к обсуждаемому действию, так и к партнеру по коммуникации. Подобные реплики могут содержать критику в отношении инициального высказывания, указание на своевременность/несвоевременность предлагаемого действия, акцент на его целесообразность либо

нецелесообразность. В подавляющем большинстве реплики-оценки возникают как реакция на кооперативные директивные речевые акты. Для некооперативных речевых актов характерны субординативные отношения между коммуникантами и официальная сфера употребления, а отношение адресата к действию нерелевантно, поэтому обсуждение требуемого действия практически исключается. Например: *'You're missing the start of your favourite television show. Let me bring you a cup of coffee in the living room and leave me to do the dishes.'* – *'Don't be ridiculous, boy,' Polly snapped. 'You should be escorting this young lady home'* [11,133].

2) *Реплики-обещания*, в которых адресат заверяет своего собеседника в выполнении либо невыполнении искомого действия: *'We're going to have a heavyweight game tonight, Greenbourne – a pond minimum. Will you join us?'* ... – *'I'll join in,' Solly said.* [12, 143].

3) *Реплики-обоснования*, представляющие собой уведомление адресанта о причинах, обстоятельствах положительной либо отрицательной реакции. Информированность партнеров по коммуникации друг о друге обуславливает возможность адресату эксплицировать только обоснование своей реакции. Например: *'... Tell you what, come to my flat with me,' he said. 'I'll read last Sunday's papers to you.'* – *Ruth gave him a wan smile, picked up his hand, and dropped it lightly in his lap. 'Married woman,' she said. 'As you well know'* [4, p. 34].

4) *Реплики-альтернативы*, с помощью которых адресат, выражая свое несогласие, выдвигает контрпредложение, совет либо рекомендацию другого, более желательного плана действий: *'The doorbell rang. 'Ignore it,' he said, and kissed her mouth. – 'I'd rather keep you in suspense'* [10, 103].

5) *Реплики-условия*, в которых адресат одобряет предложенный план действий, но при этом выдвигает некоторые условия его выполнения. В подобных случаях выражается частичное согласие: *'D'you think you could feed the dog now? I think he's awake and hungry.'* – *'I'll try, if you help me'* [5, 78].

6) *Реплики-ссылки*. С помощью подобных реплик адресат выражает свое отношение, ссылаясь на мнение третьего лица, более авторитетного с его точки зрения, нежели присутствующий собеседник. Например: *'How about a drink?'* asked Mr. Dinsdale. ... – *'Oh, yes, of course, certainly, by all means give her a drink. She must be thirsty. It'll do her good.'* – *'Mr. Broomfield doesn't believe in giving a drink after calving. Says it chills the stomach'* [13, 14].

7) *Реплики-идиомы*. С помощью реплик идиоматического характера отражается, как правило, эмоциональное состояние адресата. При этом, степень официальности общения, психологической дистанции между коммуникантами, их социальные статусы практически не влияют на выбор коммуникантом подобных реплик. То есть, реплики-идиомы в равной степени функционируют в эпизодах как официального, так и неофициального общения, как при равнозначности социальных

характеристик собеседников, так и при не равных значениях данных параметров: *'... We should like the first instalment now, Doctor, and if the rest is not forthcoming I assure you we shall have no hesitation in taking out a summons. The publicity, Doctor – most undesirable, don't you agree? Especially at the very beginning of a career. The General Medical Council take an extremely grave view' – 'Oh, go to hell!' I said. I strode from the office, slammed the door, and clattered down the stairs.'* [3, 79].

8) Реплики, эксплицирующие фактическое выполнение действия адресатом. Подобные реплики возникают в ситуациях согласия, когда необходимое действие может быть выполнено адресатом немедленно. *'Look,' she said. 'Quickly. Count the spots'– 'Seven'* [5, 11–12]. В таких случаях, с целью экономии языковых средств, согласие не выражается адресатом словесно, а вербальную реализацию получает только исполнение требуемого действия.

Итак, подводя итоги, можно сделать следующие выводы. В качестве способов выражения согласия/несогласия на директивные речевые акты выделяются эксплицитные (лексические и синтаксические), а также имплицитные средства, которые представлены свободно конструируемыми высказываниями, выражающих согласие/несогласие ситуативно. Наиболее частотными, согласно результатам анализа практического материала, являются лексические средства, не содержащие названия действия или указания на него. Как было сказано ранее, подобный факт обусловлен нейтральным характером языковых ресурсов данной группы, и, соответственно, возможностью их использования в эпизодах любого типа общения, вне зависимости от значений параметров статусности коммуникантов. Помимо этого, анализ практического материала выявил значительную представленность имплицитных средств выражения согласия/несогласия как реакции на директивные речевые акты (22,2%). Данный факт обусловлен, по нашему мнению, следующим. В эпизодах с положительной реакцией использование имплицитных средств связано со стремлением коммуникантов к экономии языковых усилий в ходе общения. В эпизодах с негативной реакцией использование скрытых способов обусловлено желанием коммуникантов сгладить негативный эффект, т. е. стремлением коммуникантов к бесконфликтному кооперированному общению.

Литература

1. Богушевич, Д.Г. Категоризация речевых актов / Д.Г. Богушевич // Диалог о диалоге. – Саранск, 1991. – С. 69–75.
2. Ахманова, О.А. Словарь лингвистических терминов. Изд. 2-е, стереотипное / О.А. Ахманова. – М.: Едиториал УРСС, 2044. – 576 с.
3. Gordon, R. Doctor at Large / R.Gordon. – London: Michael Joseph, 1955. – 208 p.

4. Gregory, Ph. The Little House / Ph.Gregory. – London: Harper Collins Publishers, 1998. – 365 p.
5. Stewart, M. Thornyhold / M.Stewart. – London: Coronet Books, 1988. – 224 p.
6. Clark, M.H. Loves Music, Loves to Dance/ M.H.Clark // While My Pretty One Sleeps. – London: Cresset Editions, 1990. – P. 259–511.
7. Berne, S.A Crime in the Neighborhood / S.A. Berne. – London: Penguin Books, 1997. – 248 p.
8. Pilcher, R. Coming Home / R.Pilcher. – London: Coronet Books, 1995. – 1016 p.
9. Plass, A. Broken Windows, Broken Hearts / A. Plass. – London: Hodder and Stoughton, 1987. – 172 p.
10. Follett, K. The Modigliani Scandal / K. Folett. – London: Pan Books, 1985. – 280 p.
11. Hannay, B. Her Playboy Challenge / B. Hannay. – London: Mills and Boon, 2003. – 185 p.
12. Follett, K. A Dangerous Fortune / K. Folett. – London: Island Books, 1993. – 570 p.
13. Harriot, J. If Only They Could Speak / J. Harriot. – London: Pan Books, 1973. – 208 p.

О. Н. Баранова (Москва, РФ)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА СВОБОДА В ОБРАЗЕ МИРА СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ ШКОЛЬНИКОВ

Данная статья посвящена описанию изменений, происходящих в языковом сознании молодых людей под воздействием ряда внешних и внутренних факторов. XXI век – это время глобальных перемен для российского общества, связанных с процессами глобализации, унификации личности и стиранием межкультурных границ. На фоне возрастания частоты межличностных и межкультурных контактов, происходит трансформация системы моральных ценностей, характеризующаяся отсутствием четких правил и принципов в поступках и мыслях людей.

Наибольший интерес представляет система морально-нравственных ценностей в сознании именно русских молодых людей, носителей русского языка и культуры. Дело в том, что в настоящее время современная молодежь подвержена сильному влиянию западной культуры, широко транслируемой посредством источников СМИ. Данное положение приводит, в свою очередь, к размытости ценностных ориентаций и стиранию исконно русской системы моральных принципов и императивов, отсутствию грамотного механизма формирования и способа воздействия на сознание и поведение личности.

Многие ученые отмечают, что базовые ценности этноса складывается в области социального целого. В нашей культуре ценности отдельного человека могут реализоваться только в социуме. В свою очередь, изменение и частичное или полное нивелирование ценностных ориентаций отражается на отношении индивида ко всем культурно и социально обусловленным феноменам, таким как референтная среда, семья, общество в целом. Искаженное понимание базовых культурных ценностей способно привести к росту девиантного поведения и социальной пассивности.

В связи с этим, на наш взгляд, представляется важным понять, как отражены в сознании молодых людей категории морально-нравственных ценностей. Ведь от того, какой ценностный фундамент будет заложен, зависит будущее состояние общества и страны.

Основной целью нашего исследования, проводимого в течение ряда лет, являлось изучение смыслового содержания слов, обозначающих морально-нравственные ценности, в сознании различных по возрасту и образованию групп русской молодежи.

В качестве **гипотезы** нашего исследования выступило положение о том, что смысловое содержание слов, обозначающих морально-нравственные ценности, в языковом сознании индивида обусловлено несколькими факторами:

- национальной культурой, которая через язык на бессознательном уровне влияет на понимание феноменов, стоящих за словом;
- содержанием информации, транслируемой через различные социальные институты;
- когнитивными способностями, в частности, уровнем развития психометрического интеллекта, обеспечивающим, поддерживающим и определяющим характер мыслительной деятельности.

Респондентами на разных этапах исследования выступили носители русского языка и русской культуры – учащиеся средней общеобразовательной школы в возрасте от 12 до 17 лет и студенты одного из московских университетов в возрасте от 18 до 22 лет (общее число – 205 человек). Выбор такого возрастного диапазона для исследования субъективных значений слов, обозначающих морально-нравственные ценности, по нашему мнению, позволяет не только выявить их содержание, но и проследить динамику значений и выявить факторы, определяющие смысловое наполнение данной лексики.

В ходе исследования все респонденты, принявшие участие в экспериментах, были разделены на три возрастные группы. В первую группу были включены учащиеся 6–9 классов (возраст от 12 до 14 лет, количество (n) = 77), во вторую – учащиеся 10 класса – студенты 1 курса университета (от 15 до 17, n = 72) и, наконец, в третью группу вошли студенты, обучающиеся на 2–4 курсах университета (18–22 года, n = 56).

Данное разделение было обусловлено тем, что, по нашему предположению, сила социального влияния в эти возрастные периоды различна. Более того, в эти возрастные периоды все когнитивные процессы качественно меняются, что связано с изменением ведущего вида деятельности (см. об этом: [1]; [2]; [3] и др.).

В каждой возрастной группе был проведен тест, выявляющий уровень психометрического интеллекта (далее ПИ) [4], что позволило выделить в этих группах подгруппы респондентов с уровнем ПИ ниже среднего, ПИ средним и ПИ выше среднего и высоким.

Далее в каждой из групп был проведен **ассоциативный эксперимент (АЭ)**, целью которого было выявление содержания субъективного значения слов, обозначающих морально-нравственные ценности.

В целом проведенный анализ позволил показать, как меняется субъективное значение исследуемых слов, а значит, и понимание феноменов, стоящих за этими словами, в сознании современных молодых людей – жителей мегаполиса, и какие факторы влияют на их смысловое содержание.

Объем данной статьи не позволяет дать подробное описание эксперимента и всех полученных результатов, поэтому в качестве примера мы представляем анализ содержания субъективного группового значения слова *свобода* в группе респондентов с высоким уровнем ПИ. Участниками данного исследования выступили учащиеся 6–9 классов (возраст от 12 до 14 лет, $n = 8$).

В качестве основных методик анализа реакций, полученных в ходе ассоциативного эксперимента, использовалась методика, предложенная А.А. Залевской [5] и М.А. Кронгаузом [6]. На первом этапе работы мы обратились к толковым словарям ([7]; [8]) для выявления конвенционального значения слова *совесть* и моделирования его семантического поля. Изучение словарных статей позволило представить семантическое поле исследуемого слова следующим образом: *воля; отсутствие стеснений и ограничений, препятствий в общественно-политической жизни и деятельности; право исповедовать любую религию (свобода совести); неприкосновенность личности, жилища, тайна переписи (свобода слова, свобода печати, свобода личности); не находиться в заключении, неволе; свобода рук; отсутствие политического и экономического гнета; государственная независимость, суверенитет; отсутствие крепостной зависимости, рабства; легкость, отсутствие затруднений; простота; непринужденность; свобода морей; личная независимость; самостоятельность; свободное время, досуг*. В качестве интегрального признака, конструирующего полученное семантическое поле, можно назвать **способность человека к самоопределению в своих действиях**.

Среди *дифференциальных* признаков нами были выделены следующие:

- социально-политическое положение человека в обществе;
- духовно-нравственный компонент;
- индивидуально-внутренний фактор.

Характеристику составляющих семантического поля слова *свобода* представим в виде таблицы (таблица 1).

Таблица 1 – Характеристика семантического поля с точки зрения дифференциальных признаков

Социально-политическое положение человека в обществе	Духовно-нравственный компонент	Индивидуально-внутренний фактор
Отсутствие стеснений и ограничений, препятствий в общественно-политической жизни и деятельности	Воля	Воля
Право исповедовать любую религию (свобода совести)	Право исповедовать любую религию (свобода совести)	Отсутствие стеснений и ограничений, препятствий в общественно-политической жизни и деятельности
Неприкосновенность личности, жилища, тайна переписи (свобода слова, свобода печати, свобода личности)	Неприкосновенность личности, жилища, тайна переписи (свобода слова, свобода печати, свобода личности)	Право исповедовать любую религию (свобода совести)
Не находиться в заключении, неволе	Отсутствие крепостной зависимости, рабства	Не находиться в заключении, неволе
Свобода рук		Легкость, отсутствие затруднений
Отсутствие политического и экономического гнета		Простота
Государственная независимость, суверенитет		Непринужденность
Свобода морей		Личная независимость
Личная независимость		Самостоятельность
		Свободное время, досуг

На следующем этапе работы исследовались материалы, полученные в ходе АЭ, причем анализ характера связи между стимулом и ассоциативными реакциями включал в себя несколько стадий, каждая из которых вела к разграничению типов и видов связи между компонентами ассоциативной пары слов [5, 138].

На заключительном этапе был проведен сравнительный анализ семантической структуры слова *совесть* и его ассоциативного поля, что

позволило выявить, насколько совпадают или разнятся индивидуальные значения исследуемого слова с конвенциональным значением, зафиксированным в словарях.

Результаты АЭ

Группа 1 (ПИ высокий)

Все ассоциативные реакции (АР), полученные в данной группе респондентов, распределились следующим образом:

- парадигматические отношения составляют 62,5% (*воля 1, право 1, птица 1, полет 1, возвышенность 1*);
- синтагматические – 0%;
- переходные – 12,5% (*вседозволенность 1*);
- тематические – 12,5% (*жизнь*).

Несформированность значения слова *свобода* наблюдается у 12,5% испытуемых, не сумевших дать каких-либо реакций на слово-стимул.

Ассоциативное поле составили следующие семы: *социально-правовое регулирование свободы человека, способность к моральному самоопределению, образ/метафора, свобода от общественно установленных норм и правил.*

Сравнение семантического и ассоциативного полей показывает, что сема *социально-правовое регулирование свободы человека* коррелирует с семой *социально-политическое положение человека в обществе (отсутствие стеснений и ограничений, препятствий в общественно-политической жизни и деятельности)*; сема *способность к моральному самоопределению* – с семой *индивидуально-внутренний фактор (воля)* (таблица 2).

Таблица 2 – Корреляция семантического и ассоциативного полей

Ассоциативное поле	Корреляция	Семантическое поле
социально-правовое регулирование свободы	←————→	социально-политическое положение человека в обществе (отсутствие стеснений и ограничений, препятствий в общественно-политической жизни и деятельности)
способность к моральному самоопределению	←————→	индивидуально-внутренний фактор (воля)

Полученные в ходе эксперимента результаты в группе с **высоким и выше среднего уровнями ПИ** показали, что преобладающим типом отношений является парадигматический, отражающий в большинстве случаев типичное для русской лингвокультуры понимание феномена *свобода*, что, по нашему мнению, свидетельствует, прежде всего,

о высокой степени регуляции интеллектуальной деятельности, об осмыслении ситуации на обобщенном уровне на основе подключения понятийного мышления. Несмотря на то, что респонденты не соотносят *свободу* с исконно русскими философскими представлениями о высшей религиозно-моральной ценности, усматривающими *свободу*, прежде всего, в Боге и в соблюдении божественных заповедей в противопоставлении мирского и духовного (Н.А. Бердяев, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.С. Хомяков и др.), значение данного слова трактуется через его предельно абстрактное образное восприятие: *жизнь, возвышенность, птица, полет*.

Такое понимание *свободы* свидетельствует о наличии устоявшихся культурных доминант, поскольку отождествление *свободы* с метафоричными образами является типичным именно для русского сознания, так как отражает особенности понимания данного явления носителями русской культуры и языка. (*Выпустить пленника, птичку на свободу, на волю, на простор* (В. Даль); *Самодержавный/ Русский гнет/ Сжимал все лучшее за горло, / Его мы кончили – / И вот/ Свобода крылья распростерла* (С. Есенин. «Поэтам Грузии»); *В Праге, куда мы заехали показать нашего сына моей матери, он играл в Стромовке, где за боскетами пленяла взгляд необыкновенно свободная даль* (В. Набоков. «Другие берега»). Как видно из приведенных примеров, респонденты в поисках ответа на вопрос, что такое *свобода*, следуют по пути, проложенному до них русскими мыслителями и писателями.

В то же время, в ряде случаев понимание *свободы* сводится к возможностям самоопределения личности в достижении поставленных целей, а также проявлениям субъектом своей воли на осознании законов развития природы и общества, которые, в свою очередь, закреплены в законодательных актах. Здесь вполне очевидно прослеживается доминирование логики и одновременно приближение к русской идее. Наиболее интересными представляются АР *воля и право*, составляющие ядро сем *социально-правовое регулирование свободы человека и способность к моральному самоопределению*, относящиеся к парадигматическому типу отношений. Примечательно, что слова *свобода* и *воля*, отражающие важнейшие культурные понятия, несмотря на схожесть значений, однако, сильно различаются в сознании носителей именно русского языка.

Само по себе слово *свобода* в русской культуре связано, с одной стороны, с принадлежностью к кругу «своих», а с другой, – с выделением себя как личности. Феномен *воля* начинает трактоваться как *свобода* не сразу, и изначально обозначает хотение, желание. *Воля* воплощает в себе национальные особенности понимания *свободы* русскими людьми и связывается с простором и широтой как необходимыми характеристиками русского образа пространства [9]. Феномен *воли* может

быть понятен только русскому человеку, в то время как *свобода* – это законное состояние гражданина, не нарушающего закона, управляющего страной [10]. Другими словами, понимание *свободы* как *воли* носит двойственный характер, и скорее противопоставляет *свободу* как законопослушность и *волю* как моральное самоопределение русских людей.

Понимание *свободы* как *права* явно свидетельствует о влиянии западных либеральных ценностей на формирование индивидуального значения исследуемого явления. Именно европейская философская традиция (Т. Гоббс, Д. Локк, Э. Фромм, М. Хайдеггер и др.) связывает *свободу* с законом, правом и жизнью человека в обществе. Примечательно, что основу социальных отношений на Западе составляет *право*, а не совесть, как всегда было у русских людей, тем самым освобождаясь от нравственного источника и становясь самодовлеющей абсолютной ценностью. Именно этот переход мы можем сейчас наблюдать в сознании молодых носителей русской культуры, анализируя содержание субъективного значения слова *свобода*.

В то же время, необходимо отметить и наличие АР, отражающих иррациональное понимание *свободы* и ее соотнесение со словом *вседозволенность*, которая трактуется как поведение человека, чувствующего себя в своих поступках свободным от всяких общественно установленных норм и правил. Такое специфичное понимание исследуемого явления может объясняться особенностями культурного развития русского общества в настоящее время, а также социальным влиянием.

Прежде всего, как уже отмечалось, русские понимают *свободу* как *волю*, которая нередко оборачивалась стихийностью, бунтом, *вседозволенностью*, бесправием и даже анархией. Социолог П. Сорокин при определении психологического состояния русского народа после дарования ему прав и свобод в результате Февральской революции написал следующее: «Раз свобода, то все дозволено» [11, 228]. Можно предполагать, что для некоторых испытуемых понимание *свободы* равнозначно отсутствию каких-либо ограничений и произволу в совершаемых действиях. Здесь же нами усматривается фактор социального влияния на формирование значения слова *свобода* и специфика отношения русских людей к закону, уважение к которому никогда не являлось национальной чертой русских людей, устанавливающих в качестве регуляторов поведения не внешние (закон), а внутренние ограничения – совесть.

В целом, подводя краткий итог анализа субъективного значения слова *свобода* в группе респондентов с высоким и выше среднего уровнями ПИ, отметим, что понимание феномена в большинстве случаев сводится к метафоричному, образному восприятию *свободы* через ее

соотнесение с *птицей, полетом, жизнью и возвышенностью*. Данный факт может свидетельствовать не просто о сильном культурном влиянии на формирование значения слова *свобода*, закрепленном в предметах искусства и литературы, которые в процессе воспитания и социализации личности формируют в сознании некое глубинное культурное ядро. Он указывает на ведущую роль понятийных структур, выступающих в качестве «формы интегральной работы интеллекта» [12, 349], которые и позволяют субъекту деятельности выстраивать детализированную умственную картину *свободы*, в которой объединена невербальная культурная информация, а также социальный и индивидуальный опыт.

В то же время, выделение реакции *воля* на слово *свобода* связано с типично русским пониманием данного феномена, берущим свое начало в историческом прошлом и сохранившимся в языковом сознании респондентов в настоящее время. В свою очередь, *AP право*, напротив, отражает тенденцию определенной части современной русского общества ориентироваться на западную систему либеральных ценностей, пропагандирующую *свободу* частной собственности и *свободу* личности в рамках законодательных актов.

Влияние социального фактора явно прослеживается в понимании *свободы* как *вседозволенности*, поскольку именно *вседозволенность* и *беспредел*, которые стали сейчас привычными, замещают традиционные моральные ценности и трактуются многими как «нормальные».

В виду всего вышесказанного, можно предположить, что на современном этапе развития общества социум формирует искаженное, иррациональное понимание *свободы* как высшей человеческой ценности, подменяя понятия и изменяя значения, либо не формирует его вовсе, что подтверждается отсутствием сформированного представления о слове *свобода* у 12,5% респондентов.

Литература

1. Выготский, Л.С. Психология развития человека / Л.С.Выготский. – М.: Смысл, Эксмо, 2004. – 136 с.
2. Пиаже, Ж. Психология интеллекта / Ж. Пиаже. – СПб: Питер, 2003. – 192 с.
3. Когнитивная психология: учебник для вузов / Под ред. В.Н. Дружинина, Д.В.Ушакова. – М.: ПЕР СЭ, 2002. – 408 с.
4. Raven, J. Raven's progressive matrices tests: their origin and contribution to society / J. Raven // Психодиагностика в социалистических странах. Психодиагностический бюллетень. I–IX. – Братислава. – 1985. – С. 27–31.
5. Залевская, А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография / А.А. Залевская. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2011. – 240 с.

6. Кронгауз, М.А. Семантика: учеб. для студентов лингв. фак. высш. учеб. Заведений / М.А. Кронгауз. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: изд-во. центр «Академия», 2005. – 352 с.

7. Большой Энциклопедический словарь. – 1997. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovo.ru/index.php> (дата обращения 28.09. 2012).

8. Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – 1991. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.slovoedia.com/10/209/980993.html> (дата обращения 28. 09. 2012).

9. Лихачев, Д. С. Русская культура / Д.С. Лихачёв. – М.: Искусство, 2000. – 440 с.

10. Шмелев, А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 496 с.

11. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543с.

12. Веккер, Л.М. Психика и реальность. Единая теория психических процессов / Л.М.Веккер. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.

В. Е. Беляева (Москва, РФ)
«АДСКАЯ КУХНЯ» РЕСТОРАНОВ ЯППИ
(на материале романа «Американский психопат»
Брета Истона Эллиса)

Роман «Американский психопат» Брета Истона Эллиса, увидевший свет в 1991 году, прочно вошел в художественное пространство современной американской культуры. Об этом свидетельствует не только весьма успешная экранизация произведения, но и массовый отклик читателей и критиков, масштабы которого легко оценить, проанализировав материал дискуссионных форумов всемирной сети.

Жанр романа традиционно определяется как психологический триллер с элементами социальной сатиры на мишурный мир яппи («молодых городских профессионалов», как называют их современные газеты и журналы). Насмешливый, обличительный авторский тон особенно явно выражен в построении «ресторанной» линии сюжета.

Рестораны и кафе, бары и клубы, где можно насытить свой желудок, играют в «Американском психопате» инструментальную роль связующего материала сюжетной линии, насыщая фабулу дополнительными возможностями, периодически выступая в роли лейтмотива нескончаемого «потребления». При этом, несмотря на всю серьезность задач, возложенных на «ресторанную» канву романа, именно здесь меткий юмор и колкая ирония Эллиса находят свое самое полное выражение.

Подобно тому, как писатели-классики наделяли пейзажные зарисовки особыми художественными функциями, автор «Американского психопата» изображает своих героев на пестром фоне заведений

общественного питания, посещение которых становится определяющим моментом повседневного существования молодого городского профессионала.

Перед походом в новый незнакомый ресторан секретарь готовит Патрика Бейтмена, как готовит помощник адвоката к предстоящей битве в суде, проводя короткий инструктаж по делу и составляя различные варианты заказа сообразно возможностям меню [1, 93]. Поход в ресторан – не насущная потребность для персонажей «Американского психопата», а работа, нелегкая задача, отнимающая время и силы. Ресторан – новый храм для потребителей, где можно приобщиться к новой религии – поглощению.

Добрую часть дня главный герой романа, Патрик Бейтмен, проводит за чтением каталога модных ресторанов Манхэттена, стараясь слово в слово запомнить рекомендации критиков, дабы потом блеснуть своей «начитанностью» перед коллегами (ибо друзей у яппи не бывает). В перерывах между чтением ресторанных рецензий Бейтмен пытается дозвониться и заказать столик в интересующем его заведении, что, конечно же, не всегда удается.

Заказ столика становится для персонажей Эллиса чем-то вроде испытания на свою значимость, на везение и принадлежность к касте «избранных», которым улыбнулась высшая удача – отужинать в популярном месте. Метрдотель – фигура почти демоническая. Это вершитель судеб яппи. На мольбу Патрика Бейтмена о свободном столике метрдотель отвечает залившимся смехом и бросает трубку. В ежедневном общении с «властителями ресторанных столиков» главный герой испытывает целую гамму чувств: от «прилива адреналина» (Ibid., 75) до «ощипления, лихорадки, опустошения» (Ibid.)¹. Такого подъема энергии ему не удастся испытать ни от убийств, совершаемых им ночью, ни от наркотиков, которыми он уже давно злоупотребляет.

Определяющим достоинством мужчины в типичном окружении яппи считается умение пробиться сквозь короткие гудки на телефонной линии и заказать столик в популярном ресторане (Ibid., 13).

Полная гротеска авторская ирония обнажает проблему современного состояния духовности в среде молодых профессионалов мегаполисов. По утверждению британского исследователя Оливера Джеймса, проблема крайнего обеднения духовности и подмены вечных ценностей сиюминутными, порожденными диктатом капиталистического рынка, приобрела общемировые масштабы [2, 50].

Брет Истон Эллис тонко уловил многие тенденции новейшего времени, одной из которых, несомненно, явился принцип подчинения содержания форме. Этот мотив пронизывает буквально весь роман «Американский психопат».

¹ Здесь и далее перевод автора статьи. – В.Б.

Форма не только превалирует над содержанием, она возведена героями романа в абсолютную степень. Под «формой» в контексте данной статьи подразумевается и обстановка ресторана, и сервировка стола, и даже название самого блюда.

В экспозиции романа любовница главного героя, Эвелин, раскладывает на блюде угощения для вечеринки. Девушка не умеет готовить, единственное, что волнует ее – красота подаваемого блюда. Поэтому доставленные из ресторана суши она сервирует в виде первых букв имени ее новой пассии и соперника Патрика Бейтмена, Тима Прайса.

Эвелин считает себя гостеприимной хозяйкой и любит устраивать фуршеты в ресторанах. Однако эту героиню заботит лишь роскошь меню, которым она сможет покорить своих гостей. Эвелин, как заведенная кукла, перечисляет своим гостям экзотические названия десертов, сама мало понимая, что стоит за этими вычурными названиями: «I have... sorbet <...> Kiwi, carambola, cherimoya, cactus fruit and oh ... what is that... <...> Oh yes, Japanese pear» [1, 16].

Этой хозяйке успешных кулинарных вечеринок грозит нервный срыв, когда она приходит к ложному выводу о том, что ее рождественский обед не удался именно «из-за вальдорфского салата», который, как ей кажется, не понравился гостям. Патрик Бейтмен пытается отвлечь ее от черных мыслей, увлекая ее за собой долой от застолья, но все, о чем могут говорить любовники-яппи – достоинства и недостатки сервировки стола. Эвелин со всей страстью признается Патрику: «The only thing I really worried about was that [Waldorf salad] and the chestnut stuffing» (Ibid., 194).

Поклонение форме отражается не только в сервировке стола, но и в преклонении перед идеальными формами тела. Причем идеал диктуется обложками гляцевых журналов моды и стиля, где, как известно, фотографии подвергаются не только художественной обработке, но где происходит качественное изменение изображения для достижения нужного рекламодателю эффекта.

Глянцевые иллюстрации творят запоминающийся и навязчивый образ, создают прецедент уважения и восхищения, постулируют новую норму, к которой стремятся яппи. Эта норма превозносит форму, внешнее обрамление, оттесняя сущность вещи, ее «вкус», на второй план.

Принесенные официантом закуски «созерцаются», на них как будто молятся (Ibid., 47). Примечательно, что у Эллиса всегда описывается форма поданного блюда, его вид, но не вкус. Вкуса молодые клерки не чувствуют, это им недоступно. Они лишь могут восторженно разглядывать искусно сервированное блюдо, боясь нарушить «замысел» шеф-повара. Сцена преклонения перед копченым лососем отражает внутреннее состояние главного героя. Созерцая в буквальном смысле художественное полотно блюда, – «a yellow hexagon, strips of smoked salmon circling it, squiggles of pea-green tomatillo sauce artfully surrounding the dish», – Патрик

Бейтмен словно видит изнанку ресторанных декораций: «They [the crowd] seem hostile, drunk on complimentary Bellinis, tired of waiting hours for shitty tables near the open kitchen even though they had reservations» (Ibid.).

Рестораны заменили для яппи визиты в картинную галерею, музей, церковь, наконец. Когда приятель главного героя Паттен замечает, что ему принесли неверный заказ, коллега Макдермотт дает ему отповедь: «You don't come here for the food anyway» (Ibid.).

Каков же тогда смысл ежевечернего пребывания в таких заведениях? – Это своего рода современная «ярмарка тщеславия». В рестораны яппи из «Американского психопата» приходят показать себя. И, что, пожалуй, является самым главным и трагичным – напомнить о своем существовании. Интересно, что в течение всего романа героя Патрика Бейтмена постоянно окликают другими именами. Да и он частенько путает имена своих коллег и их подруг. Он затерялся в безликой конформистской массе яппи, молодых менеджеров и банкиров, которые утратили свое «я» в погоне за «соответствием» растиражированному образу успешного делового человека.

Идеалом эпохи потребительства стал брокер с Уолл-Стрит: холеный спортсмен, выглядящий на «миллион», с легкостью успевающий зарабатывать деньги на бирже, проматывая целые состояния в ночных клубах, барах и ресторанах. Герои Эллиса, возведя имидж успеха и достатка в абсолют, не жалеют средств для ухода за своей внешностью и здоровьем. Однако весьма извращенным способом: манхэттенские клерки демонстративно отказываются есть «нездоровую пищу» – жареные баклажаны, например, однако не могут прожить и ночи без дозы кокаина, который всегда можно купить у дилера в дорогом клубе. Культ красивого тела в среде яппи вытеснил заботу о душевной красоте, о духовном здоровье. Патрик Бейтмен не раз жалуется на то, что его беспокоит «the sodium level in the soy sauce» (Ibid., 12). На завтрак американский психопат ест только «здоровую пищу»: плод киви, японскую грушу, овсяные хлопья с отрубями и зародышем пшеницы в соевом молоке, маффин с отрубями и чай с пониженным содержанием кофеина (Ibid.).

Героям «Американского психопата» важны красивые и броские отзывы ресторанных критиков, им требуется, чтобы ресторан похвалили в «серьезном» журнале. Патрик Бейтмен и его коллеги постоянно сверяют свои «вкусы» с глянцевым ресторанным гидом «Загат». Рекламный журнал становится, таким образом, настольной книгой молодого бизнесмена и законодателем мнений, а ресторанные критики – могущественными божествами, способными одним лишь эпитетом возвести ресторан в ранг «лучших из лучших» или низвергнуть его в пучину забвения.

Абсурдная ситуация слепого повиновения голосу рекламы и силе узнаваемой обертки часто предоставляет Эллису возможность снять нарастающее психологическое напряжение в романе за счет так

называемой «комической разрядки» (*comic relief*). Герои романа, например, комично путают названия блюд: «тунец капучино» вместо «тунец карпаччо» [1, 18].

Эпизод романа, в котором Патрик Бейтмен преподносит своей любовнице экстравагантный десерт – дезодорирующий шарик из общественного туалета, облитый шоколадом, – обыгрывается Эллисом в духе «черной» комедии. Эвелин покорно разгрызает и проглатывает фальшивое шоколадное лакомство, корчась от отвращения, и боясь признаться в том, что ей может быть противна конфета от фирмы с мировым именем (*Ibid.*, 337).

Имя фирмы, другими словами, «бренд» – вот икона на алтаре яппи. Их жизнь – поклонение деньгам, их боги – материализм и потребительство.

В 1991 году Брет Истон Эллис уловил тенденции времени и воплотил их в художественном произведении, а в 2007 году социальный психолог Оливер Джеймс посвятил книгу анализу современного состояния западной цивилизации. Словно вторя Эллису, Оливер Джеймс указывает на такие отличительные особенности «глобальной болезни» яппи, как: тотальная деперсонализация, эмоциональное отстранение от происходящего вокруг [2, 9]; ориентация собственных действий на одобрение значимой группы лиц; сверхпотребление товаров и услуг с целью избежать все нарастающей депрессии; распад семейных связей; перемещение внимания с личности на объекты и символы статуса и проч. (*Ibid.*). Все эти симптомы имеются в наличии у героев «Американского психопата».

Стиль жизни яппи, описание которого является одной из задач романа, отражен также и в «говорящих» названиях ресторанов и клубов, куда мечтают попасть и не всегда попадают молодые дельцы, клерки стекляннно-монолитных многоэтажных банков и аудиторских фирм.

Особенно явно раскрывается суть мироощущения поколения яппи в таких названиях клубов и ресторанов, как «Тоннель», «Цирк», «Чернобыль», «Бар Зевса», «Сырое пространство», «Жираф в юбке». Ресторан, в который практически невозможно попасть и заказать столик, но, который, однако, является пределом мечтаний главного героя, называется «Дорсия». Возможно, от латинского *dorsum* – ‘внешний’, ‘верхний’. Этот ресторан – символ и внешнего лоска и чувства превосходства над всеми. Заказать столик в этом ресторане сродни мечте.

Однако некоторым названиям ресторанов присуща и более глубокая, даже трагическая символика. Весь день Патрик Бейтмен спешит и никак не может попасть в ресторан «У Губерта». Трактовка этого названия позволяет исследователю на уровне символов постичь суть трагедии американского психопата.

Еще со времен Средневековья Святой Губерт известен как покровитель охотников. А Патрик Бейтмен – несомненно, охотник, скорее

даже, хищник. Также Святой Губерт, по преданию, излечивал от бешенства животных и людей. К нему возносили свои молитвы отчаявшиеся страдальцы. Главный герой жаждет именно этого «излечения», избавления от душевных страданий, но не находит спасения на страницах романа. По воспоминаниям самого Патрика, «Lunch at Hubert's becomes a permanent hallucination in which I find myself dreaming while still awake» [1, 86].

Гротеск и одновременно с ним лукавая поэзия сквозят в названиях блюд, красующихся в меню модных ресторанов Манхэттена. В подобной поэзии питания сокрыта опасная эклектика вкусов.

Избалованные посетители требуют все большего разнообразия предложений, которое, в свою очередь, заставляют клиентов поверить, что пища, приготовленная по эксклюзивному рецепту из экзотических ингредиентов, обеспечит им практически сакральный опыт бытия.

Экстравагантные заказы героев и названия блюд в «Американском психопате» представляют собой оригинальные лингвистические окказионализмы, в основе которых лежит прежде всего принцип сочетания несочетаемого – оксиморон. Так, в ресторанах, которые предпочитают яппи, подают «сашими» с козым сыром, морского черта и кальмара, фаршированных красной икрой, салат из папоротника и манго, копченую утку с эндивием и кленовым сиропом [1, 40]. Весьма популярными оказываются равиоли с икрой редкой рыбы (Ibid., 77), а также пицца с морепродуктами и фиалками (Ibid.). Фиалками могут украсить не только пиццу, но и ската, а рыбу часто подают с тюльпанами и корицей (Ibid., 263).

Кулинарное изобилие требует все новых экспериментов с вкусовыми ощущениями. Поэтому герои Эллиса идут в новый индийско-калифорнийский ресторан, который представляет своим клиентам шедевры «пост-калифорнийской» кухни [1, 94]. Звучит весьма похоже на «пост-апокалиптическую».

Вся эта вычурная пища («шутливое, но вместе с тем загадочное лакомство» (Ibid.)), как оказывается, не насыщает и не способствует расслаблению и душевной беседе. Заклятые «коллеги» в течение ужина или обеда беспрестанно сквернословят, сплетничают и завидуют друг другу.

В застольных беседах яппи проявляется неприкрытый национализм, ненависть к любому другому месту на земном шаре, если это не Манхэттен. Все народности попадают под горячую руку этих новоявленных «сильных мира сего». Популярный в среде яппи коктейль «Беллини» получает прозвище «Eurotrash» (Ibid., 41). Порицание встречает и еврейская кухня с оладьями латкес (Ibid., 37) и итальянская пицца (Ibid., 45), над которой смеются, но все втайне хотят заказать, чтобы, наконец, наесться всласть.

Мир яппи – это мир лицемерия и иллюзий. В контрасте с ним выступает изображение реальности улиц Манхэттена. Мотив голодного нищего, который настойчиво просит «денег или еды», буквально пронизывает канву романа. Коллеги «американского психопата» издеваются и потешаются над своими неудачливыми соотечественниками, упрекая их в нежелании работать.

В конце концов, Патрик Бейтмен зверски расправляется с одним из досаждающих ему бездомных. И он убивает не только потому, что жаждет крови. Вопрос о мотивах убийства нищего имеет непосредственное отношение к теме «адской кухни» яппи.

Конечно, Патрик Бейтмен – олицетворение inferнального изувера под личиной холеного управленца с Уолл-Стрит. (История Доктора Джекила и Мистера Хайда никогда не потеряет своей актуальности.) Американский психопат чувствует свою безнаказанность и неуязвимость, которую придает ему финансовая мощь.

Однако его ненависть к нищим, к людям низшего для него порядка, проистекает, прежде всего, из ненависти к самому себе, чувства собственного ничтожества и давления незаслуженно полученных богатств. Есть еще и острое ощущение собственной вины (которую отказывается принимать сознание) за то, что происходит в мире нищеты (и не только на Нью-Йоркских улицах, но и повсеместно). Брет Истон Эллис размышляет над проблемой губительного дисбаланса богатства и ресурсов, отражением которого стало сердце финансовой столицы мира 80-х и 90-х годов XX века – Манхэттен. Пока яппи буквально «жрут», прислуживающие им люди голодают. Так, Патрик Бейтмен вспоминает, как его горничная однажды вытащила из мусорного бака кусок оставленного им хлеба, потому что «была голодна» [1, 213].

Если простому человеку нужна пища для того, чтобы выжить, то кулинарное пресыщение на грани безумия доводит и без того нестабильную психику главного героя до очередного рецидива – убив свою очередную жертву, он пытается ее приготовить у себя на кухне [1, 343].

Квартира, в которой Патрик Бейтмен, прячет трупы убитых и замученных им людей, неслучайно находится в небезызвестном районе Манхэттена под названием Хеллз Китчен – дословно: «Адова кухня».

Принесение человека в жертву кухне может звучать гротескно и быть свидетельством полнейшего морального разложения главного героя, однако оно сродни трагикомическому эпизоду, происходящему с главным героем в летнем доме его друзей в Хэмптонсе, когда он пробует есть песок на пляже, а затем пытается съесть медузу. Пресыщенный новомодной эклектикой, извращенный все новыми изысками вкус ищет новых ощущений и не получает их. В одной из финальных ресторанных сцен романа Бейтмен жалуется, что в ресторане на вкус все «как штукатурка» [1, 364].

И именно в ресторане Патрик Бейтмен приходит к выводу, что его жизнь, как и жизнь его коллег, не отвечает на вопрос: «Почему?», то есть не имеет смысла. Равно как и не имеется выхода из ресторана, в котором проходят дни и вечера пока еще молодых яппи. Роман заканчивается двусмысленной фразой: «This is not an exit» [1, 399], трактовать которую можно по-разному. Кто-то увидит в этом утверждении потенциал «взросления» героя – как это случается в романе «Заводной апельсин» Энтони Берджесса. Другие, возможно, вспомнят трагическую кончину Нейтана из романа Уильяма Стайрона «Выбор Софи».

Литература

1. Ellis, Bret Easton. American Psycho / Bret Easton Ellis. – New York: Vintage Contemporaries Open-Market Edition, 2006. – 438 p.
2. James, Oliver. Affluenza / Oliver James. – Reading: Vermilion, 2007. – 382 p.

А. Ю. Друцэ (Москва, РФ)

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ УКЛОНЕНИЯ ОТ ОТВЕТА В СОВРЕМЕННОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

На современном этапе развития лингвистики становится возможным и, безусловно, необходимым дать начало основательной теоретической разработке стратегий и отдельных тактик языковой личности, реализуемых ею в процессе создания дискурса. Задачей данного исследования является характеристика дискурсивной стратегии уклонения от прямого ответа.

Коммуникативная стратегия представляет собой сложную систему планирования речевого акта для успешной реализации коммуникативной цели. В русле когнитивного подхода О.С. Иссерс понимает под коммуникативной стратегией «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей», который «включает в себя планирование процесса речевой коммуникации в зависимости от конкретных условий общения и личностей коммуникантов, а также реализацию этого плана» [1, 54]. То есть стратегии и тактики речевого поведения непосредственно связаны с основными этапами речевой деятельности – планированием и контролем, из чего следует, то, что стратегия представляет собой «когнитивный план общения, посредством которого контролируется оптимальное решение коммуникативных задач говорящего в условиях недостатка информации о действиях партнёра» [1, 100].

В психолингвистике стратегия рассматривается как «способ организации речевого поведения в соответствии с замыслом, интенцией

коммуниканта» [2, 85]. В более широком смысле под коммуникативной стратегией подразумевается сверхзадача речи, диктуемая практическими целями говорящего [2]. Как правило, стратегию определяет макроинтенция одного (или всех) участника диалога, обусловленная социальными и психологическими факторами. Стратегия связана с выработкой основ диалогического сотрудничества: выбор тональности общения, выбор языкового способа представления реального положения дел. Выработка стратегии осуществляется всегда под влиянием требований стилистической нормы.

Использование тактики уклонения от ответа – это характерный метод регулирования речевой деятельности в дипломатической сфере. Удачное использование данной тактики приводит к достижению коммуникативной цели дипломата, выбор же неподходящего метода ухода от ответа может повлечь нежелательное акцентирование внимания интервьюера и аудитории на уклончивости ответа. Данная тактика может быть как спонтанной, так и заранее спланированной, что может быть обусловлено первоначальной осведомленностью общественного деятеля о том, какие вопросы он в силу определенных причин и обстоятельств хотел бы обойти. В качестве иллюстрации использования тактики уклонения от ответа мы представим отрывки из интервью нескольких дипломатических деятелей.

Достаточно интересно интервью с Майклом Макфолом, который является послом США в Российской Федерации. Следует отметить, что Макфол представляет собой неоднозначную дипломатическую фигуру и ряд его комментариев не раз подвергался критике Министерством иностранных дел России. Среди таких высказываний, например: *«Эта необузданная Россия уничтожила западные состояния, помешав инвестициям под предлогом соблюдения природоохранных мер для западных нефтяных компаний, путём исключения иностранных участников в разработке газового месторождения Штокман и отказав во въезде в страну крупнейшему инвестору г-ну Броудеру»*. В официальном документе МИД РФ назвал высказывания Макфола непрофессиональными и выходящими за грань дипломатической этики.

Приведём пример интервью Владимира Познера с Макфолом [3]. Первоначальный вопрос Владимира Познера звучал так:

В. ПОЗНЕР: Вы всего лишь второй посол, не карьерный дипломат, посол США. За всю историю отношений только второй. И вы даже сами сказали, что "я случайный посол". Поэтому я надеюсь, что мы с вами можем говорить не дипломатическим языком и, я надеюсь, не профессорским, а просто обыкновенным, прямым языком. Смотрите. На второй день вашего приезда вы встретились с представителями так называемой несистемной оппозиции. Это ваше право, нет вопроса. Но вы

же не могли не понимать, что это вызовет определенную реакцию и, более того, это будет понято как некий сигнал. Если это так, то что за сигнал? И если вы понимали, что это, конечно, вызовет реакцию, не правильно ли было бы встретиться с ними через 2–3 недели? Потому что вы приехали, чтобы снизить уровень накала, а это, наоборот, его повышает. Объясните мне.

После того как ответ на заданный вопрос не был получен, он был сформулирован по-другому, таким образом интервьюер дал понять, что обойти ответ не удастся.

В. ПОЗНЕР: Я ничего не забываю, я просто хочу уточнить насчет выбора времени. Смотрите, когда президент приезжает на 2 дня или на 3 дня, у него только и есть 3 дня. Или господин Бернс приехал на 2 дня, так у него есть. Вы-то приехали не на 2 дня, согласитесь. Вот если бы Бернс не приехал, вы бы в качестве второго своего дня назначили встречу с этой оппозицией или подождали бы немножко? То есть можно ли сказать, что эта встреча с оппозицией в данном случае произошла, потому что Бернс с ними встречался? А если бы не Бернс, то вы бы повременили, понимая, что все-таки это, наверное, вызовет какой-то... Или я ошибаюсь?

М. МАКФОЛ: "Если бы" – очень страшный вопрос, и поэтому я не хочу отвечать. Но очень важно понимать, что, если бы я не сопровождал замгоссекретаря на его встрече с оппозицией, это было бы нарушением протокола. Посол Кисляк в США всегда сопровождает высокопоставленных российских представителей.

В. ПОЗНЕР: Это нет вопроса, это понятно, что вы должны, конечно же, сопровождать заместителя госсекретаря.

М. МАКФОЛ: Иначе это тоже был бы скандал.

В. ПОЗНЕР: Американский.

М. МАКФОЛ: И, может быть, здесь тоже. Не надо говорить, что все русские одинаково относятся к этому вопросу. Я слышал много критики по поводу этой встречи от одних русских и слышал немало одобрения того, что мы продолжаем свою политику и не играем в эти игры.

В. ПОЗНЕР: Я же говорю о реакции официальной, вы понимаете, да?

М. МАКФОЛ: Я хочу сказать еще одну вещь, поскольку людям в России нужно понимать, что, когда ваши представители приезжают в мою страну, они встречаются с оппозицией. И это не стало главной темой новостей, когда 6 месяцев назад господин Rogozin встречался с двумя наиболее критически настроенными к моему президенту сенаторами. И когда мистер Киссинджер, член Республиканской,

оппозиционной, партии, встречался с вашим премьер-министром, никто не кричал об этом в новостях в Америке. Я поражен, я не понимаю этого, честное слово.

В. ПОЗНЕР: Господин посол, я еще раз хочу, чтобы вы поняли смысл моего вопроса. Если бы вы встречались с ними не сразу, я думаю, что вообще никакого бы шума не было, потому что, действительно, американские послы встречаются с оппозицией. Но то, что это был чуть ли не первый ваш шаг (по крайней мере, так он был интерпретирован), вот это вызвало ту реакцию, о которой я говорю. Только это.

М. МАКФОЛ: Но у меня к вам вопрос. Почему начался такой шум? Ведь половина из тех, с кем мы встречались, это только что избранные в ваш парламент люди.

В. ПОЗНЕР: Я полагаю, что этот вопрос вы должны задавать им, а не мне. Я за них не отвечаю.

М. МАКФОЛ: Есть такой Леонтьев, да? Он работает здесь, мы будем с ним разговаривать.

В. ПОЗНЕР: Пожалуйста, вот ему и задавайте вопросы.

Во втором ответе на вопрос Майкл Макфол заявил прямым текстом, что не хотел бы отвечать на данный вопрос, но тем не менее, он прокомментировал ситуацию. В тактике уклонения посла США ярко выраженной чертой является сравнение своих действий и действий российских дипломатов в США. Таким образом, Макфол старается рассредоточить внимание аудитории и объяснить свою позицию общепринятыми нормами во всех странах. Следующим этапом беседы стал вновь заданный вопрос, ответ на который так и не был получен. В последующем ответе дипломат задает встречный вопрос и далее переходит на личности, указывающие на человека, которому может быть его вопрос переадресован. В данной ситуации, использование смешанной тактики уклонения и ухода от темы «всеми возможными путями» не привело к успешному исходу коммуникации. Вопрос был задан разными способами, несколько раз, и все тактики уклонения привели разве что к нежелательному вниманию журналиста к уходу от ответа.

Следствием неудачного выбора стратегии ухода от ответа может стать не только повышенное внимание интервьюера к проблематике вопроса, но и общественный резонанс. Такая ситуация сложилась вокруг министра обороны Грузии – Ираклия Аласании. В 2008 году в одном из изданий появилась статья под заголовком «Постпред Грузии при ООН не смог ответить на вопрос, кто начал войну в Осетии». Аннотация к статье звучала так [4]: *«Постоянный представитель Грузии при ООН Ираклия Аласания так и не ответил на заданный несколько раз в течение пресс-конференции прямой вопрос о том, кто же начал боевые действия в Южной Осетии в ночь с 7 на 8 августа, дав, таким образом, повод*

западным журналистам говорить об отказе Тбилиси от прежних категорических заявлений о том, что первыми начали наступление российские войска».

Во время конференции в штаб-квартире ООН грузинскому дипломату шесть раз был задан один и тот же вопрос: «Чи войска начали атаку первыми?»

Итогом сложившейся ситуации явилась неоднозначная реакция западной прессы, и напряженная атмосфера приобрела еще более нежелательную «двуликость». Следует также отметить, что данной заметке предшествовала статья в NY Times, в которой сообщается, что наблюдатели ОБСЕ выразили сомнения относительно утверждений Грузии о том, что действия Тбилиси в Южной Осетии были оборонительными. Из чего следует, что неудачно выбранная тактика уклонения в последующем интервью поставила дипломата и позицию Грузии в невыгодное положение, так как вызвала недоумение и обратила на себя внимание СМИ, политического содружества и общества в целом.

Похожая ситуация сложилась вокруг бывшего госсекретаря США Хилари Клинтон, которая в марте 2010 года на вопрос о том, какие ограничения по противоракетной обороне накладывает на Вашингтон новый договор о сокращении стратегических наступательных вооружений (СНВ), ответила: *«Подписанный договор крайне важен для сторон... Мы верим, что Россия и США, будучи самыми мощными ядерными державами, ответственны за соблюдение режима нераспространения».* Реакция СМИ не заставила себя ждать, статья с заголовком: «Клинтон не ответила на вопрос по ПРО в договоре о СНВ» вышла на следующий день после интервью [5]. Такой же случай произошел, когда на вопрос о возможном участии в президентских выборах Хилари Клинтон ответила: *«И меня, и президента волнует, что будет с нашей страной. Не думаю, что мы можем предвидеть, что будет завтра, что в следующем году».* Ответ бывшего госсекретаря цитировался во многих печатных изданиях, с указанием на уход от темы и также ссылкой на слова Хилари Клинтон о том, что она «все еще является госсекретарем» и что она «вне политики».

Новым и интересным этапом в развитии не только общества, технологий, но также дипломатии и политики можно считать появление социальных сетей, живых журналов, различных форумов. По мнению уже упомянутого выше посла США Майкла Макфола: *«Десятилетиями Госдепартамент практикует то, что мы называем публичной дипломатией. У нас есть сотрудники, которые этим занимаются посредством традиционных СМИ, и все это очень важно. Однако, живя в 21 веке, мы должны использовать и новые платформы, такие, как*

Фейсбук и Твиттер, потому что именно там люди получают новости и общаются».

Данная тенденция может ознаменовать новое веяние в дипломатии и способствовать возникновению стратегий и тактик, не только в искусстве уклонения от ответа, но и в широком спектре коммуникации, которая в век высоких технологий вышла на новый уровень развития.

Литература

1. Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С.Иссерс. – 1999.
2. Борисова, И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге / И.Н. Борисова // Русская разговорная речь как явление городской культуры / под ред. Т.В. Матвеевой. – Екатеринбург: АРГО, 1996. – С. 21–48.
3. Интервью Владимира Познера с Майклом Макфолом. <http://www.1tv.ru/prj/pozner/vypusk/13482>.
4. Газета Сегодня.ua, статья: «Постпред Грузии при ООН не смог ответить на вопрос, кто начал войну в Осетии. 18 ноября 2008 г.
5. Интервью Владимира Познера с Хилари Клинтон: <http://vladimirpozner.ru/?p=2910>

І. М. Мацвеенка (Мазыр, Беларусь)

ІНДЫВІДУАЛЬНА-АЎТАРСКІЯ ЭПІТЭТЫ

Эпітэт (слова або словазлучэнне, якія вылучаюцца мастацкасцю, вобразнасцю [1, 175]), выступае адным з пашыраных вобразных сродкаў у паэтычным маўленні, які дапамагае дакладна ахарактарызаваць жыццёвую з'яву, прадмет, чалавека, робіць вобраз праз акрэсленне істотнай рысы або прыметы яркім, запамінальным, выклікае пэўныя эмацыянальныя адносіны, дае магчымасць успрымаць аўтарскае бачанне рэчаіснасці. Выражаны індывідуальна-аўтарскім неалагізмам, эпітэт становіцца сродкам дэталізацыі, тыпізацыі або ацэнкі вобраза, напрыклад, *бескалосае жыта, бруднапёрыя птушкі, кароткапёрыя вераб'і, лодкаходныя рэкі, легкаходныя лодкі, нерухома-нахабна-цынічная чарга: Маладое жыта бескалосае май сугрэўна дыбіць на палях* (М. Мятліцкі); *У клааку ракі бруднапёрыя падаюць птушкі, І бягуць неахвотна па мёртвай паверхні кругі* (С. Адамовіч); *Адавалі мне продкі – Не на дзень, а на векі, – Легкаходныя лодкі, Лодкаходныя рэкі* (К. Камейша); *Гітарыст уступаў эскалатар чарзе, Нерухома-нахабна-цынічнай* (В. Аколава).

Згодна з класіфікацыяй Н. Гаўрош [2], якая вылучае сем груп эпітэтаў паводле іх сувязі з азначаемым словам, мы разгледзім паасобку індывідуальна-аўтарскія метафарычныя, і неметафарычныя эпітэты.

У ролі *метафарычнага эпітэта* – вобразнага азначэння, якое пераносіць на адзін прадмет якасці іншага на аснове іх унутранага або знешняга падабенства, сумежнасці – могуць ужывацца індывідуальна-аўтарскія прыметнікі, дзеепрыметнікі, прыслоўі.

Так, са значэннем параўнання ўжываюцца прыметнікі з суфіксамі *-лів, -іст/-ыст*, напрыклад, *бадзяжлівы вецер, дажджыстыя абломкі, далмаціністы асфальт*: *Неба зоркаю ранней прывеціць, і яна будзе доўга сачыць, як бадзяжлівы восеньскі вецер свішча ў полі глухім уначы* (Р. Баравікова); *Таго не ведаюць аблокі самі, Ці ападуць дажджыстымі абломкамі, Ці праплывуць рагатымі ласямі* (Р. Барадулін); *Лістабой і снегапад. Пад заваяў хіт-парад Далмаціністы асфальт Крокам мераць буду* (А. Камінская).

На аснове супастаўлення аднаго прадмета або з’явы з іншым утвараюцца складаныя прыметнікі, своеасаблівае граматычнае выражэння якіх забяспечвае багаты сэнс, арыгінальную азначнасць. Напрыклад, у словазлучэнні *кальчужна-каляныя робы* прыметай параўнання з’яўляецца адна з якасцей кальчугі: зробленая з металічных кольцаў, яна абмяжоўвае, скоўвае рух. Гэтая прымета, якая падтрымліваецца другой часткай прыметніка *каляны* ‘цвёрды, нягнуткі’, распаўсюджваецца на аб’ект метафары – робу: *...як багі, У робах кальчужна-каляных Паважна сядзяць рыбакі* (В. Лужкоўскі).

У аказіянальных прыметніках-кампзітах метафарызуецца частка першай частка, напрыклад, *беласнежна-белы* ‘белы, як снег’, *ватна-белы* ‘белы, як вата’, *вогненна-барвовы* ‘барвовы, як агонь’, *вогнехвосты* ‘з хвастом, падобным на агонь’, *медналістны* ‘з лістамі колеру медзі’, *срабрыста-белы* ‘белы, як срэбра’: *Ватна-белыя аблокі растварыліся ў блакіце* (І. Хадарэнка); *Дзве беласнежна-белыя Бярозы Аблашчаны Святлом тваіх вачэй* (А. Пісарык); *Вазьму камандзіроўку ў лістапад, У вогненна-барвовы, залацісты..* (Г. Дашкевіч); *Тут як тут – прыйшла лісіца, Вогнехвостая хітрыца...* (Р. Барадулін); *Шуміць над ганкам медналісты клён* (К. Кірэнка); *І вось прыйшла жаданая часіна – Зямлю пакрыў срабрыста-белы снег* (М. Чырык).

Метафарычным можа быць другі кампанент складанага прыметніка (напрыклад, *белазорны* ‘які мае белы, блішчасты, як зоркі, колер’, *зіхотна-залаты* ‘які блішчыць, напоўнены яркім як золата ззяннем’): *Спраўляюць баляванне чысцюткія нябёсы Вясёлкамі, маланкамі, дажджом ці градам І сцелюць на палі густыя туманы, Хаваюць далеч белазорным снегападам* (А. Багамолава); *Кляновым лісцем дол замецены Гарыць, зіхотна-залаты* (М. Мятліцкі); або ўсё слова (напрыклад, *вогненнапёрая* ‘якая па форме нагадвае вогненнае пяро’, *срэбналістная* ‘якая нагадвае цішыню застылых, нібы акамянелых, з срэбра, дрэў’): *Душу яму зноў апякла Маланкаю вогненнапёрай На полі крыжастага зла* (М. Мятліцкі); *У срэбналістнай цішы час мой кволіцца марудна* (Я. Чыквін).

Метафарычныя эпітэты-прыметнікі могуць ужывацца з мэтай стварэння ўвасаблення – стылістычнага прыёму, які засноўваецца на тым, што неадусаўлёным прадметам прыпісваюцца прыметы і ўласцівасці жывых істот [1, 154]. Сярод новаўтвораных прыметнікаў можна вылучыць дзве групы ўвасабленняў:

1) індывідуальна-аўтарскія прыметнікі, якія характарызуюць нежывыя прадметы або адцягненыя паняцці і змяшчаюць у сваёй семантыцы назвы частак цела чалавека або жывёлы, напрыклад, *азяблапличая віна, гулкаротае рэха, дабравокае цуда, зеленакосая краса, зеленачубы бор, маланкавалосыя грамніцы, санцавокае лета, санцатварыя рамонкі, сінякрылая хмурынка, старукія кедры, траўначубы пракос, ціхакрылая поўня, чарналікая ноч, чырванакудрыя півоні, шматрукія бярозы, шугакрылы вецер: Хто дасць кажух віне, Маёй азяблапличай?* (Р. Барадулін); *Цэдзіць цішу Рэха гулкаротае* (Р. Барадулін); *І шукае душа ад падступнай будзённасці сцоў, Верачы дабравокаму цуду* (Р. Барадулін); *І вось ужо шыбуе напасткі Пад пералівы жаўруковы Юр'е, І адмыкае весною зямлю, І рупна на мурогу пускае росы, Каб зерне ашчаслівіла раллю, Каб загуло красой зеленакосай* (В. Лукша); *Ды вінен я за той павальны здзек, Што чыніць хеўра прагна над лесам, Бо змоўчаў я, зеленачубы бор, Не вырваў з рук драпежніцкіх тапор* (М. Мятліцкі); *І горад не здолее нават здзівіцца, Ubачыўшы, хто не дае яму спаць – Маланкавалосыя гэта Грамніцы На воблаку срэбных мятлушак ляцяць!* (Л. Рублеўская); *Не вярнуць санцавокага лета, Не забыць тапалёвых завеяў* (Р. Малахоўскі); *Помню, колеру буякоў У расплюшчаным тым гербарыі Больш за ўсё было васількоў, Ды рамонкі шчэ санцатварыя* (Х. Гурыновіч); *Зачаплася за месяц, За злёны язычок, Сінякрылая хмурынка – Як гарохавы стручок* (К. Кірэенка); *Цудоўныя далі Сібіры: Задумныя нетры тайгі, Старукія волаты-кедры, Іскальныя рэк берагі* (К. Кірэенка); *Між лазы туман імгліца, На пакошы ўздрыгне, босы. Цягне цугам красавіца Траўначубыя пракосы* (М. Мятліцкі); *Забяры ты мяне ў ноч гэту сённа, Ненадоўга да сябе забяры, Ціхакрылая халодная поўня, Бо ізноў я занямелы наўзрыд* (П. Зьмітрук); *І для старой ігуменні быць світай – Ад бела дня да чарналікай ночы* (В. Аколава); *Вунь ужо чырванакудрыя І півоні зацвілі...* (К. Кірэенка); *Нема бярозы стаяць шматрукія, Прыкрываючы голае цела* (М. Шабовіч); *Вецер буйны, шугакрылы, Над радзімай не шугай!* (М. Мятліцкі);

2) індывідуальна-аўтарскія прыметнікі, якія надаюць нежывым прадметам або адцягненым паняццям якасці чалавека, напрыклад, *злапомлівы свет, маладзюткі туман, таемна-задумны край: Нічога не забываецца ў злапомлівым свеце* (Р. Барадулін); *На вачах У замроенага адвячорка Маладзюткі туман сівее...* (Р. Барадулін); *Таемна-задумны палескі мой краю, Шчымлівая песня і казка, З мазырскіх вышыняў цябе азіраю, А сэрыу пакутліва-цяжка* (В. Андрыеўскі).

Аказіянальныя дзеепрыметнікі таксама могуць выступаць як сродкі дэталізацыі вобраза. Так, азначэнне **размурашаны** абазначае прымету, перанесеную з аднаго прадмета (мурашніка) на другі (вакзал) на аснове іх знешняга падабенства. Вакзал асацыюецца з вялікім мурашнікам: на першы пагляд усе рухаюцца хаатычна, бессэнсоўна, а на самой справе – мэтанакіравана: адны пасажыры прыбываюць, другія чакаюць цягнік, трэція сустракаюць гасцей. Жыццё на вакзале заўсёды віруе, нават ноччу: *Трывожна пахне цягнікамі На размурашаным вакзале* (Ф. Баторын).

Адзначым, што некаторыя метафары ў паэтычным маўленні набылі ўстойлівы характар, напрыклад, вада часта параўноўваецца з люстэркам. На гэтым падабенстве будуюцца метафарычнасць індывідуальна-аўтарскага эпітэта **люстраводны**: *Тут спазнаў я крыніц люстраводную плынь, Слухаў клёкат буслоў, спеўны свіст салаўіны* (М. Шабовіч).

У якасці метафарычнага эпітэта нярэдка выступаюць індывідуальна-аўтарскія прыслоўі на *-а*, якія захоўваюць значэнне параўнання ў семантыцы. У кантэксте яны набываюць эмацыянальна-сэнсавую змястоўнасць, узмацняюць дзеянне, метафарызуюцца, напрыклад, **валошкава, змяіста, лапушыста**: *І на Купалле промні рук плятуць вянкi. І папараць-квясцінку зрок шукае. Ізноў гучаць Купалы мудрага радкі. І польмя валошкава шугае* (В. Аколава); *І сцежкі змяіста паўзуць на гару...* (М. Мятліцкі); *«Пахне чалавечынай», – і нюхам Кат барвяніў ноздры лапушыста* (В. Зуёнак). Для мастацкага маўлення, адзначае В. Вінаградава [3, с. 127], характэрна выкарыстанне індывідуальна-аўтарскіх прыслоўяў у метафарычным значэнні ‘падобна таму, што названа ўтваральнай асновай’, утвораных непасрэдна ад назоўнікаў, напрыклад, **арфічна, бяльміста, касцёрна, крапіўна, палынова, п’едэстальна**: *Мне зразумела ўсё і ўсё не ясна – Ці варты музыкі такой?! Ці варты я хвіліны гэтай шчаснай, Калі гучаць арфічна вашы астры Панад пустой канцэртнай асакой* (Л. Дранько-Майсюк); *Рыціць сцюдзёна дуб-старэча, Бяльміста пяліцца душло* (Р. Барадулін); *Пад воляю то сонечнай, то зорнай, – пад зорнай асабліва, уначы агенчыкі то цьмяна, то касцёрна усё спрабуюць змрок перамагчы* (С. Шах); *Б’юць крапіўна слоўкі прамы ў вочы-броўкі, Што зусім нясмелы, што такі нялоўкі* (В. Аколава); *Як дапякае палынова Яшчэ і гэтая журба: Жнем тое, што дала сяўба, – Вось і ўмірае наша мова...* (Н. Мацяш); *З белакроўнага гібення дзень усходзіць п’едэстальна. І вакол мяне адчайна разварушана праменне* (С. Панізнік).

Такім чынам, эпітэты, выражаныя аказіянальнымі прыслоўямі, могуць размяшчацца ў прэпазіцыі або постпазіцыі адносна дзеяслова, што не ўплывае на іх сэнсава-эмацыянальную нагрузку. Незалежна ад гэтага яны дакладна і выразна паказваюць працэс дзеяння.

Аказіянальныя прыметнікі і дзеепрыметнікі шырока ўжываюцца ў якасці вобразных азначэнняў назоўнікаў, якія абазначаюць:

– знешні выгляд або псіхічны стан чалавека, жывёлы (**звabна-мілья** вусны, **нахабнахвостыя** коткі): *Мне б на хвілю толькі дакрануцца Вуснамі да вуснаў звabна-мілья* (В. Андрыеўскі); *Ты любіш слухаць цішыню. Лепш за мяне п'еш курню нахабнахвостым коткам* (Р. Барадулін);

– з'явы прыроды і найменні навакольнага свету (**грамнічна-цёплыя** дажджы, **празсонечны** дожджык, **сцюжнавейная** зіма): *Сьшоў у ноч халодны снег **Граммнічна-цёплымі** дажджамі* (Н. Аксёнчык); *Ці ж гэта радасць не з Богам – Клейкім лістом удыхнуць Першы **празсонечны** дожджык, **Першапачутае** “будзь”?!* (В. Базылёва); *Мы іншыя, бо восені няма І выпіта другімі наша лета. Між намі **сцюжнавейная** зіма* (М. Шабоўіч);

– канкрэтныя прадметы (**заінены** бор): *І бранзавеюць ціха сосны **Сярод заіненых** бароў* (Н. Гальпяровіч).

Індывідуальна-аўтарскія неметафарычныя эпітэты часта ўтвараюцца шляхам складання асноў узуальных прыметнікаў. Паводле значэння кампанентаў кампазіты можна падзяліць на некалькі груп [3, с. 121]:

1) першы кампанент канкрэтызуе або апэньвае другі, напрыклад, **асветлена-сіняе** неба, **асенне-жоўтае** лісце, **бязлітасна-суровы** час, **горда-маўклівая** казачка, **празрыста-белы** матылёк, **салодка-вінны** смак, **чыста-белы** лён: *Каб пад небам **асветлена-сінім**, Як пачатак жыцця і выток Ціхай цэркаўкай Еўфрасіні **Бласлаўляў** мяне родны куток* (Н. Гальпяровіч); *На ўзлессі тым глынулі ветры **Асенне-жоўтае** лісцё* (М. Мятліцкі); *Нашчадак пракляне мой век тады І гэты час **бязлітасна-суровы**, Начынены атрутаю бяды* (З. Марозаў); *Едзь да казачкі, **горда-маўклівай**, Той, што хацела: быць найшчаслівай* (В. Аколава); *...пырхае у травах матылёк, Дзяцінства матылёк **празрыста-белы*** (К. Жук); *...Ды плод яе [яблынькі] **салодка-вінны** Ніхто не зможа надкусіць* (П. Саковіч); *На гары лён **чыста-белы**...* (В. Аколава);

2) кампаненты вызначаюць прадмет з розных бакоў, напрыклад, **блакітна-падрапаны** пластык, **блакітна-самотны** васілёк, **бялява-халодны** снег, **журботна-сіня** валошка, **маршчынна-задуманнае** чало, **непрыдуманна-жорсткі** свет, **няродна-дарагі** боль, **шэра-хітранькі** ваўчок: *Я злаўлю цябе, спрытная ластаўка, – Начыкрыжу цвіком ці фламастэрам У салоне начнога аўтобуса, На **блакітна-падрапаным** пластыку Падпісаўшы – малюнак Глобуса* (А. Глобус); *Можаш іх [вершы] раздарыць. Ды адзін Літасціва **Пакінь** – Той, Што, як васілёк, **Непрыкметны**, **Блакітна-самотны**...* (Г. Бураўкін); ***Бялява-халодны** снег Атуліць тваю шчаку* (М. Шабоўіч); *Сіня, **Журботна-сіня** валошка* (К. Кірэнка); *І на чале **Маршчынна-задуманым** Адбітак свой пакінулі гады* (К. Жук); *Гэты свет **непрыдуманна-жорсткі**, Мнагалікі і ўсё ж найадзін! Тоне век, як на моры ў шторм лодкі... Не судзі. І не будзеш судзім* (В. Аколава); *Боль – сцяжэлы ад тугі, Разгарчэлы да гаркосці, Мой*

няродна-дарагі, Раздалёкі да былосці (В. Аколава); *Шэра-хітранькі ваўчок Пераспаў за ноч бачок* (В. Аколава);

3) кампаненты знаходзяцца ў антанімічных або блізкіх да іх адносінах паміж сабой, напрыклад, *незнаёма-знаёмы песняспеў, пяшчотна-падманлівы ранак, салодка-горкія слёзы, светласумны боль, сумна-ўсмеілівы позірк, сялянскагарадскі хлапец*. Індывідуальна-аўтарскія прыметнікі валодаюць высокім экспрэсіўным эфектам за кошт спалучэння лагічна несумяшчальных кампанентаў і ствараюць супярэчлівыя па сутнасці вобразы: *Стыла, гусцеючы ў руху, святло, Пльў песнаспеў незнаёма-знаёмы* (Т. Бондар); *Пяшчотна-падманлівы ранак Вітае жывой чысцінёю Праменне панурага сонца* (Р. Малахоўскі); *Ці памятаеш, як малы хлапчук Сюды спяшаўся часам вечаровым І слухаў яблынь вешчыя размовы Да слёз салодка-горкіх уваччу?* (Зм. Марозаў); *Мой краю серабрысты, Мой светласумны боль! Мелодыяй гаючай Душу маю спатоль* (В. Максімовіч); *Ты не крыўдзіся, бераг, Непаўторна-пяшчотны, Сумна-ўсмеілівы позірк Дарагі, мімалётны* (К. Кірэенка); *Па асфальце я іду, дзядзькі, А ўяўляю, што іду па пожні. Я хлапец сялянскагарадскі...* (У. Правасуд);

4) кампаненты выступаюць у якасці сінонімаў, напрыклад, *здрадліва-подлы лёс, святочна-ўрачыстая, прывабна-прыгожая рабіна: Дзе коней імклівых Трывалыя сёдлы? Твой лёс і зычлівы і здрадліва-подлы* (М. Дукса); *Рабіна, пакрытая снегам іскрыстым, Такая святочна-ўрачыстая сёння, Такая прывабна-прыгожая, чыстая* (Г. Дашкевіч);

5) некалькі прымет дапаўняюць, удакладняюць адна другую, напрыклад, у А. Глобуса сустракаюцца трохасноўныя індывідуальна-аўтарскія прыметнікі, з дапамогай якіх ён стварае непаўторны і запамінальны вобраз неба свайго дзяцінства: *магазінна-пластмасаванавае, недасяжна-бясконца-блізкае, перуновае-маланкава-ветлівае, густа-вішнёва-ласкавае, самалётна-дзюралева-сіняе: Неба злоўленае – аконнае, магазінна-пластмасаванавае; Неба дзеда Валодзі – вясковае З матылькамі па-над кароваю. Недасяжна-бясконца-блізкае, Маціцовае – маё местачковае; Перуновае-маланкава-ветлівае, Страказінае – дрогкае, нізкае, Неабдымнае, дымнае з пліскаю – Гэта неба салодка-летняе; Неба густа-вішнёва-ласкавае, Самалётна-дзюралева-сіняе, Аэрафлотна-застыглае – зімняе. Неба зялёнае з ластаўкаю!*

У паэтычным маўленні вызначаецца вялікая колькасць індывідуальна-аўтарскіх прыметнікаў-каляронімаў, якія маюць агульнае значэнне ‘такі, які складаецца часткова з аднаго колеру, часткова з другога’, напрыклад, *бела-ружаваты, блакітна-белы, блакітна-зялёны, блакітна-попельны, блакітна-шэры, бэзава-ружова-белы, жоўта-белы, жоўта-руды, лілова-сіні, шэра-зялёны: І асыпаўся яблыневы цвет На чорную раллю, на конскі след, На бульбу, не прысыпаную плугам, Лажыўся бела-ружаватым пухам...* (М. Маляўка);

*Блакiтна-белы, светлы галубок, Пачуўшы востры крык драпежнай канi, Ляцiць, ляцiць, хаваецца у змрок (А. Глобус); У цень залятае сухое лiсце, Гарыць **блакiтна-зялёным** агнём (А. Глобус); **Блакiтна-попельныя** хмары Цяклi на дрэвах срэбрам слэз (А. Глобус); **Над блакiтна-шэраю** зямлэй Птушкi пакiруюць на чужыну (Л. Сiманёнак); Але з гадамі выяўлялася, што з дна Нявольнага туляння здабываўмя iмi Адным-адзiны скарб: Туга няшчадная.. Па далiкатным **Бэзава-ружова-белым** цвеце бульбы...(Н. Мацяш); ...за сiнiя фiранкi Схавана хатняе цяпло, **А жоўта-белае** святло Чаканнем сагравае ганкi (А. Глобус); **Жолуд луджаны.. ён атулены жоўта-рудой** абалонкай... (А. Разанаў); **На лiлова-сiнi** верас Чабаток ступае княжы (М. Мятлiцкi); **Не спяшайся, а лепей зазiрнi ў мае шэра-зялёныя** вочы (I. Хадарэнка).*

Такiм чынам, эпітэты, выражаныя iндывiдуальна-аўтарскiмi прыметнiкамі, дзеепрыметнiкамі, прыслоўямi з'яўляюцца трапным, эканомным сродкам характарыстыкi асобы, прадмета, з'явы, перадаюць аўтарскiя пачуццi і ацэнку навакольнага свету, забяспечваюць вобразнасць паэтычнага маўлення.

Лiтаратура

1. Сцяцко, П.У. Слоўнiк лiнгвiстычных тэрмінаў / П.У. Сцяцко, М.Ф. Гулiцкi, Л.А. Антанюк. – Мiнск: Выш. шк., 1990. – 220 с.
2. Гаўрош, Н. В. Слоўнiк эпітэтаў беларускай мовы / Н.В. Гаўрош. – Мiнск: Выш. шк., 1998. – 603 с.
3. Виноградова, В.Н. Стилистический аспект русского словообразования / В.Н. Виноградова. – М., 1984. – 183 с.

А. А. Сардарова (Москва, РФ)

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПЕРЕВОДА КАК ПРОЦЕССА СОЗДАНИЯ ВТОРИЧНОГО ТЕКСТА

Сложный и многоплановый процесс переводческой деятельности находит свое полное и системное обоснование в рамках психолингвистической концепции перевода. На психологическую природу перевода указывают многие лингвисты [1; 2; 3], подчеркивая психологическую природу всех его этапов. Первый этап переводческой деятельности, восприятие исходного текста, является сложным сенсорно-мыслительным процессом, в основе которого лежит анализирующая и синтезирующая работа мозга и органов чувств. На втором этапе происходит отделение смысла от форм языка, здесь переводчик воспроизводит смысл как отдельных элементов текста (слов, словосочетаний), так и более крупных текстовых единиц, таких, как

предложение и абзац. На третьем этапе происходит воссоздание на языке перевода воспринятого текстового материала, т.е. продуцирование текста перевода. Перечисленные этапы переводческого процесса можно соотнести с разработанным в психолингвистике учением о трехчленной структуре речевого действия, включающей в себя фазу планирования (программирования), фазу осуществления и фазу сопоставления [2, с. 21].

Задачи теории перевода и психолингвистики во многом совпадают, поскольку объектом психолингвистики является речевая деятельность, а объектом теории перевода отдельный ее вид. К теории перевода приложимы данные психолингвистики о механизмах порождения и воспроизведения речевого высказывания, о структуре речевого действия, о необходимости учета цели и мотивации речевого действия, об эвристическом принципе порождения речи и лежащем в основе него вероятностном прогнозировании [1].

Действительно, согласно эвристическому принципу, субъект выбирает тот путь психолингвистического порождения высказывания, который в данной коммуникативной ситуации является оптимальным. Этот же принцип применим и к процессу перевода, при котором выбор оптимального способа построения текста на другом языке диктуется конкретными условиями межъязыкового коммуникативного акта, в котором необходимо учитывать и установку на реципиента, на преодоление этнокультурного барьера [4].

Поиск оптимального решения при переводе заключается в последовательном отборе нескольких возможных вариантов и отклонении тех, которые не соответствуют тем критериям, которым должен удовлетворять перевод. Этот процесс согласуется с теорией вероятностного прогнозирования, заложенной в работах русского психофизиолога Н.А. Бернштейна, и согласно которой, выбор способа деятельности представляет собой постулирование возможных исходов из наличной ситуации, их последовательный перебор под углом зрения определенных критериев [2].

В самом процессе перевода его лингвистическая и психологическая стороны взаимодополняют друг друга. Так, Т.Г. Никитченко предлагает делить стадии перевода на две ступени – лингвистическую и психологическую: а) собственно восприятие формы (лингвистическое); б) понимание смысла (психологическое); в) интерпретация понятого смысла (психологическая); г) создание новой формы или перевод в узком смысле слова – перекодирование (лингвистическое) [5]. Следовательно, переводчик, проходя все стадии перевода, проявляет себя не только как языковая личность, но и как личность в прямом психологическом смысле этого термина.

Таким образом, рассмотрение теории перевода через призму психолингвистики приводит к его пониманию как продукта, суммы технологий и процесса «комбинирования некоторого набора знаков (исходного и переводного текстов) и смыслового восприятия (для реципиента) набора знаков, предложенного реципиенту переводчиком» [2, с. 55–56].

Такой подход приобретает дополнительные характеристики в применении к переводу художественного текста. Так как художественный текст является проекцией культуры конкретного лингвокультурного сообщества, его перевод обеспечивает познание культурного опыта этого сообщества в новом этнокультурном пространстве. Следовательно, переводчик в этом процессе находится на пересечении двух картин мира – «своей» и «чужой», а так как исходный текст является авторским воплощением картины мира, то деятельность переводчика находится под влиянием национальной и индивидуальной картин мира, которые реализуются в исходном тексте и в тексте перевода. Субъективная обусловленность присуща не только художественному тексту, но и художественному переводу, так как переводчик – это билингвальная языковая личность, обладающая индивидуальным сенсорно-мыслительным механизмом. Таким образом, при переводе художественного текста можно говорить о «столкновении ментальных пространств автора исходного текста и его переводчиков, т. е. их индивидуально-личностных особенностей» [3, с. 83]. С другой стороны, переводчик стремится к равноценной реконструкции текста оригинала, следовательно возникает проблема адекватности перевода как некоего баланса, который должен быть достигнут в переводческом пространстве.

В настоящее время многими исследователями рассматривается концепция переводческого пространства, которая представляет собой «интегративную модель перевода, отражающую взаимодействие языков и культур в процессе перевода и раскрывающую систему транспонирования эксплицитных и имплицитных смыслов из текста источника в текст транслата» [6, с. 76]. Переводческое пространство характеризуется языковой и межкультурной асимметрией. Языковая асимметрия проявляется при сопоставлении систем языков в виде лексической, грамматической асимметрии, а межкультурная асимметрия – при сопоставлении культур как асимметрия концептов. В переводческом пространстве происходит столкновение смыслов, которое может иметь как негативный результат (переводческие ошибки), так и позитивный (переводческая гармония) [6, с. 75].

В концепции Л.В. Кушниной переводческое пространство представляет собой синергетический объект, в котором процесс смыслотранспонирования является... саморазвивающейся, самоорганизующейся системой, в которой происходит рождение нового смысла, приращение смысла [7]. Порождение смысла представляется в виде образа-гештальта текста, возникающего в сознании переводчика в процессе осмысления информации, подлежащей

переводу. Специфика образа-гештальта состоит в том, что он не является суммой смыслов, а есть интеграция смыслов, и его образование происходит на уровне целого текста. Именно благодаря образу-гештальту происходит гибкая смена языкового и культурного кодов, т. е. он становится своего рода посредником в транспонировании смыслов текста исходного языка и переводящего языка [7]. Синергетическая модель переводческого пространства имеет свою структуру, которая состоит из ядра, т. е. содержания эксплицитно выраженного текста, вокруг него образуются два текстовых поля (энергетическое и фатическое) и три поля субъектов переводческой коммуникации – автора, переводчика, реципиента. Энергетическое поле выражается в виде «эмотивных смыслов» [7], которые переводчик должен декодировать. Фатическое поле – это пространство столкновения и взаимодействия культурноспецифических смыслов, актуализируемых через интертекстуальные связи, свойственные двум контактирующим культурам. Поле автора представляет собой интенции, намерения автора при создании текста. Поле реципиента является рефлексией читателя на смысл текста и обусловлено «контекстом реципиента, который прогнозируется переводчиком» [7]. Поле переводчика является результатом постижения переводчиком глубинного смысла высказывания. Л.В. Кушнина подчеркивает, что каждый переводчик создает и видит свой образ-гештальт текста, поэтому каждый перевод уникален, он является результатом уникальной конфигурации переводческого пространства, где переводчик не копирует авторскую мысль, а делает ее своей, неповторимой, не разрушая при этом замысел автора [7].

Данная концепция широко и многопланово представляет переводческий процесс как взаимодействие языков, культур, интенций автора, рефлексии адресата перевода, при этом роль переводчика в данном процессе является ключевой, а в качестве основного компонента переводческой деятельности выступают компетентностные характеристики переводчика.

Переводческая компетенция – это «сложная многомерная лингво-когнитивная категория, включающая профессиональные навыки и умения, позволяющие переводчику осуществлять акт межъязыковой и межкультурной коммуникации» [6, с. 63]. Именно в силу своей многомерности переводческая компетенция может рассматриваться в совокупности различных её составляющих. Согласно В.Н. Комиссарову, она включает в себя языковую, текстообразующую, коммуникативную, техническую и личностную характеристики переводчика [8, с. 326]. Л.К. Латышев выделяет базовую, специфические и специальные составляющие переводческой компетенции. К базовым относятся все знания, умения и навыки, необходимые переводчику любого вида текста, к специфическим – необходимые в каком-либо одном виде перевода, специальные – при переводе текстов определенного стиля [9]. А.Б. Бушев приходит к выводу, что переводчик должен обладать аналитической,

креативной, эмоциональной компетенцией, а также умением распознавать и продуцировать тексты на двух языках [6]. В настоящее время весьма важной профессиональной характеристикой переводчика является межкультурная составляющая переводческой компетенции, так как овладение ею позволяет переводчику выйти за пределы собственной культуры и приобрести качества медиатора культур, не утрачивая собственной культурной идентичности.

Являясь способностью билингвальной языковой личности осуществлять переводческий процесс, переводческая компетенция может быть подвергнута психолингвистическому анализу. В. Вильс, дифференцируя переводческую деятельность по жанру и по направлению, выделяет две субкомпетенции – рецептивная в сфере языка оригинала и репродуктивная в сфере языка перевода. Обе они взаимно дополняют друг друга и образуют основу компетенции, необходимой переводчику для передачи сложных в содержательном и стилистическом отношении текстов с необходимой степенью эквивалентности. При этом В. Вильс отмечает, что обе субкомпетенции могут быть неравнозначными. Так, при переводе в направлении иностранный язык – основной язык трудности рецептивного характера, связанные с анализом исходного текста, проявляются в большей мере, чем трудности репродуктивного характера, которые сопряжены со структурированием конечного текста на языке перевода [10, с. 57]. Об уровне переводческой компетенции также свидетельствуют такие субъективные факторы, как способность к построению адекватной стратегии перевода, принятию нестандартных решений, уровень креативности.

По мнению А.Д. Швейцера, переводческая компетенция представляет собой сложную и многомерную категорию, включающую, помимо перечисленных выше составляющих, «способность к видению исходного текста глазами носителя другого языка и другой культуры» [2], т.е. эмпатию, которая проявляется в способности соотносить «свое» и «чужое», понимать эмоции и намерения, осознавать общее и различное в нормах социального поведения. Таким образом, переводчик должен уметь интеллектуально и эмоционально проникнуть в переводимый им текст, во внутренний мир его автора. Эмпатическая основа при переводе художественного текста необходима по ряду причин. Прежде всего, это обязательное присутствие автора текста, которое нужно правильно понять, оценить и передать при переводе. Известный болгарский переводовед С.Флорин характеризует смысл эмпатии как способ переводческого осмысления, «видения, чувствования автора в кругу его субъективного восприятия действительности» [11, с. 180].

Но перевод – это столкновение двух личностей – автора и переводчика, которые являются носителями различных языковых картин мира. Поэтому для создания адекватного перевода, переводчику

необходимо осуществлять эмпатический анализ текста, под которым понимается «набор операций, которые происходят в сознании реципиента (в данном случае переводчика) при активном и углубленном осмыслении содержательных категорий текста, ассоциирующихся с 1) мироощущением и мировосприятием реального или вымышленного субъекта, репрезентированного в тексте оригинала, и 2) реакцией конечного реципиента (читателя) на текст, созданный переводчиком» [12, с. 13]. Таким образом, деятельность переводчика состоит из рецептивной фазы, когда он актуализирует в своем сознании авторские идеи и оценки, и продуктивной фазы, когда переводчик проецирует свой замысел на сознание читателя как носителя другой лингвокультуры.

Как отмечает В.В. Гусев, переводческая деятельность ассоциируется в сознании переводчика с принципиально разными языковыми личностями: иноязычной – автора и русскоязычной – читателя [12, с. 16], которые являются носителями различных языковых картин мира. От того, насколько хорошо переводчик владеет эмпатическим анализом при рецептивной и продуктивной фазе своей деятельности, зависит в конечном итоге, будет ли переводной текст психологически принят или отторгнут читателем. Следовательно, эмпатия является одной из составляющих переводческой компетенции.

Таким образом, в современном переводоведении выделяется несколько сфер переводческой компетенции – индивидуально-психологическая, связанная с формированием и развитием интерпретационных навыков, текстотипологическая, предполагающая задачи изучения типологических параметров переводимого текста, межкультурная, предполагающая иноязычное общение на межкультурном уровне. Эти подходы дополняют друг друга и так или иначе выделяют знания, понимаемые в широком смысле, как основу переводческой компетенции. Именно способность применения билингвальных знаний при передаче информации в условиях межкультурной коммуникации составляет суть переводческой компетенции.

Задача перевода – обеспечить такой тип межъязыковой коммуникации, при котором создаваемый текст на языке перевода выступает в качестве полноценной коммуникативной замены оригинала. С точки зрения восприятия, коммуникативная равноценность перевода и оригинала понимается как равенство воздействия на реципиентов в первичной и вторичной коммуникации. Так как перевод – это область соприкосновения не только языков, но и культур, коммуникативный акт перевода выявляет различия в культурной ситуации, т. е. тот лингвокультурный барьер, который переводчик должен преодолеть. Поскольку художественный текст создается для членов общего с его автором лингвокультурного сообщества, то задачей переводчика является создание текста, нацеленного на замещение оригинального текста в культуре, для которой создается перевод. Следовательно, переводной текст

характеризуется вторичностью и установкой на замещение исходного в другой языковой и культурной среде [4, с. 48]. Вполне понятно, что очевидное для реципиента в первичном коммуникативном акте, может быть совершенно непонятным для реципиента во вторичном коммуникативном акте. Следовательно, стремясь достигнуть коммуникативной равноценности и адекватности воздействия, переводчик должен прибегнуть к прагматической адаптации, под которой понимается «внесение определенных поправок на социально-культурные, психологические и иные различия между получателем оригинального и переводного текста» [2, с. 242]. Установка на реципиента является элементом прагматики перевода. Она может проявляться во введении в текст перевода дополнительной информации поясняющего характера или опущении излишней информации, интерпретации авторского текста с целью донесения до реципиента перевода эмоционального воздействия, адекватного исходному тексту. Переводчик, являясь бикультурной языковой личностью как бы фильтрует те элементы, которые сигнализируют о принадлежности текста к иной культуре, и может либо оставить их в тексте перевода без изменений, либо адаптировать их к принимающей культуре. Таким образом, прагматическая адаптация детерминирует переводческие действия на этапе создания текста перевода. Как отмечает В.Н. Комиссаров, независимо от того, пытается ли переводчик сохранить прагматический потенциал оригинала или добиться, чтобы текст обладал иным прагматическим потенциалом, в любом случае он прибегает к прагматической адаптации в переводе [8], так как ориентируется на культурную среду, социально-психологические характеристики и внеязыковые знания реципиента перевода.

При передаче тех явлений, которые отсутствуют в принимающей культуре, может возникнуть потеря некоторой информации. Проблема ее компенсации тесно связана с категорией прагматической презумпции, которая отражает лингвокультурную асимметрию носителей языка текста оригинала и перевода. «Говорящий, который высказывает суждение S, имеет прагматическую презумпцию P, если он, высказывая S, считает P само собой разумеющимся – в частности, известным слушателю» [13, с. 39]. Соответственно, если реципиент ничего не знает о P, то прагматическая презумпция несостоятельна и коммуникация затруднена. Следовательно, для успешного преодоления лингвокультурной асимметрии в межкультурной коммуникации, прагматическая презумпция должна базироваться на внеязыковых знаниях, которыми обладает реципиент коммуникативного акта. Это положение требует от переводчика владения обширными экстралингвистическими знаниями. В идеале его «экстралингвистический багаж» должен быть идентичен тем знаниям, которыми располагают носители исходного языка. Переводчик как реципиент оригинального текста должен правильно понять обозначения

тех явлений и предметов, которые описываются в оригинальном тексте, т.е. обладать достаточными знаниями об изображаемой действительности. Но переводчик также является и отправителем текста перевода, что требует от него владения экстралингвистическими знаниями принимающей культуры. Таким образом, в обоих случаях речь идет о наличии фоновых знаний, без которых невозможен качественный переводческий процесс.

Наличие фоновых знаний важно для всех участников коммуникативного процесса, но их значимость для переводчика является первостепенной. Многие переводческие погрешности происходят из-за недостаточно глубоких фоновых знаний, следовательно, наличие обширных фоновых знаний является важнейшим элементом переводческой компетенции.

Специфика перевода как речевой деятельности заключается в том, что в нем коммуникация опосредована «промежуточным» звеном – сознанием переводчика. Переводчик как реципиент текста в первичной коммуникации и соавтор текста во вторичной коммуникации является индивидуальной языковой личностью, которая характеризуется индивидуальным стилем выполнения своей деятельности. Как отмечает Т.М. Дридзе, «любая социально значимая деятельность индивидуальна. Она «субъектна» по своей природе и значит ситуационна и интенциональна» [14, с. 56]. Следовательно, личностные особенности переводчика несомненно влияют на результат выполняемой им деятельности. Среди них авторы выделяют особенности восприятия текста, интерпретационную деятельность, свой собственный авторский стиль [12], понимание [5]. Перечисленные особенности соотносятся со стадиями переводческого процесса и той ролью, которую переводчик выполняет на каждой из них.

Так, восприятие художественного текста требует от переводчика-реципиента высокого интеллектуального и эмоционального напряжения. Переводчик должен восстановить по тексту внетекстовую реальность, осмыслить его внутритекстовые особенности. На этом этапе переводчик как бы «освобождается» от словесной формулировки оригинала и именно здесь закладывается основа создания адекватного перевода. При всем своем внутренне активном наполнении, восприятие художественного текста является действием, не требующим творческого проявления переводчика-реципиента.

Именно активная преобразовательная деятельность проявляется при интерпретации переводимого текста, которая представляет собой толкование смысла произведения в определенной культурно-исторической ситуации его прочтения. Несомненно, чем глубже восприятие переводчиком текста, тем более созвучным авторскому замыслу интерпретирован художественный текст. Таким образом, интерпретация представляет собой способ реализации восприятия, который приводит к

созданию на основе исходного (первичного) текста текстов-интерпретаций (вторичных текстов). Переводческая интерпретация или толкование художественного текста есть, несомненно, процесс субъективный, так как в нем обязательно присутствует личность самого интерпретатора, но основан он на объективно данном художественном тексте, который, будучи преломленным, интерпретированный в сознании переводчика, подлежит переводу на другой язык.

На этапе собственно перевода переводчик проявляет себя как активная языковая личность, которая отбирает те языковые средства, которые соответствуют существующему в его сознании интерпретативному варианту оригинального текста [5] или гештальт-текста [7]. На данном этапе переводчик выступает как создатель и отправитель вторичного текста. Обе эти функции требуют от переводчика активизации различных способностей – с одной стороны, восприятие авторского замысла, «пропускание» его через себя, изучение авторского стиля, с другой стороны – способности к творческому воспроизведению оригинального текста. Для выполнения этой двуединой задачи переводчик должен обладать определенными индивидуально-личностными чертами, такими, как социально-личностные характеристики, внутренние личностные свойства, филологические знания, совпадение/несовпадение личностей автора оригинала и переводчика.

Таким образом, при переводе художественного текста, или, другими словами, создании вторичного текста, задействованы все перечисленные стороны личности переводчика в совокупности с билингвальными фоновыми знаниями, понимаемыми как сущность переводческой компетенции. Именно органическое совмещение перечисленных сторон процесса создания вторичного текста является основой качественного перевода.

Литература

1. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1969. – 216 с.
2. Швейцер, А.Д. Перевод и лингвистика. О газетно-информационном и военно-публицистическом переводе / А.Д. Швейцер. – М.: Воениздат, 1973. – 280 с.
3. Нуриев, В.А. Адекватность перевода как лингвистическая проблема / В.А. Нуриев // Вестник ВГУ. Сер. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2003. № 1. – С. 80–87.
4. Швейцер, А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – С. 21–25.
5. Никитченко, Т.Г. Субъективный фактор в художественном тексте: лингвистический и психологический аспекты (на материале

перевода): дис.... кандид. филолол. наук / Т.Г. Никитченко. – Краснодар, 2000. – 213 с.

6. Бушев, А.Б. Языковая личность профессионального переводчика: научное издание / А.Б. Бушев. – Тверь: ООО «Лаборатория деловой графики», 2010. – 265 с.

7. Кушникова, Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства / Л.В. Кушникова. – Пермь: Изд-во ПГТУ, 2009. – 32 с.

8. Комиссаров, В.Н. Современное переводоведение: учебное пособие / В.Н. Комиссаров. – М.: ЭТС, 2002. – 326 с.

9. Латышев, Л.К., Провоторов, В.И. Структура и содержание подготовки переводчиков в языковом вузе / Л.К. Латышев, В.И. Провоторов. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. – 136 с.

10. Wilss, W. The Science of Translation: Problems and Methods / W. Wilss. – Tübingen: Narr, 1982. – 292 p.

11. Флорин, С. Муки переводческие. Практика перевода / С. Флорин. – М.: Высшая школа, 1983. – 184 с.

12. Гусев, В.В. Актуализация эмпатического образа в переводе художественной литературы / В.В. Гусев // Вестник МГЛУ. Семантические и стилистические аспекты перевода. Вып. 506. – М.: МГЛУ, 2005. – С. 8–24.

13. Арутюнова, Н.Д. Истоки, проблемы и категории прагматики / Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 21–41

14. Дридзе, Т.М. Перевод как текстовая деятельность: основания и предметная область семиосоциопсихологической теории коммуникации / Т.М. Дридзе // Язык. Поэтика. Перевод: сб. научных трудов МГЛУ. – М., 1996. – Вып. 426. – С. 54–65

В. Н. Сергей (Мозырь, Беларусь)

КОММУНИКАТИВНАЯ УСТАНОВКА ОБОБЩЕНИЯ И ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

Имена существительные любого языка, повторяемые десятки раз в повседневной речи, становятся привычными, конкретными по смыслу, т. е. устремляются к однозначности. В тексте семантика имени взаимодействует с коммуникативным замыслом автора: существительные проявляют готовность к обобщениям или индивидуализации, к неожиданной синонимизации, переносным употреблением, они начинают

сопровождаться эстетическими оттенками – особым приращением смысла [1, с. 47]. Таким образом, имена и их актуализаторы (детерминативы) превращаются в сигналы, воздействующие на адресата речи. Сочетание «актуализатор (чаще всего – детерминатив (артикл) + существительное» представляет собой именную группу с единым планом содержания, позволяющим рассматривать её как одно целое. Именно детерминатив формирует именную группу, поскольку он актуализирует её в предложении, в высказывании, в тексте.

Проявление семантики именной группы есть результат взаимодействия всей совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов. Значение, формируемое в каждом конкретном речевом акте, является уникальным, отличным от значения этого же имени в другом акте речи. Для адресанта имя всегда однозначно, для адресата – его содержание многозначно. Поэтому адресанту важно передать имя с такой степенью детерминации, с такой установкой, которая интерпретировалась бы адекватно и адресатом. Совершенно очевидна необходимость учитывать специфику коммуникативной ситуации, ролей адресанта и адресата речи. Называя объект, адресант, естественно, кроме указания на него, высказывает и своё отношение к своему предмету мысли, поскольку «сам язык является, прежде всего, выражением некоего творчества субъекта, вследствие чего любому речепроизводству должен быть приписан субъективный фактор, отражающий отношение субъекта к предмету своего высказывания» [2, с. 9].

Как единица коммуникации высказывание – многопланово: оно даёт информацию об объекте, который описывает адресант речи и одновременно выражает объективное или субъективное отношение автора к описываемым объектам, явлениям и событиям. Особенно ярко коммуникативно-прагматическая направленность высказываний автора проявляется в поэтическом жанре. Перспектива построения, целостность и связность поэтического текста выражается в коммуникативной преемственности между его связующими элементами, яркими представителями которых во французском языке являются актуализаторы-детерминативы, несущие идею генерализации или индивидуализации в коммуникативном акте. Суть преемственности, целостности и связности текста заключается в том, что каждое последующее высказывание или строфа в стихотворении опираются в коммуникативном плане на предшествующие и, в зависимости от установки автора, продвигают высказывания от неизвестного к известному, а затем снова от «данного» к новому. Тем самым образуется коммуникативная цепочка, имеющая свои связующе-разграничительные маркеры, следуя которой продвигается, развивается и излагается информация. Структура коммуникативной цепочки, маркерами в которой являются детерминативы, в подавляющем большинстве случаев поддаётся прогнозированию и может быть сведена

к нескольким предполагаемым моделям. Рассмотрим отдельные модели на примере одного стихотворения из поэтического сборника Т. Готье «Эмали и камеи» в переводе Н. Гумилёва. Как известно, Т. Готье был сторонником предметности (а французские детерминативы (артикли) являются основными указателями на предметность), стабильности и эстетики в искусстве. В этом смысле предметность слова, его твердый материальный смысл, четкость и окрашенность речи роднят Т. Готье и Н. Гумилёва.

Наиболее распространенной коммуникативной моделью построения строф стихотворения Т. Готье является простая линейная цепочка «автор-наблюдатель» – «автор – участник событий» – преломление событий и явлений (материальных и нематериальных или абстрактных объектов через авторское «Я», заключающаяся в цепочном постепенном отождествлении автором описываемого явления с собой или со сторонним наблюдателем [З. с. 64–67] – *Diamant du coeur – Алмаз сердца*.

Ср.: **Tout amoureux**, de sa maîtresse, Хранит подарок милой
каждый

Sur son coeur ou dans son tiroir,	Влюбленный в сердце ли, в столе,
Possède un gage qu'il caresse	Его лаская с острой жаждой
Aux jours de regret ou d'espoir.	В часы надежд иль в горькой

мгле.

Повествование начинается с введения в понятийный аппарат адресата речи какого-то подарка (залога) – *un gage*. Автор сообщает о нём, отождествляет себя с наблюдателем – *tout amoureux* (любой влюблённый-каждый) и вполне закономерно маркером неизвестности, введения объекта в понятийный аппарат адресата речи, служит неопределённый артикль *un* и местоимение *tout* в обобщающем значении.

По мере подачи информации автор как бы сам погружается в описываемую ситуацию, становится её участником и передаёт сведения слушающему более полно, идентифицировав и индивидуализировав описываемый объект:

L'un d'une chevelure noire,	Один – ах, все влюбленный
------------------------------------	----------------------------------

смеет, –

Par un sourire encouragé,	Улыбкой светлой ободрён,
A pris une boucle que moire	Взял прядь волос , что голубеет
Un reflet bleu d'aile de geai.	Чернее, чем крыла ворон.

Индивидуализация выражается в речи автора определённым артиклем – *l'un* – *один*, а идентификация объекта (*подарка* – *un gage*) – неопределённым детерминативом в его индивидуализирующем значении (*une boucle* – *прядь волос*).

Автор речи определенное время занимает позицию наблюдателя и продолжает поэтапно индивидуализировать и идентифицировать описываемые объекты (*l'autre – другой; подарок – локон, словно кокон*):

L'autre a, sur un cou blanc qui ploie, **Другой** отрезал нежный **локон**,
Coupé par-derrière **un flocon** На шее, что сумел склонить,
Retors et fin comme la soie Волнистый, мягкий, **словно кокон**,

Que l'on dévide **du cocon**. Прядущий шёлковую нить.

Признаком интенсификации индивидуализирующего значения актуализаторов является использование автором речи в дальнейшем повествовании неопределенных и указательных детерминативов:

Un troisième..... Cache **un gant blanc** – А третий ... Прячет белую перчатку

Cet autre ...Coud **des violettes de Parme** – Тот прячет **Пармские фиалки**.

Celui-ci baise **la pantoufle** – А этот ...потерянную **туфлю** чит (целует)

Et celui-ci conserve **un souffle** А тот ещё, как встарь влюблённый,

Dans la barbe d'un masque noir. **Вдох** в маске кружевной хранит.

Далее позиция автора речи совпадает с позицией наблюдателя, происходит персонификация наблюдателя по воле автора речи:

Moi, je n'ai ni boucle lustrée, Нет у **меня** блестящей **пряди**,

Ni gant, ni bouquet, ni soulier, **Цветов, перчатки, башмачка,**

Mais je garde, empreinte adorée, Но есть зато в **моей тетради**

Une larme sur un papier. **Слеза** среди **одного листка**.

Маркером преломления описываемой ситуации через собственное «Я» автора служит использование в речи нулевого детерминатива перед рядом уже упоминавшихся существительных и неопределенного артикля перед существительным, которое именуется новым для адресата, вполне конкретизированный и идентифицируемый адресантом речи объект - *Une larme sur un papier - Слеза среди одного листка*.

Et, **pour moi, cette obscure tache** И, как сокровище Офира,

Reluit comme un écriin d'Ophyr, **Мне** блещет **темное пятно**,

Et du vélin bleu se détache, **Алмазом светлым из сапфира**

Diamant éclos d'un saphir. С бумаги синей **внесено**.

Cette larme, qui fait ma joie,

Roula, **trésor inespéré,**

Sur un de mes vers qu'elle noie,

D'un oeil qui n'a jamais pleuré!

Я помню, как упала эта

Слеза, хранительница нег,

На строчку моего сонета

Из глаз, не плававших вовек.

Связности поэтического текста послужили и используемые поступательно автором речи местоимения. *tout* – каждый, любой, *l'un* – один, *l'autre* – другой, *un troisième* – третий, *cet autre* – тот, *celui-ci* – этот, и наконец, *moi, je* – я, *pour moi* – для меня, *ma joie* – моя радость. *mes vers* – мои стихи, что свидетельствует о продвижении информативности поэтического текста от обобщенного к частному. Пограничными маркерами в данном случае являются детерминативы, а их использование зависит от коммуникативной установки автора речи.

Пошагово подаётся и информация о подарке возлюбленной (залоге любви), начиная с обобщенного понятия *un gage* – залог (подарок), автор детализирует, индивидуализирует этот залог для каждого отдельно. Тот факт, что каждый имеет что-то своё, личное, по отношению к возлюбленной, подчеркивается автором речи через использование в именовании неопределенного детерминатива, начиная с его обобщающего значения *un gage* – залог (подарок) и заканчивая индивидуализированными значениями: *une boucle* – прядь волос, *un flocon* – локон, *un gant blanc* – белая перчатка, *des violettes de Parme* – Пармские фиалки, *un souffle* – вздох, *une larme* – слеза и её текстовые синонимы (*perle dissoute* – жемчуг пенный, *cette obscure tache* – это темное пятно, *trésor inespéré* – неожиданное сокровище)

Обобщение представляется как суждение адресанта об n-количестве различных ситуаций. Включаясь в текст, этот тип высказываний обобщает и описываемую в нем конкретную ситуацию.

С целью обобщения адресант часто использует и неопределённый артикль. Однако в отличие от имени с определённым артиклем неопределённый артикль усиливает понятийное содержание и при обобщениях несет в себе ярко выраженную идею сигнификата, т. е. признаковости.

С помощью неопределённого артикля адресант как бы сигнализирует адресату, что имеется в виду не понятийный объём объекта, а его содержание как особые признаки, которые и выделяют этот объект – в нашем случае *un gage* – залог (подарок). Сконцентрированность признаков и формирует идею единичности. (У.Г. Гийома это начало индивидуализирующего движения мысли, в котором находится неопределённый артикль с обобщающим значением, которое отличается от идентичного значения определённого артикля тем, что кинетически направлено на единичность (обобщающее значение определённого артикля – от единичности к всеобщности) [4, с. 147–151]. От *un gage* – залог (подарок) начинается индивидуализирующее движение мысли автора речи, которое кинетически направлено на единичность: *une boucle* – прядь волос, *un flocon* – локон, *un gant blanc* – белая перчатка, *des violettes de Parme* – Пармские фиалки, *un souffle* – вздох, *une larme* – слеза. Все эти единичные объекты восходят к обобщающему *un gage* – залог (подарок).

Данной коммуникативной моделью показывается перспектива построения поэтического текста. Автор речи, являясь то сторонним наблюдателем, то участником событий описываемой ситуации, демонстрирует целостность и связность текста стихотворения, подавая пошагово информацию от неизвестности до полной её идентификации для адресата речи.

Коммуникативная цепочка образуется на базе последовательного именованя (ключевыми именами существительными) описываемых объектов с разной степенью осведомленности о них.

Фрагменты таких коммуникативных цепочек поэтического текста связаны между собой поступательной связью. Обобщающее понятие (общая тема) может быть названа и чаще всего называется в конце или в начале поэтического повествования. В нашем случае общая тема названа в начале поэтического текста *in gage* – залог (подарок) и в самом заголовке-метафоре – *Diamant du coeur* – Алмаз сердца. Различные единичные объекты с разной степенью определенности в речи и присущие в каждом отдельном случае совершенно разным субъектам объединены данной общей темой любви, выраженной в обобщенном виде в заголовке стихотворения *Diamant du coeur* – Алмаз сердца.

Структурная целостность и связность в поэтическом тексте обеспечивается единством или многообразием именованя описываемых объектов, входящие в состав строф стихотворений. Они связаны между собой не только единством тематики и отношением коммуникативного пошагового продвижения информации автором речи для осведомления адресата речи, но и разнообразными внешними сигналами, яркими представителями которых являются французские детерминативы.

Сигналами структурной связности поэтического текста служат выбор артикля и местоимения, употребление притяжательных прилагательных и возможно, многие другие факторы, включающие структурно-семантические связи в тексте. Они активно участвуют в установлении поступательных связей между высказываниями, составляющими стихотворные строфы, выполняя, таким образом, текстообразующую функцию.

При рассмотрении любого отдельного высказывания стихотворного текста изолированные от контекста предложения не могут получить аргументированного объяснения выбора того или иного детерминатива. Тем самым употребление детерминативов и местоимений по воле автора речи устанавливает связи рассматриваемых предложений (высказываний) с другими предложениями, составляющими текстовое окружение.

Связь между всеми предыдущими и последующими высказываниями осуществляется не одним каким-либо средством, а совокупностью средств (артиклями, местоимениями, порядком слов, разными видами лексических повторов, контекстуальными синонимами, единством временного плана, наконец, обобщением (генерализацией) и индивидуализацией

(детализацией) по воле автора речи и др.). Эти средства связи взаимонаправлены, идут не только по ходу развития текста, а одновременно сверху вниз и снизу вверх, по вертикали и по горизонтали, переплетаются, взаимно дополняют друг друга и создают целостный, связный поэтический текст.

Таким образом, перспектива построения поэтического текста и его целостность проявляются одновременно в виде структурной, смысловой и коммуникативной связности, которая задаётся коммуникативными установками автора речи.

Литература

1. Новиков, Л.А. Искусство слова / Л.А. Новиков. – М.: Педагогика, 1982. – 128 с.
2. Колшанский, Г.В. Соотношение субъективных и объективных факторов в языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1975. – 231 с.
3. Готье, Т. Эмали и камеи: сборник / Т. Готье; сост. Г.К. Косиков. – М.: Радуга, 1989. – На фр. языке с параллельным русским текстом. – 368 с.
4. Guillaume, G. Le problème de l'article et sa solution dans la langue française / G. Guillaume. – Paris: Hachette, 1919. – 318 p.

Т. Н. Талецкая, М. А. Костюкевич (Мозырь, Беларусь)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГАЛЛИЦИЗМОВ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Германия – это государство, расположенное в центральной Европе. История Германии неотделима от истории граничащих с нею государств, например, Франции. Германия и Франция ведут своё начало с 843 года, когда внуки Карла Великого заключили Верденский договор, согласно которому империя франков была разделена на три части – французскую, германскую и италийско-лотарингскую [1]. Традиционно считается, что первым Германским государством являлось Восточно-франкское королевство (*Ostfrankenreich*). Западно-франкским королевством (*Westfrankenreich*) была сегодняшняя Франция, а современный французский язык развился из народной латыни на территории бывшей Римской Галлии. В отдельные периоды истории Германии Франция оказывала на неё особенно большое влияние. Не был исключением и сам немецкий язык, обогатившийся за счёт вхождения в него французских заимствований, называемых галлицизмами. Галлицизм (лат. *gallicismus*, франц. *gallicisme*) – это слово или выражение, которое заимствовано или происходит от французского языка. Само обозначение «галлицизм» ведёт своё начало от римского названия территории современной Франции – Галлии. Чтобы обозначить заимствованное слово как галлицизм, необходимо точно установить происхождение слова во французском языке. Поскольку французский язык относится к группе

романских языков, имеющих латинское происхождение, то большинство французских слов пришло из латыни. Разница между латинизмом и галлицизмом заключается, следовательно, лишь во времени заимствования слова немецким языком. В этой связи термин «галлицизм» не совсем верен, поскольку практически все заимствования из французского языка являются латинского происхождения и не имеют к вымершему галльскому языку никакого отношения. И всё же именно этот термин получил распространение, так как он более благозвучен, чем «французизм» [2].

К наиболее интенсивным периодам проникновения галлицизмов в словарный состав немецкого языка относятся: период соприкосновения обоих языков во время крестовых походов в XII-XIV вв. (когда в немецкий язык пришли такие слова как, *Turnier, Abenteuer, Tanz, Preis* и др.) и XVII век (когда в Германию из Франции бежали гугеноты – французские протестанты, к которым в Германии относились с большим почтением). В XVII веке взоры многих европейских государств были обращены к Франции – идеалу абсолютной формы государственного правления. Не являлась исключением и Германия, для которой образцом для подражания стал Версальский двор Людовика 14-го (короля Солнца). В Германию пришла французская мода, и французский язык стал престижным языком среди господствующего класса. В эту эпоху немецкий язык обогатился словами – *Garderobe, Kostüm, Korsett, Teint, Perücke, frisieren* (из области моды), *Ragout, Omelett, Kotelett, Sauce, Kompott, Torte, Bouillon, Serviette* (из области кулинарии), *Allée, Balkon, Terrasse, Etage, Parkett* (из области архитектуры), *amüsieren, Kompliment, Promenade* (из области этикета); *Monsieur, Madame, Mademoiselle* – формулы обращения, в том числе к родственникам (*Onkel* и *Tante* вместо *Oheim* и *Muhme*, *Cousin* и *Cousine* вместо *Vetter* и *Base*).

В эпоху просвещения французский язык приобретает в Германии особенно высокий статус. Одним из самых влиятельных европейских правителей просвещённого абсолютизма XVIII века становится прусский король Фридрих Великий (1712–1786). По собственным эскизам он строит в Потсдаме один из известнейших замков и даёт ему французское название *Sanssouci* (что во французском языке означает – «без забот»). Этот замок стал любимым местом пребывания Фридриха Великого. Там он занимался искусством, давал свои знаменитые концерты игры на флейте, принимал известнейших людей своего времени, вёл долгие философские беседы с Вольтером – одним из крупнейших французских философов-просветителей XVIII века.

Следующий благоприятный период для проникновения галлицизмов в немецкий язык – это период Наполеоновских войн (1805–1815 гг.) и франко-прусская война 1870–1871 гг. В один из этих периодов появляется слово «*Fisimatenten*», используемое сегодня в значении «*etwas*,

was unnötigerweise etwas anderes behindert, verzögert» (что-то, что без необходимости затрудняет, замедляет что-либо другое), «*Umstände*» (хлопоты, беспокойства). Происхождение слова «*Fisimatenten*» связывают с обращением французских солдат к молодым немкам – «*Besuche mein Zelt!*» (франц. *Visite ma tente!*), намекавших тем самым на желание более близкого знакомства с ними. Хотя имеется и другая версия происхождения слова «*Fisimatenten*». Словарь разговорного немецкого языка приводит толкование значения «*Fisimatenten*» – как «отговорки», «пустые слова» – *Das sind alles nur Fisimatenten. Mach keine Fisimatenten.* А по поводу происхождения «*Fisimatenten*» словарь даёт следующие сведения – возможно, что слово произошло в результате сращения «*visae patentes = ordnungsgemäß verdientes Patent*» (надлежащим образом полученный/заслуженный патент) и «*visament = Zierat*» («*Zierat*» – вид украшения на гербе в XV веке) [3, с. 238].

В современном немецком языке для обозначения понятия «свидание» используется французское слово «*Rendezvous*». Очень распространённым является и французское заимствование «*tête à tête*» для обозначения понятия «свидание, разговор с глазу на глаз». Уже долгое время в немецком языке функционируют слова и выражения французского происхождения такие, как *Appetit, Bon appetit!, Bonbon, Boulevard, Chaiselongue, Chaussée, Garage, Garderobe, Plafond, Prestige, pardon, Ballett, Chic, Dessert, Garantie, Kabinett, Plädoyer, Bajonett, Eleganz, Pompadour, Pommes Frites, Souper, Filet, Sauce* и многие другие. Естественными кажется использование в речи немцев таких галлицизмов, как – *Kantine* (франц. «*cantine*»), *Trottoir, Möbel* (франц. «*meuble*»), *Garantie* и др. Даже в речи детей можно найти примеры использования ими французских заимствований: например, если они сердятся, то говорят при этом «*Och менно!*» (от франц. «*mais non!*»).

Галлицизмы появились в немецком языке задолго до англицизмов. Большинство галлицизмов вошло в немецкий язык в XVII веке, когда на Францию равнялось всё европейское дворянство. Эпоха современной глобализации также создаёт большие возможности для обогащения культур и языков. Но в настоящее время доминирующую позицию среди заимствований в немецком языке всё же занимают англицизмы, которые значительно потеснили заимствования из французского языка. Так, вместо «*Rendezvous*» стало использоваться английское слово «*Date*», вместо «*Fete*» – «*Party*» и т. д. Но значительное количество прижившихся в немецком языке галлицизмов по-прежнему успешно в нём функционируют. Поскольку словаря галлицизмов в немецком языке пока ещё не создано, мы обратились к списку галлицизмов, имеющемуся в Интернете, чтобы определить хотя бы приблизительное количество галлицизмов в немецком языке [4]. Этот список насчитывает 935 слов.

Достаточно активно галлицизмы используются в языке прессы. Подтверждением этому могут служить такие названия газетных статей, как – «Das *Déjà-vu* des Cajus C.», «*Dinieren à la Lufthansa*», «*Klitschko siegt souverän*», «*Zwischen Jubel und Tristesse*», «ein Patt mit *Niveau*», «EU überprüft *Engagement* für HRE», «*Zeitungsabonnement*» (примеры приводятся из газеты «Lippische Landes-Zeitung» [5]). Галлицизмы присутствуют в речи государственных деятелей. Так, Ангела Меркель использовала в своём телевизионном поздравлении немцев с Новым 2014 годом следующие галлицизмы – *Chancen*, *Zivilcourage*, *Engagement*: «Es ist also wahrlich nicht alles so, wie wir es uns erhoffen oder wünschen. Doch immer wieder gibt es **Chancen** zu neuen Anfängen»; «Sie schauen nicht weg, sondern zeigen **Zivilcourage**, wenn andere bedrängt werden und in Not geraten»; «Jede Lebensgeschichte steht für sich – und trägt zugleich ihren Teil zu dem bei, was unser Land im Kern ausmacht: Leistungsbereitschaft, **Engagement**, Zusammenhalt», «Wir wollen, dass alle Kinder und Jugendliche die bestmögliche Bildung und damit die bestmögliche **Chance** auf ein gutes Leben erhalten können» [6].

Галлицизмы достаточно распространены и в повседневном общении. Приведём некоторые примеры из личной корреспонденции с носителями немецкого языка (в скобках мы указываем аналог слова во французском языке): 1. Wenn Frau nicht so ganz geschickt ist, kann sie doch durch *ambitionierten (ambitionner)* Einsatz viel ausgleichen. 2. Ich würde *kokettieren (coqueter)*, wenn ich sage ... 3. Und, wenn schon auf diesem Gebiet *Harmonie (harmonie)* herrscht, wo soll es dann auf anderen Gebieten Probleme geben? 4. Da hat uns jemand offensichtlich vorausschauend *porträtiert (portraiturer)*. 5. Kaum zu glauben, wie rasant und "*facettenreich*" (*facette*) das verlaufen ist. 6. Sicher spielt dabei auch eine Rolle, dass man dabei auch frühzeitig in ungewöhnlich offener Form *thematisiert (thème)*, was sich sonst erst langsam hätte entwickeln müssen/können. 7. Aber, der feine Unterschied zwischen «Glauben» und «Wissen» ist eine große *Barriere (barrière)*. 8. Die Halle war voll (vielleicht 5000 Menschen), man roch es, die *Emotionen (émotion)* kochten hoch. 9. Man muss vorsichtig sein, wenn man in einer Sprache *korrespondiert (correspondre)*, die nicht die Muttersprache des Adressaten ist. 10. Ich denke, als gesundheitsfördernde Maßnahme kann man das *akzeptieren (accepter)*. 11. In den letzten Jahren habe ich dank den Pillen keine *Probleme (problème)*, jedenfalls nicht mit dem Bluthochdruck. 12. Dabei konnte ich mir ein Grinsen nicht verkneifen, was die Arzhelferin zu der Bemerkung veranlasste, so einen gut gelaunten *Patienten (patient)* habe sie während des Belastungs-EKG's noch nie gehabt. 13. Na gut ... *Frauenfantasien (fantaisie)*. 14. Sicherheitshalber habe ich aber eine halbe Stunde *Reserve (réserve)* eingeplant. 15. Die Welt ist ungerecht: Die Griechen haben *Pensionen (pension)*, die höher sind als das Gehalt und auch sonst noch so einige Vorteile. Davon kann man nur *profitieren (profiter)*.

Что заставляет немцев использовать в своей речи франц. *à propos* вместо нем. *übrigens*; *völlig d'accord* вместо *völlig einverstanden*; *kein Pardon* вместо *keine Entschuldigung*? Стремление блеснуть высоким уровнем образованности? Желание подчеркнуть свое превосходство над собеседником или придать большей убедительности своим словам? Сделать свою речь более гламурной, грациозной, обаятельной, экстравагантной? Или же с помощью заимствованного слова можно наиболее адекватно выразить мысль? Великий Гёте по этому поводу писал – «Die Gewalt einer Sprache ist nicht, dass sie das Fremde abweist, sondern, dass sie es verschlingt» [7, с. 392]. Доказательством чему, на наш взгляд, является и тот факт, что даже в переводе художественных произведений на немецкий язык переводчики используют в тексте перевода галлицизмы, хотя у них есть и иной выбор. И если переводчик отдаёт предпочтение французскому заимствованию, следовательно, он наделяет его определёнными прагматическими функциями. Так, переводы произведений известной канадской писательницы Ж. Филдинг на немецкий язык изобилуют галлицизмами. Проиллюстрируем отобранный нами практический материал исследования лишь некоторыми примерами: *Es war zu absurd, zu bizzar* [8, с. 27]; *Meine beste Freundin unterzieht sich dieser Tortur nur, weil sie sich ein zweites Kind wünscht* [8, с. 90]; *Ich mache dir keine Vorwürfe, Doc. Sie ist ziemlich formidabel* [8, с.144]; *In dieser Gegend reihen sich Gourmettempel an rustikale Restaurants, exclusive Boutiquen an große Kaufhäuser, und die imposanten neuen Wolkenkratzer bildeten einen interessanten Kontrast zu den historischen Sehenswürdigkeiten* [8, с. 152]; *Unzählige Menschen flanierten an diesem warmen Juliabend durch die City* [8, с. 152]; *Ihre Stimme ist nasal und unangenehm* [9, с. 214]; «Hier ist Amanda», *erwiderte sie. Ohne ihre Verärgerung zu kaschieren* [9, с. 298]; *Auch mit der Liebe hat es bisher nicht geklappt, denn Jamie hat ein ausgesprochenes Faible für charmante Herzensbrecher* [10, с. 2]; «Päckchen», *verkündete ein junger Mann mit einer großen Lücke zwischen den Schneidezähnen nonchalant* [10, с. 71].

Из восьми произведений Ж. Филдинг нами отобрано более 200 примеров галлицизмов. Анализ примеров показал, что:

– наиболее распространены галлицизмы в функции существительных (в скобках мы приводим аналог галлицизма во французском языке) – *Affäre* (affaire), *Amateur* (amateur), *Arroganz* (arrogance), *Avance* (avance), *Balance* (balance), *Boutique* (boutique), *Branche* (branche), *Charme* (charme), *Chauffeur* (chauffeur), *Chirurgie* (chirurgie), *Clou* (clou), *Coup* (coup), *Dekolleté* (décolleté), *Dessert* (dessert), *Dessin* (dessin), *Dinner* (dîner), *Eau de Cologne* (eau de Cologne), *Ensemble* (ensemble), *Etablissement* (établissement), *Faible* (faible), *Fassade* (façade), *Fasson* (façon), *Jalousien* (jalousie), *Kompliment* (compliment), *Marionette* (marionnette), *Nostalgie* (nostalgie), *Omelett* (omelette), *Ornat* (orner), *Parade* (parade), *Paravent* (paravent), *Parfum* (parfum), *Partie* (partie), *Pirouett*

(pirouette), *Portemonnaie* (porte-monnaie), *Redakteur* (rédacteur), *Rendevous* (rendez-vous), *Restaurant* (restaurant), *Rouge* (rouge), *Route* (route), *Serviette* (serviette), *Service* (service), *Statue* (statue), *Terrain* (terrain), *Toilette* (toilette), *Tortur* (torture), *Vinaigrette* (vinaigrette), *Vitrine* (vitrine) и др.;

– на втором месте после галлицизмов-существительных стоят галлицизмы-прилагательные – *amüsant* (amusant), *beige* (beige), *bizzarr* (bizarre), *brillant* (brillant), *charmant* (charmant), *defensiv* (défensif), *dental* (dental), *divers* (divers), *extravagant* (extravagant), *fantastisch* (fantastique), *feminin* (féminin), *formidabel* (formidable), *fragil* (fragile), *imposant* (imposant), *intelligent* (intelligent), *leger* (léger), *maskulin* (masculin), *nasal* (nasal), *nonchalant* (nonchalant), *passable* (passable), *permanent* (permanent), *profitabel* (profitable), *sensibel* (sensible), *simple* (simple), *veritable* (véritable), *vital* (vital) и др.;

– реже используются галлицизмы-глаголы: *amüsieren* (amuser), *arrangieren* (arranger), *designieren* (désigner), *detaillieren* (détailler), *distinguieren* (distinguer), *flanieren* (flâner), *goutieren* (goûter), *insistieren* (insister), *kaschieren* (cacher), *navigieren* (naviguer), *toupiieren* (toupet) и др. или образованные от них причастия – *resigniert* (résigner), *engagiert* (engager), а также и другие части речи, например, наречия – *apropos* (à propos).

Практический материал исследования свидетельствует, что галлицизмы неплохо адаптировались в немецком языке. Многие из них сохранили свою транскрипцию и произношение (*Boutique*, *Chauffeur*, *Charme*, *Dessert*, *Jalousie*, *Partie*, *Restaurant*, *vital*, *nasal*, и др.). Другие сохранили транскрипцию, но в немецком языке не утратили непроизносимый звук «е» в конечной позиции или имеют двоякий вариант произношения (*Avance*, *Balance*, *Branche*, *Chance*, *Route*, *Toilette*, *Serviette*, *Statue*, *Vinaigrette*, *Vitrine* и т.д.). Отдельные слова французского языка, имеющие в своей транскрипции «ai», пишутся в немецком языке с «ä» (*affaire* – *Affäre*, *portraiturer* – *porträtiert*), другие сохранили французскую транскрипцию (*faible* – *Faible*). Чтобы сохранить аутентичность произношения французского «и», соответствующие галлицизмы получили в транскрипции умляут (*amusant* – *amüsant*). Галлицизмы, имеющие в своём составе «en»/ «em», в одних случаях сохранили в произношении носовой звук «а» (*engagiert*, *defensiv*, *Ensemble*, *Etablissement*, *Paravent*), в других – его утратили (*intelligent*, *Kompliment*, *permanent*). Потеряли свой носовой оттенок в произношении и галлицизмы на «in/im» (*imposant*, *feminin*, *maskulin*, *simple*, *insistieren*). Произнесение носового «а» в сочетании «an» в большинстве случаев сохранилось (*Avance*, *Balance*, *Branche*, *Restaurant*, *charmant*). Многие галлицизмы с аксанами (надстрочными знаками) частично или полностью их утратили (*décolleté* – *Dekolleté*, *rédacteur* – *Redakteur*, *défensif* – *defensiv*, *féminin* – *feminin*, *léger* –

leger, véritable – veritable, flâner – flanieren, goûter – goutieren). Французское «ç» в составе галлицизма перешло в «ss» (*façade – Fassade, façon – Fasson*), «с» в «k» (*compliment – Kompliment, cacher – kaschieren, coqueter – kokettieren, correspondre – korrespondieren*). Отдельные галлицизмы стали писаться слитно (*à propos – apropos, rendez-vous – Rendezvous, porte-monnaie – Portemonnaie*). Все галлицизмы-глаголы в инфинитиве стали заканчиваться на «ieren» (*distinguer – distinguieren, cacher – kaschieren, naviguer – navigieren*).

Объём статьи не позволяет описать все тонкости тех преобразований, которые претерпели галлицизмы в немецком языке. Особый интерес представляет также и прагматический аспект их функционирования. Эти вопросы требуют специального изучения.

Литература

1. Gallien // Wikipedia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://de.wikipedia.org/wiki/Gallien>. – Дата доступа: 28.12.2013.
2. Gallizismus // Wikipedia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://de.wikipedia.org/wiki/Gallizismus>. – Дата доступа: 11.01.2014.
3. Küper, H. Pons-Wörterbuch der deutschen Umgangssprache / H. Küper. – 1. Aufl., 2. Nachdr. – Stuttgart: Klett, 1988. – 959 s.
4. Liste von Gallizismen // Wikipedia. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://de.wikipedia.org/wiki/Liste_von_Gallizismen. – Дата доступа: 11.01.2014.
5. Lippische Landes-Zeitung // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lz.de/home/nachrichten_aus_lippe/. – Дата доступа: 21.01.2014.
6. Neujahrsansprache von Bundeskanzlerin Angela Merkel // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bpa.fmsdnl.eviscomedia.com/mpeg4/2013-Die_Kanzlerin_direkt_45_13.m4v. – Дата доступа: 11.01.2014.
7. Duden. Zitate und Sprichwörter von A–Z. – Gütersloh: Bertelsmann Lexikonverlag, 1978. – 544 s.
8. Fielding, J. Nur wenn du mich liebst / J. Fielding. – München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2002. – 509 s.
9. Fielding, J. Tanz, Püppchen, tanz / J. Fielding. – München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2005. – 457 s.
10. Fielding, J. Träume süß, mein Mädchen / J. Fielding. – München: Wilhelm Goldmann Verlag, 2008. – 463 s.

А. М. Шевченко (Мозырь, Беларусь)

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕТАФОР В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ
КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛАКУН**

**(на примере оригинала повести «Дикая охота короля Стаха»
В. Короткевича и перевода на английский язык)**

При переводе художественных текстов, в которых широко употребляются различные образные языковые средства, на иностранный (английский) язык переводчики неизбежно сталкиваются с различными трудностями, особенно если перевод касается лакун различных типов. «Лакуна (в узком смысле, т. н. языковая лакуна) – отсутствие в лексической системе языка слова для обозначения того или иного понятия» [3]. В таких случаях они вынуждены прибегать к подбору наиболее удачных, адекватных вариантов художественных средств, так как компенсировать все лакуны невозможно. При этом главной задачей переводчика остается достижение эстетической адекватности текста. В. Рагойша утверждает, что перевод должен быть основан на функциональном соответствии, которое позволит переводчику достичь такого же эмоционального впечатления, как и оригинал [2, с. 5]. Например: «*І ноч гэтая была цёмная, як сажэ, ...*», «*And the night was as dark as soot, ...*» [1, с. 11]. Метафора *ноч цёмная, як сажэ* переведена на английский язык эквивалентной фразой *the night as dark as soot*, позволяющей ассоциативно одинаково воспринять реальность;

«*Перад намі стаяла невялічкая бабулька ў шырокай, як зван, сукні ...*», «*A woman stood before us, short of stature, in a dress wide as a church bell*» [1, с. 15]. Сравнение широкого платья женщины с распространяющимся звуком колокола в белорусском и английском языках соответственно позволяет достичь одинакового эмоционального впечатления;

«*Дзе яны зараз, усе гэтыя людзі з гарачай крывёю і палкімі жаданнямі, колькі стагоддзяў прагрукацела на іх спаранелых касцях?*», «*Where are they now, all these people with their hot blood and passionate desires, how many centuries have thundered over their decaying bones?*» (перевод М. Минц) [1, с. 21]. В контексте английского перевода метафора *hot blood* функционально соответствует оригиналу *гарачай крывёю*.

Но, к сожалению, многим метафорам, которые употреблены в тексте повести «Дикая охота короля Стаха» В. Короткевича нет эквивалентной замены в тексте-переводе её на английский язык. В таком случае автор перевода пользуется трансформацией метафор. Они могут быть одновременно лексическими и грамматическими. В результате чего метафоричность переходит на те слова, которые весьма приблизительно соответствуют элементам метафор, использованным автором в оригинале (или метафоры опускаются совсем): «*Самыя жахлівыя твані трапляюцца менавіта сярод такіх балот, праглыне і вазок, і коней, і людзей, і ўранцы ніхто нават не здагадаецца, што тут хтосьці быў ...*», «*I knew that the most forsaken places are met with in these marshes – the carriage, the horses,*

and the people, all would be swallowed up – and it would never enter anybody's mind that somebody had ever been there ...» [1, с. 12]. Метафора праглыне переведена при помощи эквивалентного глагола *would be swallowed up*, но в страдательном залоге;

«Поруч з ім магутны, з каменнымі плячыма і шчырым позіркам чалавек у чырвоным плашчы (ля яго галавы шчыт з фамільным гербам, і верхняя палова яго замазана чорнай фарбай).», «*Next to him a powerful-looking man with shoulders like stone and a sincere look about him, in a red cloak (at his head a shield with the family coat-of-arms, the top half smeared with black paint).*» [1, с. 20]. Метафора каменнымі плячыма переведена фразой *shoulders like stone*, где прилагательное каменнымі заменено существительным *stone* с сравнительным союзом *like*;

«Відаць, на першым паверсе яна была дома, а на другім была толькі ахмістрыня, толькі рэдкім госцем і, адпаведна пераходам, мяняла скуру.», «*Apparently, on the ground floor she was at home, whereas on the first she was nothing but the housekeeper, a rare guest, and changed correspondingly with the passage.*» [1, с. 20]. Метафора мяняла скуру в переводе отсутствует, переводчик употребил фразу *changed correspondingly with the passage* для того, чтобы преодолеть лауну.

Метафоры в белорусском художественном тексте содержат в себе национально-культурный компонент, неповторимые черты и особенности этнической культуры народа, особенности восприятия внутреннего мира белоруса, изображают его самобытность. Именно эти особенности имеют место при переводе белорусского текста на английский язык. Введение в контекст метафор живых народных слов ставят переводчика в затруднительное положение. Эти слова являются стилистически маркированными и чаще всего они безэквивалентные. Соответственно при переводе текста такие метафоры трансформируются. Например: «*Вераломства, розум, хваравітая вар'яцінка чыталіся ў гэтым ганарлівым роце, уладнасць да закасянеласці, непамяркоўнасць да фанатызму, жорсткасць да садызму.*», «*Treachery, cunning, symptoms of madness, an obdurate imperiousness, an impatient fanaticism, a sadistic cruelty could be read in this face.*» [1, с. 76]. «*Старасвеччына глядзела з кожнага кута.*», «*Old-fashioned things stared out from every corner.*» [1, с. 101]. «*На звычайным возе пад'ехаў да пад'езда самы дзіўны хаўрус, які мне даводзілася бачыць.*», «*A most ordinary cart had rolled up to the entrance, in it there sat the strangest company I had ever seen.*» [1, с. 69]. В данных примерах национально-специфическая лексика при переводе на английский язык не имеет эквивалентных лексических единиц. Из-за этой особенностями разрушается целосная структура метафор и такие метафоры в английском языке имеют другую коннотацию.

Таким образом, преодолеть все лакуны при адекватном переводе текста с белорусского языка на английский невозможно. Поэтому автор перевода художественного текста вынужден прибегать к трансформации, чтобы достичь функционального соответствия. Существует три вида трансформации метафор: перевод с высокой степенью адекватности, где метафоры, употреблённые В. Короткевичем, переводятся на английский язык с одинаковым смыслом; неадекватный перевод, где степень отличия с оригиналом более существенна, но главное значение метафоры сохраняется; и перевод, где метафорические средства заменяются неметафорическими, теряя при этом образность определённого фрагмента.

Литература

1. Караткевіч, У.С. Дзікае паляванне караля Стаха / У.С. Караткевіч // *Беларуская Палічка*. [Электронный ресурс]. 2005. – Режим доступа: <http://txt.knihi.com/karatkievic/palavannie-eng.html>. – Дата доступа: 10.12.2013.

2. Рагойша, В. П. Проблемы перевода с близкородственных языков: белорусско-русско-украинский поэтический взаимоперевод / В.П. Рагойша. – Минск: БГУ, 1980. – 184 с.

3. [http://ru.wikipedia.org/wiki/Лакуна_\(лингвистика\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Лакуна_(лингвистика)) [Электронный ресурс]. 2013. – Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Лакуна_\(лингвистика\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Лакуна_(лингвистика)). – Дата доступа: 18.12.2013.

• РАЗДЕЛ III

ЯЗЫК И ДИСКУРС: ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А. В. Дуброва (Мозырь, Беларусь)

ИГРОВОЙ МЕТОД КАК СПОСОБ АКТИВИЗАЦИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Качественное изменение характера научно-технического сотрудничества в мировом сообществе существенно повысило статус иностранного языка как общеобразовательной дисциплины, реально востребуемой в практической и интеллектуальной деятельности специалиста любого профиля. В соответствии с образовательным стандартом дисциплины «иностраный язык в неязыковом вузе» обучение должно осуществляться на основе компетентного подхода и носить профессионально-направленный и коммуникативно-ориентированный характер. Целью дисциплины является достижение студентами

неязыковых специальностей уровня коммуникативной компетенции, на котором возможно практическое использование иностранного языка в профессиональной деятельности, а также в целях самообразования.

Будущий специалист должен быть готов к изучению зарубежного опыта в определённой области науки и техники, к налаживанию межкультурных, научных связей, к участию в международных конференциях и встречах, к осуществлению деловых контактов. В действительности же большинство студентов, обучающихся на неязыковых факультетах, не только не готовы к общению на иностранном языке, но, порой, не обладают необходимым лексическим минимумом, не знают элементарных правил грамматики, не говоря уже о фонетическом оформлении речи. У многих преподавателей традиционно бытует мнение о невозможности обучить студентов неязыкового вуза иноязычному говорению в течение ограниченного количества выделяемых на изучение предмета часов. При этом они забывают, что овладение языком как формально-языковой системой не является основным и единственно возможным содержанием процесса обучения иностранному языку. Коммуникативная направленность должна быть основополагающей в процессе преподавания иностранного языка, так как она направлена на общение с другим человеком, партнером, без которого в свою очередь общение невозможно вообще. Такой подход к общению приводит к иной трактовке понятия «общение» в процессе обучения иностранному языку, а именно, непосредственное включение общения в учебный процесс, в результате которого происходит оптимизация овладения языком через организацию общения. В современных условиях принцип коммуникативной направленности обучения является наиболее продуктивным и находит практическое применение в игровом методе обучения.

Овладение учащимися иноязычным говорением происходит непосредственно в учебном процессе, поэтому учебная деятельность является внеречевой деятельностью, в которую включена речевая. Влияние учебной деятельности на речевую деятельность, в частности на говорение, проявляется в том, что оно приобретает управляемый характер. Психолингвисты подчеркивают целесообразность организации обучения иноязычному говорению с учетом основных закономерностей порождения речевого высказывания человеком. Они выделяют его основные этапы и определяют говорение как «целенаправленное, контролируемое говорящим по содержанию и по логике изложения формирование, формулирование и выражение мысли иноязычными средствами» [1].

В процессе иноязычного говорения прослеживается определенная последовательность трех этапов: мотивационно-побудительного, ориентировочно-исследовательского и исполнительного [1].

Активизацию учебно-речевой деятельности студентов целесообразно осуществлять на мотивационно-побудительном и ориентировочно-исследовательском этапах, так как именно здесь появляются трудности, которые не позволяют им осуществлять речевые поступки:

- у студентов не возникает мотивов, которые подтолкнули бы их к осуществлению речевых высказываний;

- нередко они плохо ориентируются в теме, в рамках которой им необходимо высказаться;

- студенты не владеют структурой речевого высказывания;

- им не хватает лексики для построения речевого высказывания.

Активизация учебно-речевой деятельности студентов на ориентировочно-исследовательском этапе происходит тогда, когда студенты определяют предмет говорения и осуществляют отбор необходимых языковых и речевых средств.

Средствами, способными активизировать учебно-речевую деятельность на указанных этапах, являются игры – ролевые и деловые. М.Ф. Стронин определяет игру как вид деятельности в условиях ситуаций, направленных на воссоздание и усвоение общественного опыта [2]. В игре закрепляются свойства, необходимые личности для выполнения социальных, профессиональных и творческих функций. Ролевая игра особенно чувствительна к сфере деятельности людей и отношений между ними. Л.С. Выготский утверждал, что в ролевой игре человек «плачет как пациент, и радуется как играющий», что «в игре ежеминутно происходит отказ от мимолетных желаний в пользу выполнения взятой на себя роли» [3]. Являясь учебной моделью межличностного группового общения, основанного на коммуникативном принципе, ролевые игры легко и органично вписываются в занятия и доставляют студентам истинное удовольствие. Ролевая игра используется для решения комплексных задач усвоения нового материала, закрепления и развития творческих способностей, а также для формирования общеучебных умений. Она дает возможность понять и изучить учебный материал с различных позиций. Опыт нашей работы показывает, что в ролевой игре происходит существенная перестройка поведения студента. Последний не чувствует той напряженности, которую он может ощущать при обычном ответе, он более раскрепощен и свободен. В обучении мы часто практикуем также и деловые игры, в которых разыгрываются ситуации, построенные «на выявлении функциональных связей или отношений между разными уровнями управления и организации» [4].

А.В. Конышева обращает внимание на тот факт, что в игре все равны. Она посильна практически каждому обучаемому, даже не имеющему достаточно прочных знаний в языке. Более того, слабый в языковой подготовке студент может стать победителем в игре, так как в игре находчивость и сообразительность иногда более важны, чем языковые знания. Атмосфера увлеченности и радости, ощущение посильности заданий, чувство равенства дают студенту возможность преодолеть стеснительность в говорении, снижается боязнь перед ошибками. Всё это благотворно сказывается на результатах обучения. Усвоение языкового материала происходит непроизвольно. У студента появляется чувство удовлетворения – он может говорить наравне с другими. Это обстоятельство создаёт дополнительную мотивацию в овладении языком, а также помогает превратить изнурительный процесс заучивания грамматического материала и лексики в интересный познавательный процесс.

В качестве ролевой игры на инженерно-педагогическом факультете (специальность «Экономика и управление») мы предлагаем студентам провести пресс-конференцию с руководителем крупного градообразующего предприятия. Один из студентов (предпочтительно более сильный в группе) играет роль директора завода, а остальные студенты становятся журналистами. Причем студентов можно разделить на тележурналистов и журналистов газет и журналов. Студенты, которые могут представить самостоятельное высказывание на английском языке, получают роли тележурналистов. В конце интервью они подводят итог беседы – каждый для своего телеканала, дают свою оценку обсуждаемым экономическим проблемам. Студенты со слабым языковым уровнем получают роли журналистов газет и журналов. К следующему занятию они должны предоставить статьи и заметки об интервью. Таким образом, у них появляется возможность посмотреть в словаре необходимую лексику, проанализировать грамматическую структуру в спокойной домашней обстановке. На занятии этим студентам предлагается пересказать содержание своих статей, причем они могут использовать текст как зрительную опору. В данной игре студенты знакомятся с актуальными проблемами организации и управления производством. В игру можно ввести соревновательный элемент, например, конкурс «Лучший журналист». Таким образом, студентам придётся внимательно слушать друг друга, чтобы затем определить лучшего журналиста.

Трудно переоценить значимость игры в обучении иностранному языку в неязыковых вузах, где причиной «несерьезного» отношения к языку является отсутствие мотивации. Отсутствие прочной языковой базы приводит к скованности и является причиной неуверенности студента в своих силах. Применение игрового метода дает каждому студенту возможность осознать, что он может принимать участие в обучающих

играх наравне со всеми, постепенно развивая и совершенствуя свои языковые навыки и речевые умения. Игровой метод позволяет подготовить студента к участию в конференции, поездке за границу, встрече иностранных коллег и т. д. Студенты осознают значимость языка, учатся применять его на практике, а отсюда – и повышение мотивации к изучению языка.

Литература

1. Ниязова, А. Е. Игра как средство активизации учебно-речевой деятельности учащихся седьмых-восьмых классов общеобразовательной школы при овладении говорением на английском языке / А. Е. Ниязова // Методики обучения иностранным языкам в средней школе. – СПб.: КАРО. – 2006.
2. Стронин, М. Ф. Обучающие игры на уроке английского языка / М. Ф. Стронин. – М.: Просвещение, 1984. – 112 с.
3. Выготский, Л.С. Психология развития как феномен культуры / Л.С. Выготский. – М.: Тривола, 1996. – 167 с.
4. Аникеева, Н. П. Воспитание игрой / Н.П. Аникеева. – М.: Просвещение, 1987. – 144 с.
5. Вербицкий, А.А. Игровые формы контекстного обучения / А.А. Вербицкий. – М.: Знание, 1983. – С. 127–131.
6. Коньшева, А.В. Английский язык. Современные методы обучения / А.В. Коньшева. – Минск: ТетраСистемс, 2007. – С. 38–82.

Т. Н. Талещкая, С. И. Айзатулина (Мозырь, Беларусь)

РЕЧЕВОЙ ОБРАЗЕЦ КАК СРЕДСТВО ОБУЧЕНИЯ ГОВОРЕНИЮ НА ИЗУЧАЕМОМ ЯЗЫКЕ

Речевой иноязычный материал, подлежащий усвоению в рамках программы общеобразовательной средней школы, включает в себя образцы ситуативно-тематически обусловленных высказываний, которые известны в методике как «речевые образцы». Речевой образец – это типизированный отрезок речи. Он может выражать самые разные значения (отношение, оценку, утверждение, рассуждение, описание, сравнение, просьбу, приказ, благодарность и т. д.) и наименования (называние предмета, действия, качества предмета, адресованности, локализации действия и т. д.). Овладев тем или иным речевым образцом, учащийся создаёт для себя возможность строить на его основе собственное высказывание, аналогичное по функции и по структуре. Поскольку по одной и той же модели может быть построено бесконечное количество высказываний, учащихся следует ориентировать на запоминание речевых

образцов, а также на их видоизменение применительно к новой тематической ситуации. В лингводидактике разграничивают понятия «речевой образец» и «модель». Под *моделью* понимают определённую последовательность постоянных элементов в структуре предложения (например, S – P – O). Понятие «модель» соотносится тем самым с «предложением» как структурной языковой единицей. «Речевой образец» соответствует «высказыванию» как единице речевого уровня. Речевой образец – это реализация модели в речи.

Впервые идею обучения на основе речевых образцов выдвинули в методике «прямисты», которые предложили весь языковой материал вводить только в структурах, воспринимаемых учащимися нерасчленённо (глобально) [1, 107]. В неопрямых методах при введении материала (в частности, грамматического) также большое внимание уделялось «ключевым предложениям» («речевым образцам», «моделям») [1, 115]. Эти структуры должны были усваиваться по аналогии путём многократного повторения с последующими лексическими заменами, что обеспечивало автоматизацию навыка. Г. Пальмер считал, что «готовые образцы» следует запоминать наизусть с целью интуитивного усвоения неродного языка [1, 117]. Их накопление Г. Пальмер считал основной задачей начальной ступени овладения иностранным языком. На их основе у учащихся развивалось умение бегло строить собственные высказывания.

В традиционной методике преподавания иностранных языков одним из частных принципов обучения является принцип обучения на основе типовых речевых образцов, признанный одним из наиболее рациональных путей овладения иноязычной устной речью. «В основу этого принципа положены тщательный отбор и моделирование учебного языкового или речевого материала, в результате чего учащимся предлагаются в концентрированном виде ... наиболее употребительные речевые образцы, овладение которыми дает возможность осуществлять коммуникативные акты ...» [1, 66–67]. Коммуникативный метод рассматривает обучение говорению на основе речевых образцов в рамках принципа функциональности – «в качестве речевых единиц следует использовать словоформы, словосочетания, фразы и сверхфразовые единства, на основе которых выделяются речевые образцы» [2, 61].

В соответствии с рекомендациями коммуникативного метода методическая последовательность усвоения нового языкового явления осуществляется от функций и условий общения к системно-образующим характеристикам (языковым правилам). Вначале учителем раскрывается функциональность языковой единицы с помощью демонстрации речевых образцов, в состав которых она входит, после чего поясняются правила её функционирования и осуществляется первичная тренировка формообразующих характеристик в хоровом и индивидуальном режимах.

Обучение устной речи строится на овладении аспектами языка – фонетическим, лексическим и грамматическим. Технология обучения языковым аспектам осуществляется в рамках трёх методических этапов, к которым относятся введение (семантизация), тренировка (автоматизация) и использование в речи (активизация). Для эффективной организации этапа введения очень важно отобрать наиболее функциональные речевые образцы для презентации фонетического или грамматического явления, лексической единицы. Так, например, последовательность введения нового звука следующая: демонстрация учителем нового звука сначала в слове или речевом образце, затем изолированно; распознавание учащимися нового звука на слух, характеристика учителем особенностей артикуляции звука (в сопоставлении с артикуляцией в родном языке); имитация звука учащимися в ходе хоровой и индивидуальной тренировки; совершенствование произносительного навыка на основе многократных имитационных и дифференцировочных упражнений.

При введении лексических единиц также используются речевые образцы:

– для называния лица, предмета, факта: *Das ist meine Schule. Das ist meine Klasse. Das ist meine Deutschlehrerin. Das ist mein Freund. Das ist meine Wohnung. Das ist mein Haus;*

– для называния признака предмета: *Meine Schule ist neu. Meine Klasse ist hell. Meine Deutschlehrerin ist nett. Mein Freund ist klug. Meine Wohnung ist komfortabel. Mein Haus ist modern;*

– для называния состояния или действия: *Meine Schule befindet sich Meine Klasse liegt Meine Deutschlehrerin unterrichtet Mein Freund lernt. Meine Wohnung besteht aus Mein Haus wird renoviert;*

– для называния характера действия или состояния: *Meine Schule ist die beste. Meine Klasse ist sehr fleißig. Meine Deutschlehrerin unterrichtet anschaulich. Mein Freund lernt sehr gut. Meine Wohnung wird schöner. Mein Haus wird regelmäßig gepflegt;*

– для называния модальности осуществления действия: *Meine Schule kann daran teilnehmen. Meine Klasse darf nach Deutschland reisen. Meine Deutschlehrerin möchte gerecht sein. Mein Freund will Arzt werden. Meine Wohnung muss gepflegt werden. Mein Haus soll renoviert werden;*

– для называния направления действия: *Meine Klasse geht in die Turnhalle. Meine Deutschlehrerin fährt nach Minsk. Mein Freund läuft in die Apotheke;*

– для называния места осуществления действия: *Meine Schule befindet sich im Zentrum der Stadt. Meine Klasse liegt in der dritten Etage. Meine Deutschlehrerin hat in Minsk studiert. Mein Freund wohnt nicht weit von mir. Meine Wohnung liegt im Erdgeschoss;*

– для называния прямой адресованности действия: *Meine Klasse hat eine besondere Aufgabe. Mein Freund hat zwei Geschwister. Meine Wohnung hat allen Komfort. Mein Haus enthält mehrere Wohnungen;*

– для называния косвенной адресованности действия: *Die Schule hilft den Eltern. Die Klasse antwortet dem Lehrer. Die Deutschlehrerin hört den Schülern zu. Mein Freund vertraut mir. Meine Wohnung / Mein Haus gefällt mir;*

– для называния прямой и косвенной адресованности действия: *Die Schule gibt den Schülern Kenntnisse. Die Klasse bereitet dem Lehrer Schwierigkeiten. Die Deutschlehrerin erteilt den Schülern Aufgaben. Mein Freund schenkt mir ein Buch.*

При введении нового грамматического явления рекомендуется опираться на классический образец Е.И. Пассова с будущим временем: «Ребята, сегодня вы научитесь рассказывать о своих планах на будущее, делиться планами на каникулы, на лето, на ближайшее воскресенье. Между прочим, послезавтра воскресенье. Я провожу его обычно в лесу. Вот послушайте, что я собираюсь делать в воскресенье. Обратите внимание на то, как я это выражаю, в какой форме ... » [2, 120]. Начинается презентация будущего времени с помощью речевого образца «*Ich werde ... (machen)*» с разным лексическим наполнением: *Ich werde nicht so früh aufstehen. Ich werde mir einen Tee kochen. Ich werde allein frühstücken. Ich werde mit meinem Hund spazieren gehen* и т. д. Учитель утрирует форму будущего времени, при необходимости вычлняя её из речевого образца. Затем на доске появляется схема – *Ich werde ... (machen)*. А теперь послушайте, как проведёт воскресенье мой друг. А каковы ваши планы на воскресенье? Опираясь на схему образования Futurum, записанную на доске, учащиеся отвечают на вопросы учителя: *Wann wirst du am Sonntag aufstehen? Was wirst du kochen – Tee oder Kaffee? Wirst du allein frühstücken? Was wirst du am Sonntag unternehmen? Wirst du spazieren gehen?*

Вначале высказывания учащихся на изучаемом языке носят репродуктивный характер. Научить логично и связно формулировать собственные высказывания на продуктивном уровне – это очень сложная методическая задача. Умения говорения на иностранном языке необходимо специально формировать, в частности, с помощью речевого образца. Начиная работу над новой темой, учитель планирует минимум речевых образцов, который должен быть усвоен каждым учащимся. В рамках цикла уроков эти речевые образцы распределяются для тренировки и механического заучивания по отдельным ситуациям темы. На каждом уроке должно быть усвоено несколько речевых образцов, необходимых для решения коммуникативных задач в рамках предметно-тематического

содержания речи. Например, если учащийся 3-го класса должен научиться описывать свою внешность, описывать членов семьи, то ему предстоит овладеть, прежде всего, речевыми образцами для называния предмета или явления (*Das bin ich. Das ist meine Familie. Das ist meine Mutter/ meine Oma/ meine Schwester. Das ist mein Vater/mein Opa/ mein Bruder. Das sind meine Eltern/ meine Großeltern/ meine Geschwister. Das ist meine Nase/ mein Haar*), называния признака предмета (*Ich bin groß/klein/schlank/dick. Er ist hübsch/nicht hübsch/attraktiv. Meine Schwester ist groß/klein/schlank/dick. Meine Schwester ist hübsch/nicht hübsch/attraktiv/ schön*) или называния признака действия (*Meine Mutter kocht gut. Mein Vater spielt Fußball gern. Meine Oma strickt super*) и называния самого действия (*Meine Mutter/ mein Vater arbeitet. Meine Mutter kocht. Mein Vater putzt. Meine Oma strickt. Mein Opa liest*).

В результате учащийся 3-го класса сможет представить себя и описать свою внешность следующим образом: *Das bin ich. Ich bin ein Junge. Ich heiße Igor. Ich bin 10 Jahre alt. Ich bin groß und schlank. Ich bin schön. Ich bin blond. Ich habe blaue Augen. Ich bin stark, freundlich und intelligent. Ich bin Schüler. Ich lerne in der Schule*. С помощью тех же речевых образцов учащийся без труда опишет своих братьев и сестёр, своих родителей, своих бабушку, дедушку, тётю, дядю и т. д. Кроме того, учащийся сможет перенести навык описания своей внешности и внешности своих родителей на описание внешности друга, на описание своей комнаты и т. д., поскольку для этого потребуются уже известные речевые образцы, построенные по соответствующим структурно-семантическим моделям предложения.

Овладение иноязычным говорением осуществляется на основе утверждённых учебной программой [3] сфер устного общения, их предметно-тематического содержания, коммуникативных задач и требований к овладению различными видами и объёмом высказывания на разных этапах обучения. Так, в каждой сфере общения программой определено предметно-тематическое содержание речи, которое усложняется от класса к классу. Например, в социально-бытовой сфере общения оно включает следующие разделы: *семья, внешность, характер, межличностные отношения, друзья, еда, национальная кухня, здоровье, здоровый образ жизни, распорядок дня, помощь по дому, покупки, одежда, мир моды, дом, квартира, виды жилья, город и деревня, животные*.

Коммуникативные задачи формулируются на основе предметно-тематического содержания речи. Так, в рамках тематического раздела «Семья» учащиеся овладевают говорением на основе следующих коммуникативных задач: дать информацию о себе, рассказать о ближайших родственниках, о родственных отношениях в семье,

выразить отношение к членам семьи, описать члена семьи, описать свои отношения с родственниками, обсудить роль семьи в жизни общества, рассказать о семейных праздниках, традициях [3]. Коммуникативные задачи в рамках раздела «Внешность/характер» – описать членов семьи, описать свою внешность, назвать и описать животных, рассказать, что животное умеет делать, описать внешность человека и его характер, высказать и аргументировать своё мнение по поводу характера человека [3]. Коммуникативная задача изначально определяет, по какой структурно-семантической модели будет построено высказывание учащегося. С учётом программных требований учитель вычленяет из текстов и упражнений учебного пособия наиболее функциональные речевые образцы. Чтобы систематизировать их в рамках одной темы на разных этапах обучения, учитель может разрабатывать для себя сводные таблицы типа:

Таблица – Речевые образцы в рамках предметно-тематического содержания темы «Семья»

Класс	Раздел	Коммуникативные задачи (КЗ) и речевые образцы (РО)
3	Моя семья	<p>КЗ 1 – дать информацию о себе (имя, возраст, место жительства); РО – <i>Ich bin Tom. Ich heiÙe Tom. Ich bin 8 Jahre alt. Ich bin fleißig. Ich wohne in Belarus.</i></p> <p>КЗ 2 – рассказать и расспросить о ближайших родственниках; РО – <i>Das ist mein Vater. Mein Vater heißt Michael. Mein Vater ist 40 Jahre alt. Mein Vater singt gut. Meine Familie wohnt in Berlin. Wie heißen eure Eltern, Großeltern und Geschwister? Wo wohnen deine Eltern? Wie alt ist dein Vater?</i></p>
4	Семья	<p>КЗ 3 – рассказать и расспросить о родственных отношениях в семье, выразить отношение к членам семьи; РО – <i>Wie groß ist deine Familie? Wie ist deine Familie? Was machen deine Eltern gern? Meine Familie ist groß. Ich habe Mutter, Vater, Großvater, Oma und einen Bruder. Unsere Familie ist freundlich. Meine Eltern sind lieb, aber streng. Ich helfe meiner Mutter gern. Ich liebe meine Familie.</i></p> <p>КЗ 4 – описать члена семьи (внешность, качества); РО – <i>Meine Mutter ist sehr schön. Ihre Haare sind blond. Ihre Augen sind blau. Meine Mutter ist freundlich. Sie kocht gern.</i></p>
9	Межлично	<p>КЗ 5 – рассказать о своих отношениях с</p>

11	<p>ственные отношения в семье</p> <p>Семья</p>	<p>родственниками; PO – <i>Meine Familie hat eine große Verwandtschaft. Die Beziehungen zur Familie finde ich am wichtigsten. Die Beziehungen sind in meiner Familie kompliziert. Ich habe keinen Kontakt zu meinen Eltern. Ich habe Probleme mit meinen Eltern. Für meine Eltern ist es schwer, uns Kinder zu verstehen. Ich kann mit meinen Eltern über meine persönlichen Probleme sprechen. Keine Ordnung im Zimmer bringt zu den Konflikten in der Familie. Man kann öfter mit den Kindern sprechen, um Konflikte zu lösen. Wir fühlen uns glücklich in unserer Familie. Mama ist zufrieden mit mir, wenn ich im Haushalt helfe. Die Eltern bestrafen mich, weil ich jüngere Geschwister ärgere. Wenn man zusammenlebt, muss man für einander sorgen.</i></p> <p>КЗ 6 – обсудить роль семьи в жизни общества; PO – <i>Jeder Mensch braucht eine Familie. Die Familie ist wichtig. Für viele Deutsche ist die Familie das Lebensideal. Bei dem Wort Familie denke ich an Vater, Mutter und Kinder. Es gibt viele Familienformen. Eine Ehe ist glücklich, wenn das Paar ähnliche Interessen hat. Die Familie geht nicht unter. Die Zahl der Kinder geht zurück.</i></p> <p>КЗ 7 – рассказать и расспросить о семейных праздниках, традициях; PO – <i>Es gibt wichtige und nicht so wichtige Familienfeste. Weihnachten ist für mich zur Tradition geworden. Die Hochzeit ist ein schönes Fest. Es gibt feste Regeln, wie ein Fest gefeiert werden kann. Wir feiern ... nicht. Wie feiern ... traditionell.</i></p>
----	--	--

На примере данной таблицы видно, какие речевые образцы могут использоваться для решения конкретных коммуникативных задач в рамках тематического раздела «Семья». Аналогично отбираются и систематизируются речевые образцы для всех разделов четырёх сфер устного общения. Функциональность таких таблиц в том, что с их помощью можно разрабатывать дидактические материалы для организации учебного общения, для организации повторения в рамках сквозных тем для устного общения и для подготовки учащихся к выпускному экзамену по немецкому языку.

Литература

1. Гез, Н. И. Методика обучения иностранному языку в средней школе: учебник / Н. И. Гез, М. В. Ляховицкий, А. А. Миролубов. – М.: Высш. шк., 1982. – 372 с.

2. Пассов, Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению: пособие для учителей иностранных языков / Е.И. Пассов. – М.: Просвещение, 1985. – 208 с.

3. Учебная программа «Иностранные языки: английский, немецкий, французский, испанский, китайский» для III–XI классов общеобразовательных учреждений с русским языком обучения / Министерство образования Республики Беларусь. – Минск: Национальный институт образования, 2012. – 132с.

4. Будько, А.Ф. Немецкий язык: учебное пособие для 3-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / А.Ф. Будько, И.Ю. Урбанович. – Минск: Высш. шк., 2009. – 182 с.

5. Будько, А.Ф. Немецкий язык: учеб. пособие для 4-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / А.Ф. Будько, И.Ю. Урбанович. – Минск: Высш. шк., 2009. – 182 с.

6. Будько, А.Ф. Немецкий язык: учеб. пособие для 9-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / А.Ф. Будько, И.Ю. Урбанович. – Минск: Высш. шк., 2011. – 319 с.

7. Будько, А.Ф. Немецкий язык: учеб. пособие для 11-го кл. общеобразоват. учреждений с рус. яз. обучения / А.Ф. Будько, И.Ю. Урбанович. – Минск: Высш. шк., 2011. – 366 с.

Н. Г. Точило (Мозырь, Беларусь)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОБЛЕМЫ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

Проблема девиантного поведения обостряется, как правило, в кризисные периоды состояния общества. В такой ситуации несовершеннолетние оказываются самыми социально неустойчивыми, нравственно неподготовленными и незащищенными. Не имея достаточного жизненного опыта, стойких моральных убеждений, навыков отличать истинные жизненные ценности от мнимых, они закрепляют в своем сознании и поведении негативные тенденции общественного развития. Все это требует активизации педагогических усилий, направленных на осмысление причин девиантного поведения и поиск адекватных механизмов его содержания и предупреждения.

В настоящее время в условиях сложной социально-экономической и духовно-нравственной ситуации девиантное поведение детей и подростков

все больше дает о себе знать. В связи с этим данная проблема актуальна как никогда ранее. В Республике Беларусь сложилась определенная система работы по предупреждению и коррекции девиантного поведения детей и подростков. Она включает в себя деятельность социально-педагогических центров и психолого-педагогических консультаций, специальных служб при управлении внутренних дел. Изучение опыта их деятельности показывает, что существующие технологии работы с детьми девиантного поведения направлены на то, чтобы поставить последнее под социальный контроль, включающий в себя следующие направления:

- замещение / вытеснение наиболее опасных форм девиантного поведения общественно-полезными или нейтральными;
- направление социальной активности ребенка в общественно одобряемое русло;
- отказ от уголовного или административного преследования подростков, занимающихся бродяжничеством, наркоманией, проституцией и т. д.;
- создание специальных служб психологической и социальной помощи, в которых проводится коррекционная и реабилитационная работа.

Проблема девиантного поведения детей и подростков является объектом психологических, педагогических, социологических исследований. Она заключается в определении факторов риска и выделении так называемых групп профилактического учета по различным формам девиантного поведения, а также в профилактике и коррекции такого поведения. Так, В.Г. Кондрашенко рассматривает социально-психологический и психиатрический аспекты проблемы девиантного поведения и освещает такие наиболее распространенные формы девиаций, как пьянство, правонарушение, самоубийства. Психологические проблемы неуспеваемости и недисциплинированности школьников, а также особенности индивидуального подхода к таким детям в процессе обучения и воспитания рассматривают Н.А. Менчинская, Е.С. Рабунский, Л.С. Славина В.Г. Степанов, М.К. Акимова и др. Проблемы диагностики и организации воспитательно-профилактической работы с педагогически запущенными детьми исследуются в работах А.С. Белкина, Н.С. Криволап, И.М. Ермолаева, П.Е. Завадова и др. А.Е. Личко, Л.М. Сименюк в своих исследованиях касаются проблем акцентуации характера, рассматривают психологические особенности агрессивного поведения подростков и условия его коррекции. Проблемами деятельности неформальных молодежных объединений занимаются Д.И. Фельдштейн, Л.А. Раздиховский, Ю.В. Василькова и др. Социально-психологические основы работы с детьми «группы риска» в учреждениях социальной помощи и поддержки, а также вопросы перевоспитания в условиях спецшколы рассматривают Т.И. Шульга, Л.Я. Олиференко, В.К. Андриенко, Ю.К. Гербеv, И.А. Невский и др. Девиантное поведение как социально-

педагогическую проблему, как результат социальной дезадаптации рассматривают В.А. Никитин, М.А. Галагузова, Ю.В. Василькова, Ю.А. Клейберг, Л.Б. Филонов и др. Проблемам профилактики правонарушений среди учащихся системы профессионально-технического образования посвящены работы Л.М. Зюбина, В.Ф. Пирожкова и др.

Являясь достаточно разработанной в теории, проблема профилактики и коррекции девиантного поведения не получила адекватного разрешения в педагогической практике. Существующее содержание, формы и методы профилактической и коррекционной работы не всегда являются продуктивными. Считается, что наиболее эффективными их может сделать классный руководитель. Ведь кто, как не он, может лучше узнать ученика и помочь ему в преодолении определенных трудностей. Изучение школьников позволяет классному руководителю спроектировать систему воздействий, отвечающих уровню развития именно этого ученика, учитывающих его возможности, способности, особенности характера, положение в коллективе, содержание личностных отношений и потребностей. Только в этом случае можно создать условия для максимального совершенствования его внутренних сил и их реализации. По сути это и означает подойти к личности ученика как можно ближе, чтобы повести его за собой, помочь каждому осознать себя как личность и пробудить потребность в саморазвитии и самосовершенствовании. Каждая личность неповторима, и столь же неповторим подход к этой личности.

Наше исследование, исходя из вышесказанного, нацелено на определение содержания работы классного руководителя с детьми девиантного поведения и разработку модели коррекции разного рода отклонений в поведении школьников.

Литература

1. Василькова, Т.А. Методика и опыт работы социального педагога: учебное пособие для студентов высшей школы педагогических учебных заведений / Т.А. Василькова // М.: «Академия», 2001.
2. Галагузова, М.А. Девиантное поведение подростков как следствие их образовательной неуспеваемости / М.А. Галагузова, О.С. Тоистева // Педагогическое образование и наука. – 2007. – № 5. – С. 31–33.
3. Клейберг, Ю.А. Психология девиантного поведения / Ю.А. Клейберг // Вопросы психологии. – 1998. – № 5. – С. 141–145.
4. Кондрашенко, В.Т. Девиантное поведение у подростков: диагностика. Профилактика. Коррекция: учебное пособие / В.Т. Кондрашенко, С.А. Игуменов. – Минск, АБЕРСЕВ, 2004. – С. 86–92.

5. Сенько, В.Г. Проблемы девиантного поведения детей: сущность проблем, поиск путей их решения / В.Г. Сенько // Проблемы выхавання. – 2000. – № 4. – С. 50–59.
6. Стурова, М.П. Девиантное поведение несовершеннолетних / М.П. Стурова, В.И. Силенков // педагогика. – 1999. – № 7. – С. 38–41.

МГПУ им. И.П.Шамякина

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Архипова Елена Владимировна – старший преподаватель, заведующий кафедрой английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»; соавтор – **Морозевич Валерия Олеговна** – студентка 4 курса 1 группы филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Баранова Ольга Николаевна – аспирантка кафедры зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, института гуманитарных наук, г. Москва.

Беляева Вера Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, института гуманитарных наук, г. Москва.

Гриб Жанна Владимировна – преподаватель кафедры иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Друцэ Анна Юрьевна – аспирантка кафедры зарубежной филологии Московского городского педагогического университета, института гуманитарных наук, г. Москва.

Дуброва Алла Владимировна – старший преподаватель кафедры иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Калугина Юлия Владимировна – канд. филол. наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный аграрный университет», (Российская Федерация), г. Уфа.

Качур Марина Степановна – старший преподаватель кафедры иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Матвеевко Ирина Михайловна – преподаватель кафедры иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Новикова Ольга Николаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков ФГБОУ ВПО «Башкирский государственный аграрный университет», (Российская Федерация), г. Уфа.

Плыткевич Полина Валентиновна – преподаватель кафедры немецкого языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»; соавтор **Купрацевич Елена Борисовна** – учитель немецкого языка ГУО «Гимназия г. Калинковичи».

Пузан Любовь Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкого языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»; соавтор **Зыблева Данута Викторовна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и иностранных языков УО «Гомельский государственный технический университет им. П. О. Сухого.

Русецкая Инна Валерьевна – преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»; соавтор **Титовец Максим Николаевич** – учитель английского языка ГУО «СШ № 1 г. Мозыря».

Сардарова Алина Арменовна – преподаватель кафедры теории и практики перевода № 1 Минского государственного лингвистического университета, г. Минск.

Сергей Владимир Николаевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Скребова Екатерина Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, (Российская Федерация), г. Воронеж.

Старовойт Марина Геннадьевна – преподаватель кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Талецкая Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»; соавтор **Айзатулина Светлана Игоревна** – учитель немецкого языка ГУО «СШ № 15 г. Мозыря», соавтор **Костюкевич Мария Андреевна** – студентка 4 курса 3 группы филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Точило Наталья Григорьевна – магистрант кафедры общей педагогики, истории педагогики и образования УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Фёдорова Надежда Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и МПИЯ УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».

Шевченко Анастасия Михайловна – студентка 5 курса 1 группы филологического факультета УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина».